

10
вождей

ДМИТРИЙ ВОЛКОГОНОВ

СТАЛИН

Дмитрий Антонович Волкогонов

Сталин

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2818375

Волкогонов Д. А. Сталин. Впервые обе книги одним томом!: Якуза,

Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-51011-5

Аннотация

Главная книга о Сталине, разошедшаяся миллионными тиражами и переведенная на десятки языков. Лучшая биография величайшего диктатора XX века, написанная с антисталинских позиций, но при этом сохраняющая историческую объективность. Сын «врагов народа» (его отец был расстрелян, а мать умерла в ссылке), Д.А. Волкогонов не опустил до сведения личных счетов, сохранив профессиональную беспристрастность и создав не политическую агитку, а энциклопедически полное исследование феномена Вождя – не однодневку, а книгу на все времена.

От Октябрьского «спазма» 1917 Года и ожесточенной борьбы за ленинское наследство до коллективизации, индустриализации и Большого Террора, от катастрофического начала войны до Великой Победы, от становления Свехдержавы до смерти «кремлевского горца» и разоблачения «культа личности» – этот фундаментальный труд восстанавливает подлинную историю

грандиозной, героической и кровавой эпохи во всем ее ужасе и величии, воздавая должное И.В. Сталину и вынося его огромные свершения и чудовищные преступления на суд потомков.

Содержание

Вместо введения	5
Книга 1	46
Глава 1	46
Анфас и в профиль	51
Февральский пролог	75
На вторых ролях	92
Вооруженное восстание	109
Спасительный шанс	131
Российская Вандея	139
Глава 2	172
Плеяда соратников	176
Конец ознакомительного фрагмента.	208

Дмитрий Волкогонов

Сталин

Ленинизм есть вождизм нового типа, он выдвигает вождя масс, наделенного диктаторской властью... Сталин будет законченным типом вождя-диктатора.

Н. Бердяев

Вместо введения

Феномен Сталина

...Перед наступлением эпохи Духа человек должен пройти через сгущение тьмы, через ночную эпоху.

Н. Бердяев

Сталин умирал. Лежа на полу столовой на даче в Кунцево, он уже не пытался встать, а лишь изредка поднимал левую руку, словно прося у людей помощи. Полуприкрытые веки вождя не могли скрыть отчаяния взгляда, обращенного к входной двери. Губы немом рта беззвучно и слабо шевелились. Уже прошло несколько часов после удара. Но никого рядом со Сталиным не было. Наконец, обеспокоенные долгим отсутствием признаков жизни за окнами особняка, в

столовую несмело вошли его телохранители. Однако они не имели права немедленно вызвать врачей. Один из самых могущественных людей за всю человеческую историю не мог на это рассчитывать. Нужно было личное распоряжение Берии. Его долго ночью искали. Но тот посчитал, что Сталин просто крепко спит после плотного ночного ужина. Лишь через десять – двенадцать часов перепуганные медики были привезены к умирающему вождю.

Сам факт такой смерти глубоко символичен. Ирония судьбы оказалась жестокой. Агонизировавший несколько десятков часов вождь в нужную минуту не смог получить помощь. И это он, почти земной бог, способный несколькими словами переместить миллионы людей с одного края страны на другой! Бюрократический «порядок», созданный им, сделал и самого вождя своим заложником. Медленно угасавшее сознание Сталина еще могло оценить по достоинству степень косности существующей системы, которую он так долго создавал.

Невидимую черту, отделяющую бытие от небытия, можно перешагнуть только в одном направлении. Даже вожди вернуться обратно не в состоянии. Едва ли Сталин знал, что ему предстоит не только смерть физическая, но и смерть политическая. Его кончина казалась для современников глубокой трагедией. Они не думали тогда, что именно этот человек относился к гибели миллионов людей лишь как к казенной сфере закрытой статистики. После своей смерти Сталин

оставил в наследство потомкам не просто долгое занятие – разбираться, что он создал, но и ожесточенные споры о «загадке» его судьбы. А она есть прежде всего «загадка» исторической неудачи социализма, который сразу после революции пошел по тоталитарной тропе. Смерть не стала оправданием Сталина. Все его свершения, деяния и преступления отданы на суд истории. Мифы рушатся. Но окончательно их развеять можно только правдой.

Все о себе знал только он сам. Сталин не любил полутонов: или белое, или черное. Несомненно, он заботился о том, чтобы в его биографии для потомков господствовали только светлые тона. Не знаю, подозревал ли Сталин о существовании в Древнем Риме «Закона об осуждении памяти», согласно которому все, что не устраивало очередного императора, предписывалось предавать забвению. Однако этот закон, мы знаем, лишь подчеркнул тщетность попыток регламентировать человеческую память. Она, память, живет (или умирает) совсем по другим, своим законам. История «делается» всегда сразу, набело. Черновики у нее не бывает. Прожитое, бывшее, минувшее можно «прокрутить» назад, как киноленту, только в сознании, мысленно. Это Сталин понимал, поэтому очень заботился о том, чтобы в этой «хронике» не было ненужных кадров. Люди знали о нем лишь то, что хотел он сам.

К сожалению, многие детали, факты, явления с течением времени безвозвратно утрачиваются. А забвение – это про-

пасть истории. Вдумайтесь: на Земле до нас жили 70–80 миллиардов человек. При всем желании в памяти человечества невозможно восстановить даже имена (не судьбы!) большей части этих призрачных миллиардов теней. Пропать истории бездонна. Однако сквозь ячеи гигантской сети памяти, натянутой над бездной забвения, «проваливаются» не все. Такие люди, как Сталин, независимо от характера отношения к нему ныне живущих, имеют шанс остаться в анналах цивилизации, куда она будет существовать. В этом смысле время – лучший биограф. Оно всегда дает оценку более однозначно.

Сейчас, в 80-е годы, когда проснулся невиданный интерес к подлинным страницам отечественной истории, общество оказалось серьезно расколотым по вопросу оценки роли Сталина. Но если вдуматься, то не Сталин сейчас находится в фокусе исторического интереса. Просто Сталин символизирует все то, что уценено историей. В центре интереса – наши судьбы, наша боль, горестное недоумение: как могло появиться и существовать то, что мы называем сегодня сталинизмом. И если бы понадобилось выразить отношение людей к этой личности с помощью эпитафии, то, думаю, их было бы множество. На одном полюсе можно было бы выбить примерно такую: «Ошибки твои известны. Заслуги твои бесспорны». На противоположном: «Преступлениям твоим нет прощения. Тяжек груз твоего «наследия». По мере высветивания истиной сложнейшей диалектики прожитых лет, по-

лучения возможности без шор взглянуть в глаза прошлому, нынешняя «расколотость» общественного мнения будет постепенно исчезать. Нет, не в направлении формирования некоей «средней» позиции, а в русле максимального постижения истины. Истина не должна быть роскошью. Когда она станет нашей интеллектуальной сутью, то не останется места дуализму и во взглядах на феномен Сталина.

История многократно доказала, что попытки людей еще при жизни соорудать себе памятники бесплодны, эфемерны, призрачны. Право истории на то, в «каком свете» сохранить память о той или иной личности, – абсолютно. Еще Г.В. Плеханов в своей блестящей работе «К вопросу о роли личности в истории» убедительно показал диалектическую зависимость исторической оценки человека от его реального вклада в общественное развитие. Но из этого, конечно, не следует, что лишь исторические личности оставляют свои следы на пыльных ступенях пирамиды прогресса. История – не просто чередование эпох и времен. Это и бесконечная галерея исторических портретов людей, прошедших по земле. Не все они равноценны, равнозначны, но каждый из них занимает свое место. Правда, не всем и не всегда они видны для обозрения. Об этом особо следует сказать и потому, что на протяжении целых десятилетий наша отечественная история выглядела «обезлюдившей», как полуночная улица. Многие исторические персонажи, события, факты, процессы как бы попадали под действие древнего «Закона об осуж-

дении памяти». Но такое умолчание рано или поздно напоминает о себе громким, а то и яростным криком.

Сегодня идет не только мучительный процесс демонтажа тоталитарной системы и создания демократического общества, но и восстановления прошлого. И, пожалуй, в начале этого процесса интеллектуальным и эмоциональным эпицентром общественного интереса к прошлому стала фигура Сталина. И хвалы и хулы на его долю выпало столько, что хватило бы на целый легион исторических деятелей. Но постепенно откровенных апологетов диктатора остается все меньше и меньше.

«Путешествие» в будущее – трудно, зыбко. Путешествие в прошлое – не легче. Это всегда, как метко заметил Л. Фейербах, – «укол в сердце», тревожащий, волнующий. Всматриваясь в расплывающиеся образы прошлого, мы видим, что Сталин – одна из самых кровавых личностей в истории. Такие люди, хотим мы того или нет, принадлежат не только прошлому, но и настоящему и будущему. Их судьба вечная мировоззренческая пища для размышлений о бытии, времени и совести. Один из выводов, напрашивающихся уже в начале исследования о Сталине, заключается в том, что жизнь этого человека, как в фокусе, высвечивает сложнейшую диалектику своего времени. История не бывает без зигзагов. Появление такого человека, как Сталин, во главе партии, а фактически и народа, завершило процесс сползания победившей русской революции на рельсы бюрократическо-

го тоталитаризма.

Партия, потеряв Ленина в критический момент исторического выбора путей и методов социалистического строительства, попала в полосу ожесточенной междоусобной борьбы. «Ленинская гвардия», выдвинув нового вождя, оказалась не на высоте, не разглядев в Сталине человека, опасного для еще не окрепшего народовластия. А это привело к тому, что диктатура пролетариата все больше оборачивалась только стороной карательной. Сегодня мы знаем, что Сталин не был бы тем Сталиным, портрет которого автор попытается написать, если бы он не использовал насилие как важнейший инструмент для достижения политических целей. Насилие фактически стало одним из решающих средств реализации социально-экономических планов и программ. Такой поворот в политическом курсе, начатый еще в начале 20-х годов и особенно рельефно проявившийся после XVII съезда партии, повлек за собой полосу горьких лет, окончательно и трагически погубивших революционную идею создания справедливого социалистического общества. Не случайно поэтому оценки личности Сталина претерпели кардинальные изменения по мере высвечивания истиной исторической правды. Приведу для начала две выдержки.

Вот пространная цитата из Приветствия ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР в связи с 70-летием со дня рождения Сталина (1949 г.). «Вместе с Лениным ты, товарищ Сталин, был вдохновителем и вождем Великой Октябрьской социа-

листической революции, основателем первого в мире Советского социалистического государства рабочих и крестьян. В годы гражданской войны и иностранной интервенции твой организаторский и полководческий гений привел советский народ и его героическую Красную Армию к победе над врагами Родины. Под твоим, товарищ Сталин, непосредственным руководством была проведена огромная работа по созданию национальных советских республик, по объединению их в одно союзное государство – СССР... В каждое преобразование, большое или малое, поднимающее нашу Родину все выше и выше, ты вложил свою мудрость, неукротимую энергию, железную волю. Наше счастье, счастье нашего народа, что Великий Сталин, являясь руководителем партии и государства, направляет и вдохновляет творческий созидательный труд советского народа на процветание нашей славной Родины. Под твоим водительством, товарищ Сталин, Советский Союз превратился в великую и непобедимую силу... Все честные люди на земле, все грядущие поколения будут славить Советский Союз, твое имя, товарищ Сталин, как спасителя мировой цивилизации от фашистских погромщиков... Имя Сталина – самое дорогое для нашего народа, для простых людей во всем мире».

А вот другая оценка. В знаменитом драматическом докладе Н.С Хрущева, сделанном им в ночь с 24 на 25 февраля 1956 года, «О культуре личности и его последствиях» говорилось: «Сталин создал концепцию «врага народа». Этот

термин автоматически исключал необходимость доказательства идеологических ошибок, совершенных отдельным человеком или же группой лиц. Эта концепция сделала возможным применение жесточайших репрессий, нарушающих все нормы революционной законности, против любого, кто не соглашался со Сталиным по безразлично какому вопросу, против тех, кто только лишь подозревался в намерении совершить враждебные действия, а также против тех, у кого была плохая репутация. Концепция «враг народа», сама по себе, практически исключала возможность возникновения какого-либо рода идеологической борьбы или же возможность выражения собственного мнения по тому или иному вопросу даже в том случае, если этот вопрос носил не теоретический, а практический характер. Главным и на практике единственным доказательством вины, что противоречит всем положениям научной юриспруденции, было «признание» самого обвиняемого в совершении тех преступлений, в которых он обвиняется. Последующая проверка показала, что такие «признания» добывались при помощи применения к обвиняемому методов физического насилия.

Это привело к неслыханному нарушению революционной законности, в результате чего пострадало много абсолютно ни в чем не виновных людей, которые в прошлом защищали проводимую партией линию».

Всего несколько лет разделяют эти выводы и оценки, сделанные фактически одними и теми же людьми. В пер-

вом случае – безудержная апологетика восхваления. Думаю, что у авторов поздравления просто не было в запасе больше слов превосходной степени, чтобы увенчать ими земного бога... Во втором акцент сделан на том ущербе, который нанес нашему народу, партии, гуманистическим идеалам культ личности Сталина. Его деяния характеризуются по сути преступными. И это говорится о человеке, более тридцати лет возглавлявшем партию, страну, народ! Правда, скажем сразу, вопрос об ответственности за содеянное значительно сложнее. Разве не повинно ближайшее окружение Сталина? Разве государственные и общественные институты страны оказались на высоте в деле социальной защиты своих граждан от беззакония? А в широком плане: все ли сделали те, кто так или иначе влиял на судьбы других людей? Мудрость истории нам напоминает: у истинной совести всегда есть шанс. Но главную историческую ответственность должна нести тоталитарная система.

Начавшееся после XX и XXII съездов партии общественное прозрение в оценке деятельности Сталина, других исторических лиц затем, к сожалению, замедлилось, и, более того, стали предприниматься шаги для реанимации Сталина как политического деятеля. Без полной правды и философского осмысления всего, что сопутствовало культу личности, сегодня невозможен успешный анализ и других периодов нашей истории и более ранней, и более поздней. История не только врачует, но и причиняет боль в процессе горь-

ких откровений. Суд совести всегда очищает. В самые трагические моменты советский народ действовал подвижнически и самоотверженно. Каждое поколение внесло свой вклад в создание наших материальных и духовных ценностей, сохранение подспудной веры в неизбежность очищения и исторического обновления.

При упоминании имени Сталина в памяти у многих людей сегодня прежде всего всплывает трагический 1937 год, репрессии, попрание человечности. Хотя, если быть точным, 1937 год начался, пожалуй, 1 декабря 1934 года, в день убийства С.М. Кирова, а может быть, его контуры забрезжили еще в конце 20-х годов? С ведома Сталина начал быстро зреть чудовищный нарыв беззакония. Да, все это было. Виновным за эти преступления нет прощения. Но мы помним, что в эти же годы взметнулся ДнепрогЭС, Магнитка, трудились Папанин, Ангелина, Стаханов, Бусыгин... Именно на эти годы приходится взлет патриотизма советских людей, достигший своего апогея в годы Великой Отечественной войны. Поэтому ошибочно, видимо, с политической и гносеологической точек зрения, нечестно в моральном отношении, осуждая Сталина за преступления, полностью отрицать реальные достижения социализма, его возможности. Все это удалось реализовать на практике не благодаря, а вопреки сталинской методологии мышления и действия. В условиях демократии достижения могли быть неизмеримо более весомыми. Разумеется, мы не должны, оценивая Сталина или

лиц из его ближайшего окружения, механически переносить эти оценки на миллионы простых людей, вера которых в истинность революционных идеалов не была поколеблена трагическими испытаниями.

Неверно оценивать прошлое с арифметических позиций. Чего больше было у Сталина – заслуг или преступлений. Сама постановка такого вопроса безнравственна, ибо никакие заслуги не оправдывают бесчеловечности. И о каких «заслугах» может идти речь, если по вине этого человека погибли миллионы людей? Сегодня ясно, что это был жестокий деспот, который с помощью насилия добился отчуждения народа от власти, породил симбиоз устойчивой бюрократии и догматизма. Вопрос значительно сложнее: в постижении истоков, причин возникновения тоталитаризма. Как могло случиться, что великое сожительствовало с низким, зло камуфлировалось под добро? Почему произошло социальное перерождение многих людей? Была ли неизбежной трагедия? Эти и многие другие вопросы часто поднимаются на страницах нашей печати, отражая процесс заметного повышения политической и исторической культуры советских людей, который мы отмечаем в последние годы. В ряде случаев, особенно у молодых людей, схематично знающих свою историю, от полярно противоречивых суждений, субъективистских оценок рождается интеллектуальное смятение, способное породить социальный нигилизм и неуважение к общечеловеческим ценностям. Лучшим средством

утоления жажды познания является постижение истины. Какой бы горькой она ни была. Ведь, как писал В.И. Ленин, особо «страшны иллюзии и самообманы, губительна боязнь истины». Хотя именно он сам часто создавал эти «иллюзии» и «самообманы».

Научная методология анализа соотношения народных масс и личности в истории, их роли в общественном прогрессе и народовластии – исходная позиция в создании философского, политического портрета Сталина. В книге внимательно будут проанализированы ленинские документы, известные как «Завещание». Сталин всю жизнь помнил не только то, что В.И. Ленин в своих записках к съезду в декабре 1922 года назвал его и Троцкого «выдающимися вождями», но и обжигающую в своей откровенности и глубине оценку всей его сложной натуры, особенностей тяжелого характера. Он не мог забыть и о том, что Ленин назвал Бухарина «любимцем партии». Внимательное изучение сталинских выступлений показывает, что генсек неоднократно, но предельно осторожно, витиевато, иносказательно оспаривал эти ленинские оценки. Например, мысленно полемизируя с Лениным, он однажды сказал в своей речи, что Бухарина мы любим, но истину, но партию, но Коминтерн любим еще больше. В этой фразе едва ли не весь Сталин: преданный делу (как он его понимал!), но хитрый и изощренный. Ленинский вывод о том, что «Сталин слишком груб», генсек истолковал, что он «груб лишь для врагов»...

В последние годы у нас написаны и изданы политические биографии многих исторических деятелей – Цезаря, Наполеона, Черчилля, де Голля, Мао Цзэдуна, других лиц, навсегда оставшихся в истории. Выпущена и книга о Гитлере. Но политической биографии И.В. Сталина нет. Хотя за рубежом ему посвящены десятки книг. Правда, как правило, они не основаны на документах. Пробел восполняют многочисленные художественные и исторические публикации об отдельных гранях, сторонах деятельности этого человека. Их появление схоже с эффектом теплого дождя после долгой засухи. Несомненно, появятся серьезные исследования историков о Сталине, как и о Хрущеве, Брежнев, Горбачеве, других деятелях партии и государства. Я же взял на себя смелость сделать, возможно, лишь философский эскиз политического портрета этой исторической личности. Подчеркиваю: не биографии, а портрета. Это дает возможность и право, широко опираясь на документы и свидетельства, изложить свои взгляды и выводы как о «тайниках» духовного мира Сталина, так и о тех обстоятельствах, которые определяли деяния «вождя». Убежден, что феномен Сталина – не просто случайность. В генезисе его появления находятся социально-политические, экономические и духовные причины.

О личности Сталина не утихают жаркие споры. Одна из причин такого интереса – в том, что жизнь Сталина, по историческим меркам, оборвалась недавно, около четырех десятилетий назад, а значит, его судьба близко сопричастна

с судьбами ныне живущих, их близких предшественников. Многие из нас, в известном смысле, из «сталинской» эпохи. Ведь каждый из живущих навсегда прикован к галере своего времени. Незаживающая рана нашей истории еще долго будет напоминать о себе своей чудовищностью, трудной объяснимостью.

Другая причина неослабевающего интереса к страницам жизни Сталина – в новом осмыслении социальных и общечеловеческих ценностей: социализма, гуманизма, справедливости, исторической правды, нравственных идеалов. Годы сталинщины еще раз показали, что догматизм мышления способен создать иллюзорный философский храм, в котором все должно играть роль вечного. А вечного-то, кроме перемен, пожалуй, и нет ничего. Догматическая слепота опасна, она может идеологию превращать в религию. Догматизм все радости земные переносит в завтра, а завтра – в послезавтра. Долгожданное обновление нашего общества коснулось прежде всего общественного сознания. Не случайно, что главными объектами критики и отрицания стали догматизм и бюрократия, которые мы в значительной мере связываем с годами автократического руководства Сталина.

Наконец, существует еще одна причина (конечно, причин больше) устойчивого интереса к жизни человека, стоявшего более тридцати лет на вершине пирамиды власти. Не рядом с людьми, не среди них, а стоявшего высоко над ними. Советские люди, несмотря на бесчисленное количество хвалебных

статей о нем, его портретов, статуй, трудов, фактически ничего не знали о Сталине. «Краткая биография», вышедшая после войны, не имеет авторов, а лишь, как говорится на титуле, составителей: Александров Г.Ф., Митин М.Б., Поспелов П.Н. и другие. Биография, которая редактировалась самим Сталиным, излагает схему героических деяний человека, но сам *человек* в ней полностью отсутствует.

Правда, были попытки написать политический портрет Сталина некоторыми его современниками. В 1936 году вышла книга Анри Барбюса «Сталин». О том, что это за книга, можно судить по любому, даже небольшому фрагменту. Такому, например: «История его жизни – это непрерывный ряд побед над непрерывным рядом чудовищных трудностей. Не было такого года, начиная с 1917-го, когда он не совершил бы таких деяний, которые любого прославили бы навсегда. Это железный человек. Фамилия дает нам его образ: Сталин – сталь». Академик Е.М. Ярославский в 1939 году выпустил книгу «О товарище Сталине», в которой прежде всего отметил, что писать о Сталине – это значит рассказывать о всех перипетиях борьбы партии в процессе построения социализма в нашей стране. Но в основе книжки – не просто беспредельная гипертрофия, но и чудовищное кощунство. Об этом свидетельствует, например, следующая цитата: «Товарища Сталина в песнях народов певцы сравнивают с заботливым садовником, который любит свой сад, а этот сад – человечество. Самое драгоценное, что есть у нас, – это люди, это

кадры. Заботу о людях, заботу о кадрах, о живом человеке – вот что ценит народ в Сталине, вот чему мы должны учиться у товарища Сталина». Карл Радек в книге «Портреты и памфлеты» (1934 г.) посвятил Сталину большую статью, написанную в ключе безудержного восхваления Мессии. Уничижительное для Радека славословие в адрес «вождя», между прочим, не спасло автора «Портретов...» от печальной участи. Научная ценность подобных трудов, как и сборников сусальных «воспоминаний» о Сталине, невелика. Они в своем большинстве подчеркивают уродливый характер отношений верноподданничества и лести, насаждавшихся Сталиным и его окружением, особенно после XVII съезда партии.

Человеческая жизнь отгораживает быстро, как северное лето. Она, пожалуй, схожа и с костром: искра, легкие веселые язычки огня, сильный пламень, спокойный жар, слабое мерцание, тлеющие угли, холодный пепел... Человека, великого и невеликого, рано или поздно ждет небытие. А это – ночь, вечная ночь, которая когда-то наступает, и это день, которого уже больше никогда не будет. Эта истина одинаково безжалостна ко всем людям. Сталин это тоже понимал. И он сделал очень многое для того, чтобы потомки после его смерти думали о нем так, как он хотел. К сожалению, не без участия Сталина и помощи его соратников в нашей истории не только много «белых пятен», но и много мест, где страницы в летописи искажены, а то и просто вырваны. Это одна трудность, подстерегавшая автора в его исследовании.

Другая – более общего порядка. Дело в том, что сознание каждого конкретного человека – это целый микрокосм, огромный загадочный мир, который исчезает вместе с его смертью. Мы никогда не узнаем всего о каждом ушедшем в миры иные, но и возможности этого познания – безграничны. О мыслях, размышлениях Сталина говорят не столько его сочинения, письма, записи, резолюции, сколько дела, материализованные в социальной практике, свершения, деяния и, к горечи нашей, преступления. Тайны сознания в этом смысле не столь уж и «таинственны», если видеть, чем они питаются, выражаются и вдохновляются. Окружающий нас многоцветный, многострунный, многострадальный мир человеческого бытия – главный ключ к разгадке тайн сознания человека, в том числе и такого, как Сталин. Хотя порой логика научного анализа поступков Сталина ведет в тупик при объяснении некоторых его действий.

Сталину, например, было известно теплое отношение Ленина к Бухарину. Сталин сам на протяжении многих лет поддерживал с ним и его семьей личные дружеские отношения. Бухарин сыграл немаловажную роль, оказывая помощь Сталину в борьбе с Троцким и троцкизмом. Не мог не видеть Сталин, что совершенно смехотворными выглядели обвинения Бухарина, допустим, в шпионаже, заговорах и т. д. Бухарин, при его высокой интеллектуальной культуре, умел уважать аргументы. Хотя и нес на себе печать основных пороков большевизма. И когда он убедился, что его программа, от-

рицающая форсированное развитие социализма, плохо сопрягается со сталинской концепцией силового решения проблем, он сдался и фактически признал необходимость разумного ускорения. Не просто признал, а активно включился в реализацию партийных установок. Это не помешало, однако, Сталину фактически санкционировать расправу с популярнейшим деятелем партии, близким партийным товарищем... Как можно такое объяснить и понять?! Точнее, объяснить можно, а понять трудно. Таким был Сталин...

Готовясь написать философско-биографический очерк об И.В. Сталине, я как-то незаметно для себя стал интересоваться литературой об Александре Македонском, Юлии Цезаре, Оливере Кромвеле, Иване Грозном, Петре Первом... Меня заинтересовала психология вождей, диктаторов, владык, других правителей абсолютистского типа. И хотя я понимаю, что любые исторические аналогии здесь рискованны, а может быть, и просто ненаучны, одно предварительное суждение хотел бы высказать. Для людей с неограниченной властью, вне демократического контроля, обычны, привычны чувства непогрешимости, личного превосходства, вседозволенности, переоценки собственных способностей и возможностей. Как правило, эти люди, живя среди людей, бесконечно одиноки. Хотя Сталин, как удалось установить, чрезвычайно редко беседовал с кем-нибудь один на один (с ним обычно были Молотов или Каганович, Ворошилов, Маленков, Берия и т. д.), он в душе был всегда одинок.

Ему было не с кем соотнести себя, не с кем по-настоящему дискутировать, некому доказывать, не перед кем оправдываться... Одиночество на вершине, леденящая в своей реальности неограниченная власть иссушают чувства, превращают интеллект в холодную счетную машину. Каждый шаг, сразу же становясь «историческим», «судьбоносным», «решающим», исподволь убивает человеческое в человеке...

Одну из своих слабостей он всю жизнь пытался (и не без успеха!) превратить в показатель силы. Еще во время революции, когда нужно было идти на завод, в полк, на уличный митинг – в толпу, у Сталина возникало чувство внутренней неуверенности и тревоги, которое он со временем научился скрывать. Сталин не любил, да, пожалуй, и не умел хорошо выступать перед людьми. Его речь была примитивно ясной, без полета мысли, афористичности и трибунной патетики. Сильный акцент, скованность и монотонность делали его выступления невыразительными. Не случайно Сталин меньше, чем кто-либо другой из ленинского окружения, выступал на митингах, встречах, манифестациях. Он предпочитал готовить директивы, указания, писать статьи, заметки, давать газетные реплики по поводу тех или иных политических событий. Посредственный публицист, он был довольно последователен и неизменно категоричен в своих выводах. В его газетных материалах или свет, или тень. Третьего он не признавал. Латинская ясность была привлекательной чертой его бесхитростных, простеньких статей.

Позже Сталин привыкнет к трибунам съездов и конференций. Но положение его тогда будет уже другим; его негромкий спокойный голос люди будут слушать в звенящей тишине, готовой расколоться, взорваться шквалом аплодисментов, переходящих в овацию. Но те речи уже больше будут похожи на культовые обряды всесильного жреца. Сталин свое сдержанное отношение к прямым контактам с массами сделал правилом: он не бывал, за редким исключением, ни на заводах, ни в колхозах, ни в республиках, ни на фронте. Голос «вождя» изредка раздавался на самой вершине пирамиды. У ее подножия со священным трепетом ему внимали миллионы. Свою необщительность и замкнутость «вождь» превратил в атрибут культа и исключительности. Для понимания Сталина следует постоянно иметь в виду: он был великим Мастером выдавать ошибки, просчеты, преступления, зловещие черты своего характера за достижения, успехи, дальновидность, мудрость, постоянную заботу о людях...

В основе моего анализа и выводов лежат ленинские работы, партийные документы, материалы многих архивов: Центрального партийного архива, Верховного суда СССР, Центрального государственного архива Советской Армии, Центрального архива Министерства обороны СССР, Центрального государственного архива Октябрьской революции, архивов ряда музеев и другие. Например, касаясь военной стороны деятельности Сталина, я познакомился со многими ин-

тересными, оригинальными, никогда не публиковавшимися документами из архива Министерства обороны СССР. Даже первое знакомство с резолюциями Сталина на военных документах и с воспоминаниями его современников говорит о том, что он отнюдь не всегда верил в то, что провозглашал. Вот пример. Сталин читает проект приговора военной коллегии Верховного суда СССР по делу генералов Д.Г. Павлова, В.Е. Климовских, А.Т. Григорьева, А.А. Коробкова, обвиняемых в «антисоветском заговоре и умышленном развале управления Западного фронта...». «Вождь» не стал читать дальше, а лишь бросил:

– Не городите чепуху...

Тут же зачеркнули «антисоветский заговор», «заговорщицкие цели», «вражескую работу», а написали: «...проявили трусость, бездействие власти, нераспорядительность, допустили развал управления войсками...». Хотя обвинение было по-прежнему несправедливым, а приговор, вынесенный 22 июля 1941 года, предельно жестоким, но «вождь» перед лицом смертельной угрозы стране и ему, Сталину, не захотел больше «играть» в старые игры «заговорщиков».

Вглядываясь в хорошо сохранившиеся строки резолюций Сталина, налагаемых, как правило, красным или синим карандашом, размашисто, разборчиво, думаешь: где глубинные причины иррациональности, жестокости и коварства этого человека? Может быть, в религиозной догматической пище, обильно принятой им на заре жизни? А может быть, в

щемящем ощущении своей интеллектуальной недостаточности, которую он чувствовал, слушая на партсъездах в Лондоне, Стокгольме блестящие речи Потресова, Плеханова, Аксельрода, Дана, Мартова? Или истоки этой иррациональности в его ожесточенности, родившейся еще до Октября? Ведь вся его дооктябрьская биография уместается между семью арестами и пятью побегами. С девятнадцати лет он только и делал, что скрывался, выполнял поручения партийных комитетов, арестовывался, менял фамилии, доставал фальшивые паспорта, переезжал с места на место... В тюрьмах долго не задерживался, бежал и снова скрывался. Однако мысль уехать за границу ему не приходила в голову никогда. Сталин, как и большинство наших «вождей», до революции нигде не работал.

Большую помощь в работе над книгой оказали материалы «Правды» за тридцать с лишним лет, журналов «Большевик», «Политработник», других периодических изданий, многие из которых выходили лишь в 20-е годы. Известно, что за рубежом существует целая литература о Сталине. Часть ее – например, работы Джузеппе Боффа, Луи Арагона, Анны Луизы Стронг – написана в основном с близких к объективности позиций. Издаются и переиздаются десятки книг и иного характера, имеющих целью с «помощью Сталина» убить саму идею социализма. Едва ли понимал это сам Сталин, но его собственная практика дискредитации социализма была неизмеримо опаснее, нежели разоблачения Исаака

Дейчера, Роберта Такера, Леонарда Шапиро, Роберта Конквиста и других советологов. Представляют определенный интерес свидетельства зарубежных государственных деятелей, встречавшихся со Сталиным, – Франклина Рузвельта, Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Мао Цзэдуна, Энвера Ходжи, а также и некоторые книги Светланы Аллилуевой, изданные ею в эмиграции.

Я ознакомился с работами политических и идеологических оппонентов Сталина внутри страны – Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова, Томского и других. Все они были и соратниками, и учениками Ленина. Никто из них не считал себя «выдвиженцем» Сталина, как это не скрывали позже Каганович, Молотов, Ворошилов, Маленков, Жданов и иные, новые деятели, занявшие их место. В данном случае Сталин действовал в соответствии с древним законом диктаторов: люди, выдвинутые им самим, отличаются большей преданностью и не претендуют на первые роли.

Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, да и ряд других, в начале 20-х годов были более известны партии, чем Сталин. Фигуры Л.Д. Троцкого и И.В. Сталина в годы революции и гражданской войны были, например, просто несопоставимы по популярности в партии и народе. Тот же Троцкий вошел в историю как один из признанных вождей Октября, создателей Красной Армии, известный теоретик (к 1927 г. им был опубликован 21 том сочинений!). Этот энергичный политик, не обделенный талантом беллетриста, готовя свои

труды, нередко кокетничал перед зеркалом истории, пытаюсь оправдать свои притязания на лидерство в партии. Пожалуй, он был одной из революционных пружин в когорте вождей. Знакомясь с томами его переписки, я поражался, как Троцкий заботился уже в годы гражданской войны о том, что должно остаться о нем для истории. Апологетические письма Троцкому, записки, поступающие во время его многочисленных выступлений, списки дипломатов, добывающихся у него аудиенции, отзывы в печати о его шагах и действиях – все тщательно подшивалось и сохранялось. Троцкий был уверен, и не без оснований, что после смерти Ленина лидерство в партии должно перейти к нему.

Прямой или косвенной мишенью критических стрел Троцкого чаще других был Сталин. Правда, главная антисталинская литература была создана им после его изгнания из СССР. Известна характеристика Троцким Сталина как «наиболее выдающейся посредственности нашей партии». Впрочем, Троцкий, почти не скрывавший мнения о себе как об интеллектуальном гении (здесь вспоминается фраза Муссолини, «осевшая» в истории: «Удивительное дело, я еще ни разу не встречал человека, который был бы умнее меня!»), часто прибегал к подобным выражениям, стремясь унижить своих оппонентов. Так, он говорил, например, о Зиновьеве в 1924 году как о «назойливой посредственности»; называл Вандервельде¹ «блестящей посредственностью», а Цере-

¹ Эмиль Вандервельде (1866–1938) – бельгийский правый социалист, один из

тели² – «даровитой и честной посредственностью» и т. д. После изгнания из СССР у Троцкого осталась одна вечная, маниакальная страсть – ненависть к Сталину. До конца жизни. Особенно это проявилось в его последней незаконченной книге «Сталин». Правда, Троцкий утверждал, что личные мотивы в этой книге не играли роли. «Наши дороги так давно и так далеко разошлись, и он в моих глазах является в такой мере орудием чуждых мне и враждебных исторических сил, что мои личные чувства по отношению к нему мало отличаются от чувств к Гитлеру или японскому микадо. Что было личного, давно перегорело». Так или иначе, никто в мире не написал так много едкого, злого, карикатурного, но и справедливого о Сталине, как Троцкий. Никто и не сделал так много для всестороннего разоблачения Сталина.

Естественно, Сталин отвечал Троцкому такой же ненавистью, которая рельефно проявилась впервые еще в их стычке в период боев за Царицын в годы гражданской войны. Когда наступил трагический день 21 января 1924 года, Сталин отправил на юг телеграмму следующего содержания: «Передать тов. Троцкому. 21 января в 6 час. 50 мин. скоростижно скончался тов. Ленин. Смерть последовала от паралича дыхательного центра. Похороны субботу 26 января. *Сталин*». Подписывая депешу, Сталин наверняка думал: именно теперь ему предстоит жестокая и беспощадная борьба с

лидеров II Интернационала. (Здесь и далее *примечания редакции.*)

² И.Г. Церетели (1881–1959) – один из лидеров меньшевизма.

Троцким за лидерство. Но знал ли Сталин, что когда он одолеет Троцкого, то так и не «расстанется» с ним, не подозревая об этом? Методы командно-бюрократического стиля, насилия, «закручивания гаек», апологетом которых был именно Троцкий, будут взяты на вооружение Сталиным. Генсек их «разовьет» и широко использует. До убийства Троцкого в августе 1940 года его политическая борьба со Сталиным наложила рельефные штрихи на портрет генсека. Чтобы глубже понять внутренний духовный мир Сталина, я основательно изучил коллизии борьбы двух бывших «выдающихся вождей», ибо генсек всегда считал Троцкого своим главным личным врагом.

Мне удалось получить свидетельства многих лиц, встречавшихся со Сталиным или в той или иной степени попавших в водоворот событий, вызванных решениями Сталина или его окружения.

Многое дали мне беседы с некоторыми лицами из окружения Сталина, бывшими работниками ЦК ВКП(б), ряда наркоматов, НКВД, крупными советскими военачальниками, политическими и общественными деятелями, теми, кого судьба сталкивала в разной обстановке лицом к лицу с генсеком, чья жизнь нередко менялась самым трагическим образом от решений или действий «вождя». После публикации статей о Сталине в «Литературной газете» и «Правде» мной было получено около трех тысяч писем, многие из которых отправлены людьми самой причудливой, часто тяжелейшей

судьбы. Все эти годы, работая в архивах, собирая документы о жизни Сталина, я встречался со множеством людей, с теми, кто хотя бы каким-то образом мог пролить свет на новые факты, биографические данные. (Даже отдельный звук из общего хора истории важен.) Благодаря им можно глубже почувствовать историческую ретроспективу, услышать голоса давно ушедших людей, понять мотивы борения страстей...

Отголоски истории... Они живут в нас, в наших судьбах, памяти, а иногда в новых скупых сведениях из ушедшего, отгоревшего, потаенного. Это, как весточки из прошлого, которое не хочет навсегда уходить в безвестность, теряться в далих бесконечного. Можно, пожалуй, говорить даже о незаконченном прошлом. Иначе говоря, о той данности, феномене времени, на которые пока нет достоверного, полного ответа. Незаконченное прошлое может быть как для отдельного человека, так и для целого народа, не знающего до конца подлинной истории своих триумфов и трагедий.

Поэтому в своей книге я пытался показать, как **в истории триумф одного человека обернулся трагедией для целого народа**. Н.С. Хрущев, выступая с докладом на XX съезде партии, акценты расставил своеобразно. «Мы не можем сказать, – отметил он, – что его поступки были поступками безумного деспота. Он считал, что так нужно было поступать в интересах партии, трудящихся масс, во имя защиты революционных завоеваний. В этом-то и заключается трагедия!» Думаю, что акценты совсем не точны. Та-

кая оценка Хрущева оправдывает Сталина. «Вождь» любил больше всего на свете личную власть. Во имя безграничной власти Сталин пошел на чудовищные репрессии, но не *видел* в этом трагедии.

Сталин быстро привык к насилию как обязательному атрибуту неограниченной власти. Скорее всего, но это уже из области логических предположений, карательная машина, пущенная им в конце 30-х годов на полный ход, захватила воображение не только функционеров нижнего звена, но и его самого. Возможно, эволюция сползания к насилию как универсальному средству прошла ряд этапов. Вначале – борьба против реальных врагов, а они, вероятно, были; затем ликвидация личных противников; дальше уже действовала страшная инерция насилия; наконец, насилие стало рассматриваться как показатель преданности «вождю». Тень угрозы извне создавала атмосферу «духовного окружения». Это специфическое состояние общественного сознания, апогей которого был в 1937 году, прямой результат примата силы над правом, подмены подлинного народовластия ее культовыми суррогатами.

Сталин смотрел на общество как на человеческий аквариум; все в его власти... «Вредительство», шпиономания, борьба с ветряными мельницами «двурушничества» стали постыдными атрибутами ортодоксальности, слепой веры и преданности «вождю». Разве, например, можно было даже мысленно допустить, что из семи членов Политбюро, из-

бранных в мае 1924 года на XIII съезде РКП(б), первом съезде после смерти Ленина, шестеро (все, кроме самого Сталина!) окажутся «врагами»?!. Даже во времена средневековой инквизиции едва ли кто претендовал на такую исключительную «чистоту», требующую для своего подтверждения таких безумных жертв. Сталин уничтожал «врагов», а волны шли дальше и дальше... Это был трагический триумф злой силы. Иногда трудно объяснить, зачем понадобилось ему, устранившему всех своих соперников, продолжать «вырубать» лучших людей партии и государства в канун грозных испытаний? К слову сказать, в самих органах НКВД некоторые большевики раньше других рассмотрели опасность мистерии всеобщей подозрительности и репрессий. Только в их среде более 23 тысяч честных людей пали жертвами вакханалии беззакония.

Однако никакие самые страшные гримасы истории не смогли, в конечном счете, помешать народу создать в своей стране нечто такое, что, несмотря на трагедию, как бы приблизило его к осуществлению идеалов. Даже самые трагические годы не погасили у миллионов советских людей веры в гуманистические ценности. В самой диалектике триумфа и трагедии кроется бесконечная сложность бытия, в котором при решающей роли народных масс (в конце концов!) от исторических личностей зависит так много. Говоря словами Гегеля, судьба человека не является лишь его, личной; в ней представлена всеобщая нравственная трагическая судьба. А

трагизм ее как раз и заключался в том, что на определенном этапе Сталин воспринимался миллионами людей не как человек во плоти, а как символ социализма, его живое олицетворение. Ведь ложь, повторенная много раз, может выглядеть истиной. Обожествление «вождя» получало высший смысл, оправдывало в глазах людей любые негативные явления за счет происков «врагов» и, наоборот, приписывало все успехи уму и воле одного человека. Тем более что Сталин умел пропагандировать грандиозные замыслы. Принимая и оглашая те или иные крупные решения, особенно на больших форумах, Сталин всегда любил ссылаться на классиков. Здесь он проявлял общечеловеческую слабость. Люди любят покровительство. Даже такой могущественный человек, как Сталин, любил укрыться в тени идеологических штампов, авторитета теории, радикальных идей своего великого предшественника. Но нередко это было не больше чем идейным камуфляжем. Триумф «вождя» и трагедия народа находили свое выражение в догматизме и бюрократизме системы и одновременно в высоком патриотизме, интернационализме советских людей, во всевластии аппарата и манипулировании сознанием миллионов и в жертвенной гражданственности и подвижничестве народа.

Многое дали мне книги-воспоминания советских военачальников И.Х. Баграмяна, А.М. Василевского, А.Г. Головки, А.И. Еременко, Г.К. Жукова, И.С. Конева, Н.Г. Кузнецова, К.А. Мерецкова, К.С. Москаленко, К.К. Рокоссовского,

С.М. Штеменко и других. Конечно, я учитывал, что свидетельства этих заслуженных людей писались в то время, когда многое о Сталине еще не было известно и когда вскоре после XX и XXII съездов партии тема культа личности фактически была закрыта для полного и откровенного анализа. Военные, особенно из верхних эшелонов командования, в полной мере испытали на себе беспощадную и несправедливую руку Сталина. Но кроме А.В. Горбатова и еще нескольких военачальников, успевших написать в своих книгах о пережитом, другим не пришлось во весь голос сказать о том, что они знали. Тема репрессий, ошибок и просчетов Сталина фактически стала запретной. Есть еще одна сторона этой проблемы. С началом войны Сталин не по своей воле был вынужден сократить насилие внутри страны. Полководцы и военачальники в своих мемуарах касались главным образом военной стороны деятельности Сталина, который смог проявить политическую волю в борьбе с фашизмом. Видимо, этим объясняется раскрытие облика Сталина многими военными лишь с положительной стороны. Многие из трагического в личных судьбах, связанное с беззаконием, как бы осталось «за кадром». Ведь те несколько десятков тысяч военных, попавших накануне войны в жестокую мясорубку чистки, за редким исключением, погибли и ничего не смогли сказать потомкам. Сегодня мы знаем, что и в начале войны Сталин неоднократно прибегал к жестоким расправам над многими военными, пытаясь переложить на них ответственность за катастрофи-

ческие неудачи.

Оглядываясь на прошлое с высот сегодняшнего дня, удивляешься, поражаешься и изумляешься долготерпению советского народа, прежде всего русского. Где истоки этого святого терпения? В 250-летнем господстве безжалостных всадников Золотой Орды? В бесконечной череде войн за свою независимость и свободу? В необходимости всегда вести борьбу с холодом и необозримыми пространствами? Может быть. Думаю, что в долготерпении – мудрость исторического опыта, вера в свою правоту, приверженность историческим традициям. А главное – неистребимая надежда на лучшую долю. Но народ не могли не унижать, хотя он понял это позже, навязанные почти религиозные ритуалы славословия человеку, правившему страной. И одним из таких поразительных памятников человеческого унижения могла бы быть «антология» коллективно принимавшихся хвалебных, нелепых од-приветствий, писем Сталину со словами: «отец», «солнце», «мудрый вождь», «бессмертный гений», «великий кормчий», «несгибаемый полководец»... Бюрократическая мысль изощрялась в изобретении эпитетов, не считаясь с тем, что они – прямое оскорбление народного достоинства.

Легче всего сказать, что каждый век имеет свое «средневековье». Вполне возможно, что, если бы не образовался дефицит народовластия после смерти Ленина, социалистическое развитие общества могло бы обойтись без тех глубоких извращений, которые возникли по вине Сталина и его окру-

жения в 30-е, 40-е и в начале 50-х годов. У социализма, видимо, были шансы, но при условии отсутствия монополии на власть одной партии. Конечно, сегодня проще говорить о возможной альтернативе, нежели делать выбор в те, далекие теперь уже годы. Обстоятельства легче анализировать. Справиться с ними бывает сложнее. «Историк всегда вправе противопоставлять гипотезы свершившейся судьбе, – писал Жан Жорес. – Он вправе говорить: «Вот ошибки людей, вот ошибки партии» – и воображать, что, не будь этих ошибок, события приняли бы другой оборот». Исторические альтернативы были.

С высоты настоящего представляется, что после смерти Ленина, перед которым преклонялись даже оппозиционеры, реальный шанс возглавить партию имели Троцкий и Бухарин. Думаю, что Зиновьев и Каменев имели значительно меньшие шансы. Возможно, что, если бы Троцкий стал у руля партии, ее также ждали бы тяжкие испытания: он был сторонником социального насилия. Тем более что у него не было ясной научной программы построения социализма в СССР. А у Бухарина такая программа, свое видение общепартийных целей были. Однако Бухарин при всей его привлекательности как личности, высоком интеллекте, мягкости, человечности был в конечном счете тем же типом большевика, который молился прежде всего чудищу диктатуры пролетариата.

Были, конечно, еще Рудзутак, Фрунзе, Рыков... После

смерти Ленина, до начала 30-х годов, среди вождей революции Сталин имел репутацию одного из наиболее жестких и волевых защитников курса на укрепление первого в мире социалистического государства. Другое дело, каким его Сталин себе представлял. Да, Сталин не имел данных заменить Ленина. Но их не имел никто. У Сталина, конечно, не было признанной духовной мощи Ленина, теоретической глубины Плеханова, культуры Луначарского. В интеллектуальном, нравственном отношении он уступал многим, а может быть, и большинству вождей революции. Но во время борьбы за лидерство большое значение имели целеустремленность, политическая воля, хитрость и коварство Сталина. Говоря словами шекспировского Гамлета, он «при бремени своих несовершенств» имел и нечто такое, чего не оказалось у других. Не последнюю роль здесь сыграла способность Сталина максимально использовать партийный аппарат для достижения своих целей. Он увидел в этом механизме идеальный инструмент власти. А о ленинском предостережении в отношении Сталина знали далеко не все большевики.

Свои негативные личные качества, после того как делегаты XIII съезда партии были ознакомлены с ленинской оценкой, генсек временно «сблокировал», что во многом обеспечило ему поддержку большинства партии. В этих условиях шансы других лидеров были невысоки. Многие из высшего партийного руководства вначале просто недооценили Сталина – его хитрость, целеустремленность и коварство. Когда

это поняли – было уже поздно.

При всем том Сталин был великим Актером. Он исключительно искусно играл множество ролей: скромного руководителя, борца за чистоту партийных идеалов, а затем и «вождя», «отца народа», великого полководца, теоретика, ценителя искусств, провидца. Но особенно старательно Сталин стремился играть роль верного ученика и соратника «великого Ленина». Все это постепенно создавало Сталину популярность в народе и партии.

Но дело, в конце концов, не в личностях, а прежде всего в том, что демократический потенциал не мог быть создан при монополизме одной партии. Спустя десятилетия мы пытаемся найти человека, который в исторической ретроспективе мог бы быть альтернативой Сталину. В тоталитарном обществе им мог быть только диктатор, хотя и не обязательно кровожадного толка. Однако коллективная мысль и коллективная воля «ленинской гвардии» проявили необъяснимую растерянность и близорукость. Если бы демократические «предохранители» социальной защиты были созданы, в частности, в виде подлинного политического плюрализма, то не имело бы решающего значения, является лидер выдающимся или нет. Например, если бы партийным Уставом были оговорены и выдерживались точные сроки пребывания генсека, других выборных лиц на постах, то культовых уродств можно было бы избежать. В противном случае судьба страны находится в слишком большой зависимости от ис-

торического выбора: кто станет у руля власти.

Сталин, немало сделавший для «утверждения социализма» в нашей стране (но который ему виделся совсем другим, чем нам сегодня), формально не «вильнувший» к каким-либо оппозициям, не выдержал испытания властью и фактически исполнил то, что дает политическая монополия. Уместно вспомнить здесь рассуждения Плутарха о том, что «судьба, вознося низменный характер делами большой важности, раскрывает его несостоятельность...». Это выразилось в таком социальном явлении, которое часто называют «сталинизмом». Можно спорить о содержании этого понятия, но никуда нельзя уйти от бесспорного факта, что за ним стоит определенный социальный феномен. Он возник благодаря извращению демократических начал народовластия, без которых социализм теряет не только свою привлекательность, но и сущность.

Сталинизм, по моему мнению, является синонимом отчуждения народа от власти и свободы. Главные проявления этого отчуждения выражаются в попрании человеческой свободы, насаждении многоликой бюрократии, утверждении в общественном сознании догматических штампов. Подмена народовластия единовластием привела к появлению специфического типа отчуждения, порождающего в конце концов социальную апатию людей, ослабление реальной значимости общечеловеческих ценностей, угасание динамизма движения. Огромная, но больная тень Сталина легла на все сферы

нашего бытия. Полностью освободиться от бюрократического и догматического «затмения» оказалось совсем не просто.

На фоне страданий народа особо «несостоятельной» личностью Сталина выглядит с точки зрения его отношения к общечеловеческим моральным ценностям. Сталин был не просто беспощаден к политическим противникам. По его мнению, любая другая точка зрения, отличная от его, сталинской, оппортунистична. Кто был не с ним, расценивался только как враг. У Сталина идея долга, понимаемая как выражение безусловной исполнительности, всегда превалировала над идеей права человека. Тщетно было ждать, чтобы сирены истории или само провидение предупредили партию о грозящей опасности. Это должны были сделать соответствующие институты и прежде всего люди, окружавшие Сталина.

Но, увы! – этого не было сделано. Прежде всего потому, что наросты бюрократии, которые культивировал Сталин, развивались фантастически быстро. Главным творением Сталина явилось формирование им всеобъемлющей бюрократической прослойки, главной опоры его методов, шагов, намерений. Пока была жива (и пока будет жива!) бюрократическая методология мышления и действия, были и будут поклонники Сталина и его «твердой руки». Сталин – не просто история. Это в известном смысле и способ мирозерцания, пути определения ценностных приоритетов и пути их достижения. Конечно, сегодня просто все грехи, ошибки

и недостатки списывать на Сталина и его наследие. Это легче всего. Однако если вдуматься, то главные болезни общества – бюрократизм, догматизм и авторитарность – были «приобретены» в годы единовластия Сталина.

Пережить свое время дано немногим. Один среди них – Сталин. Еще долго не затихнут споры о его роли в нашей истории, сопровождаемые эпитетами, окрашенными и ненавистью, и почитанием, и горечью, и вечным недоумением. Так или иначе, на судьбе Сталина мы еще раз убеждаемся, что, в конечном счете, власть великих идей сильнее власти людей. Какими бы титанами они ни казались. Даже фараоны не устояли перед временем. Их мумии – свидетельство полного поражения «вечных». Власть времени – власть абсолютная. Время течет то бесшумно, то в грохоте войн и революций, то в потоке речей и социальных конвульсий. Самые великие памятники в честь выдающихся людей, героев, пионеров цивилизации, омываясь потоком реки времени, размываются и рушатся. Неизмеримо более прочны философские памятники, «монументы» культуры. «Илиада», сонеты Петрарки, максимы Канта, «Слово о полку Игореве» стоят незыблемо. Идеи социальной справедливости и гуманизма, наиболее полно выраженные в общечеловеческой нравственности, – в ряду непреходящих ценностей. Трагическая одиссея сталинских злоупотреблений не смогла полностью лишить привлекательности и социалистические идеалы.

Да, вера в социалистические идеалы у народа пока еще

сохранилась. Но сегодня ясно, что социализм в СССР потерпел крупную историческую неудачу. Если под социализмом понимать лишь извечную тягу людей к социальной справедливости, то он, возможно, сохраняет свой шанс. Главное заключается в том, что тоталитарное, бюрократическое общество должно быть заменено цивилизованным и демократическим. Никогда не умирала в прошлом и вера в «русскую идею», однако многочисленные попытки реформ в дореволюционной России обычно вызывали сильную ответную реакционную волну. Реформаторы в России и в СССР, от декабристов до Бухарина, а затем и Хрущева, терпели поражения. Об этом нельзя забывать. Низвержение Сталина с пьедестала – это еще не ликвидация сталинизма. Реставрация неосталинизма в какой-либо новой, но тоже зловещей форме полностью не исключена. Это не пророчество, а предостережение истории.

Хотел бы сказать читателю, что в задуманном мной триптихе портретов Сталина, Троцкого и Ленина – «Вожди» – эпиграфами ко всем главам книг я взял высказывания выдающегося русского мыслителя Николая Бердяева. Таким образом мне хотелось бы напомнить, что на революцию в России и сталинские порядки существовал взгляд не только классовый, но и общечеловеческий. Кто оказался прав исторически, может судить сам читатель.

И еще. Книга была написана в самом начале того процесса, который мы с надеждой называли «перестройкой». Мно-

гое еще было в тумане. Сейчас я, возможно, написал бы иначе. Но при переиздании работы я не прибегаю к крупной переработке, а внес лишь некоторые уточнения оценок и фактов.

Попытка написать портрет И.В. Сталина – не просто экскурс в недалекое прошлое. Нельзя забывать, что рассматриваемые процессы истории, все более отдаляемые от нас временной дистанцией, продолжают влиять и будут долго оказывать свое воздействие как на настоящее, так и на будущее. А оно часто находится гораздо ближе, чем некоторые предполагают. В своей работе над портретом я руководствовался только одним желанием: рассказать правду об этом человеке и тоталитарном обществе, которое он олицетворял.

Суд людей может быть призрачным. Суд истории вечен.

Книга 1

Глава 1 Октябрьский спазм

Русская революция есть великое несчастье...

Счастливых революций никогда не бывало.

Н. Бердяев

К началу 1917 года Иосифу Виссарионовичу Сталину (Джугашвили) было тридцать семь лет. Стылая Курейка, что в Туруханском крае у самого Полярного круга, была его обиталищем уже несколько лет. Времени и пищи для размышлений было много. Под бесконечный вой пурги, занесшей избушку до крыши, мысль то и дело возвращалась к наиболее памятным событиям. Декабрь 1905 года: первая встреча с В.И. Лениным на партийной конференции в Таммерфорсе. Шумные споры на заседаниях, а в перерывах – дружеские разговоры... Это всегда удивляло Сталина. Партийные съезды в Стокгольме и Лондоне, где он впервые, по существу, приобщился к искусству политической борьбы, поиска компромиссов, к проявлению принципиальной неуступчивости...

Все его немногочисленные поездки за границы России

оставили в душе какой-то трудно объяснимый, беспокойный осадок. Он часто ощущал себя чужим, лишним среди остроумных собеседников. Сталин не мог фехтовать словами так быстро и ловко, как это делали Плеханов, Аксельрод, Мартов. Ощущение внутренней раздраженности и интеллектуальной ущемленности не покидало кавказца, пока он находился рядом с этими людьми. Уже с тех пор где-то подспудно родилась устойчивая неприязнь к эмиграции, чужбине, интеллигенции: бесконечные споры в дешевых кафе, прокуренные номера захудалых гостиниц, рассуждения о философских школах, экономических учениях...

Дооктябрьская биография Сталина вся умещалась между семью арестами и пятью побегами из царских тюрем и ссылок. Но об этом периоде будущий «вождь» не любил публично вспоминать. Он никогда позже не рассказывал о своем участии в вооруженных экспроприациях для партийной кассы, о том, что, будучи в Баку, одно время стоял на позиции «объединения во что бы то ни стало с меньшевиками», о своих первых беспомощных литературных опытах. Однажды, когда выюга сотрясала избушку, Сталину вспомнилось одно из его ранних стихотворений, которое нравилось ему и даже удостоилось публикации в газете «Иверия». Тогда семинаристу было лет шестнадцать-семнадцать. Строки о стране гор усилили тоску и вызвали какую-то смутную надежду. У Сталина была великолепная память, и вполголоса, почти шепотом, он неторопливо проговорил:

Когда луна своим сияньем
Вдруг озаряет мир земной,
И свет ее над дальней гранью
Играет бледной синевой,
Когда над рощею в лазури
Рокочут трели соловья
И нежный голос саламури³
Звучит свободно, не таясь,
Когда, утихнув на мгновенье,
Вновь зазвенят в горах ключи
И ветра нежным дуновеньем
Разбужен темный лес в ночи,
Когда беглец, врагом гонимый,
Вновь попадет в свой скорбный край,
Когда, кромешной тьмой томимый,
Увидит солнце невзначай,
Тогда гнетущей душу тучи
Развеян сумрачный покров,
Надежда голосом могучим
Мне сердце пробуждает вновь,
Стремится ввысь душа поэта;
И сердце бьется неспроста:
Я знаю, что надежда эта
Благословенна и чиста!

Пока он неожиданно для самого себя шептал, словно мо-

³ Саламури – разновидность свирели.

литву, стихи своей юности, хозяйка убогого домишка раза два заглядывала в проем, удивленно посматривая на угрюмого постояльца. А тот сидел с открытой книгой подле мигающей свечи и смотрел в слепое, обледеневшее оконце. В далекой юности Сталин навсегда оставил не только свои наивные стихи, но и многое из того, что интеллигенты называют сентиментальностью. Даже матери Сталин писал крайне редко. Суровое детство, жизнь подпольщика – вечного беглеца сделали его холодным, черствым, подозрительным.

Сталин умел отгонять мысли, воспоминания, которые тревожили. Однако прошло вот уже почти десять лет со дня смерти его жены Като, а образ женщины, искаженный тифом, витал где-то рядом... Вспомнил, как их тайно обвенчал одноклассник по семинарии Христофор Тхинволели в церкви Святого Давида в июне 1906 года. Като (Екатерина Сванидзе) была очень красивая девушка, влюбленно и преданно глядевшая своими большими глазами на мужа, который то появлялся, то надолго исчезал. Семейная жизнь была короткой. Беспощадный тиф отнял у Сталина единственное существо, которое, возможно, он по-настоящему любил. На фотографии, запечатлевшей похороны, Сталин, с копной нечесаных волос, невысокий и худой, стоит у изголовья гроба с выражением неподдельной скорби.

Но семена черствости и жестокости, посеянные еще в детстве, прорастали все глубже. Подполье ожесточило его; с девятнадцати лет он только и делал, что скрывался, выполнял

поручения партийных комитетов, арестовывался, менял адреса и фамилии, доставал фальшивые паспорта. В тюрьмах долго не задерживался, бежал и снова скрывался.

Жизнь многому научила Сталина, и не в последнюю очередь – хитрости и расчетливости, умению выжидать. Печать замкнутости и внутренней холодности, которая была заметна еще в молодые годы, превратилась со временем в холодную бесчувственность и беспощадность. Но позже Сталин научится носить маску спокойного, на людях даже приветливого человека с пронизательными глазами.

Почему Иосиф Джугашвили стал революционером? Может быть, потому, что рано приобщился к крупянам интеллектуальной пищи в Горийском духовном училище и Тифлисской духовной семинарии, в которых учился? Кто знает, не попали в его руки томики Руссо, Ницше, Локка, задумался бы семинарист над тем, почему его отец-сапожник латает башмаки только для бедняков? Или неудовлетворенность теологическим затворничеством привела его к людям с бунтарским характером? А может быть, его заставила шире открыть глаза на мир попавшая в руки зачитанная тоненькая брошюра «Азы марксизма»? Никто на это не ответит достоверно. Не произойди, однако, в нем тогда, на пороге века, решительная смена религиозных ориентиров на светские, еретические – одно из грузинских сел получило бы молодого, невысокого ростом православного священника – духовного пастыря людей. От всего мира его монотонная жизнь была

бы отгорожена не только грядой величественных гор, но и мелкими заботами о нищем приходе, куче своих детей, мечтами о шумном Тифлисе. Мог ли сын бедняка знать, что волею судьбы и игры обстоятельств он на одном из этапов истории станет для великого народа неизмеримо больше, чем духовный пастырь?

Анфас и в профиль

Вскоре после Октябрьской революции небольшая фигура Сталина стала отбрасывать уже заметную тень. Постепенно она росла. В 30-е годы эта тень стала огромной. В последние годы жизни – гигантской и зловещей.

Кто мог даже предположить до 1917 года, что незаметный подпольщик после 1922 года станет стремительно подниматься на вершину власти? Сталин как бы раздвинул плотные шеренги ленинской когорты и быстро выдвинулся из ее глубоких рядов в головную группу. А затем – стал впереди нее. И уж тем более никто не мог и подумать, что после смерти Ленина эта группа, это ядро известных большевиков начнет быстро таять и уменьшаться. Чем выше поднимался Сталин, тем меньше подле него оставалось людей, которые вместе с Лениным зажгли факел революции.

До ее начала этот человек был, пожалуй, больше известен различным отделениям департамента полиции. При каждом новом контакте жандармского управления с Джугашвили

там его аккуратно фотографировали анфас и в профиль. Так, на бланке Бакинского губернского жандармского управления в этих двух позах запечатлен тщедушный небритый молодой человек, который через два десятилетия станет генеральным секретарем ленинской партии.

Жандармы не отличались умением охранять заключенных, зато описание «государственных преступников» делали дотошно. Под фотографиями, в тексте, сообщается, что Джугашвили «худ», волосы у него «черные и густые», «бороды нет и усы тонкие», лицо «рябое, с оспинными знаками», форма головы «овальная», лоб «прямой и невысокий», брови «дугобразные», глаза «впалые карие с желтизной», нос «прямой», рост «средний 2 арш. 4,5 верш.», телосложения «посредственного», подбородок «острый», голос «тихий», «на левом ухе родинка», руки – «одна из них, левая, сухая», на левой ноге «2-й и 3-й пальцы сросшиеся» и еще десятка два других примет. Когда Джугашвили-Сталин станет могущественным человеком, его блюстители государственной безопасности не станут заниматься такими пустяками. Ведь ни одному из политических заключенных в его эпоху не удастся совершить, как ему, пять побегов. Для определения в будущем судеб многих, многих тысяч его, Сталина, потенциальных противников не будет иметь никакого значения, на каком ухе родинка и сколько аршин и вершков рост «врага народа». И критерии, и масштабы будут другими.

Думаю, что читателя интересуют не физические и внеш-

ние данные будущего «вождя», которые можно рассмотреть анфас и в профиль, а те политические и нравственные параметры, с которыми он пришел к 1917 году. Скажу сразу, Сталин не был «злодеем» с детства, как порой теперь кое-кто считает. Но о его детстве нужно вспомнить, чтобы лучше понять характер зрелого Сталина.

О детских годах Джугашвили немного известно. Сам Сталин не любил вспоминать об этом времени. Детство было беспросветно безрадостным. Екатерина и Виссарион Джугашвили, бедные крестьяне, а затем горийские плебеи, жили в страшной нужде. Из троих сыновей Михаил и Георгий, не прожив и года, скончались, остался лишь Сосо (Иосиф). Но и он, заболев в возрасте пяти лет черной оспой, едва выжил, дав основания жандармам в графе «особые приметы» регулярно писать: «лицо рябое, с оспинными знаками». Как писал И. Иремашвили, грузинский меньшевик, знавший семью Джугашвили, отец Сталина, сапожник-кустарь, сильно пил. Матери и Сосо часто выпадали жестокие побои. Пьяный отец, прежде чем уснуть, норовил дать затрещину свое-нравному мальчишке, явно не любившему отца. Уже тогда Сосо научился хитрить, избегая встреч с пьяным родителем. Несправедливые побои ожесточили мальчика. Мать же целиком посвятила себя сыну. Именно по ее настоянию и ценой огромных усилий Сосо устроили в духовное училище, а затем и в семинарию. Семейный разлад продолжался. Вскоре произошел окончательный разрыв матери с отцом, который

перебрался в Тифлис, где в безвестности умер в ночлежке и был похоронен за казенный счет.

После того как И. Джугашвили стал на тропу профессионального революционера, он навсегда покинул родительский дом. Как удалось установить, с 1903 года он всего четыре-пять раз видел мать. Екатерина Георгиевна первый раз побывала у сына в Москве как раз в год, когда Сталин стал генсеком. Последний раз Сталин видел мать в 1935 году. Думал ли сын о том, что неукротимое желание неграмотной женщины «вытолкнуть» его из нужды наверх дало ему тот первый шанс, который он использовал? Через два года после этой встречи, дожив до июля трагического тридцать седьмого года, мать Сталина тихо скончалась в глубокой старости.

В декабре 1931 года немецкий писатель Эмиль Людвиг, беседа со Сталиным, спросил собеседника:

– Что вас толкнуло на оппозиционность? Быть может, плохое обращение со стороны родителей?

– Нет. Мои родители были необразованные люди, но обращались они со мной совсем неплохо.

Все, что нам известно о ранних годах И. Джугашвили, дает основание предположить, что сказанное «вождем» немецкому писателю о родителях относилось лишь к его матери. Людвиг, в свое время написавший очерки-портреты Муссолини, кайзера Вильгельма, Масарика, пытался с помощью одной часовой беседы проникнуть и во внутренний мир «загадочного советского диктатора». Едва ли это ему удалось.

В частности, о ранних годах своего становления Сталин не захотел распространяться.

Рассматривая Сталина через призму нравственного «фаса и профиля», нельзя не сказать, что, обучаясь в духовных учебных заведениях, мальчик обнаружил неплохие способности и феноменальную память. Религиозные тексты осваивались Сосо быстрее других. Книги Ветхого и Нового Завета вначале пробудили у семинариста неподдельный интерес. Он старался постичь идею единого Бога как носителя абсолютной благодати, абсолютного могущества и абсолютного знания. Однако длительное изучение теологии как синтеза догматов и моральных принципов вскоре наскучило Джугашвили. Незаметно для него самого (а ведь проучился Сосо в духовных заведениях в общей сложности более десяти лет) в сознании способного ученика сформировались важные для его дальнейшей судьбы особенности мышления и действия. К десяти годам религиозной учебы следует приплюсовать столько же лет тюрем и ссылок, выпавших на долю Кобы⁴. Положение отверженного, преданного обществом остракизму усиливало у молодого революционера глухую, но устойчивую ожесточенность и неудовлетворенность судьбой. Причудливый синтез усвоенных, но отвергнутых религиозных постулатов, роль социального изгоя и – как результат – смутная тяга к «мятежной» деятельности, несомненно, оставили

⁴ Коба – один из героев повести грузинского писателя А. Казбеги «Отцеубийца» о борьбе крестьян-горцев за свободу и независимость.

свой след в характере молодого Сталина. Первые полтора десятка лет становления, прошедшие в семинарских кельях и тюремных камерах, не могли не сказаться в конечном счете на интеллекте, чувствах и воле профессионального революционера. В мышлении, в частности, это проявилось в ряде особенностей.

Одна из них – стремление любое знание систематизировать и классифицировать, раскладывать на интеллектуальные «полочки». А это характеризует, если так можно сказать, «катехизисное мышление». Как правило, такое мышление создает у окружающих впечатление, что это человек «организованного», последовательного ума. Другая особенность сталинского мышления связана с отсутствием серьезного критического отношения к собственным идеям и поступкам. Джугашвили всю жизнь верил в постулаты – сначала христианские, а затем марксистские. Все, что не вписывалось в прокрустово ложе усвоенных концепций и схем, Сосо считал еретическим, а затем и оппортунистическим. Но поскольку он сам редко подвергал сомнению истинность тех или других фундаментальных теоретических положений, в которые верил, то не считал необходимым критически относиться и к собственным взглядам и намерениям. Ведь он никогда не отступал, по его мнению, от классических принципов марксизма. Пожалуй, он отдавал первенство вере, а не истине, хотя, наверное, не признался бы в этом и самому себе. Хорошо, когда вера в идеалы и ценности есть. Но хорошо

ли, если она, вера, оттесняет истину на задний план? Религиозная пища и социальное положение способствовали выработке у Джугашвили скрытого, но глубокого эгоцентризма как преувеличения роли своего «я» в ткани окружающего бытия.

Сталин рано понял, что в жизни ему не на кого надеяться, кроме как на себя. Товарищи в Баку, Тифлисе не раз говорили Кобе: «У тебя крепкая воля». Похвала импонировала. Джугашвили решил закрепить эту особенность своего характера в революционном псевдониме, подобрав себе «железную» фамилию. С 1912 года свои статьи Джугашвили уже подписывал «Сталин». Впрочем, не только ему хотелось твердость характера или суждений зафиксировать в фамилии. Революционер Л. Б. Розенфельд, например, далеко не обладавший такой волей, как Джугашвили, решил довольствоваться псевдонимом «Каменев». Но «камень» со временем, как покажет история, не устоит перед «сталью». Сталин хотел *верить*: в свою волю, свою неуязвимость, свое место регионального вожака. Вера – этот цемент догматизма – была у Сталина всегда.

Религиозное образование способствовало формированию у Джугашвили-Сталина устойчивого догматического мышления. Хотя будущий «вождь» сам нередко подвергал догматизм критике, понимая его, однако, вульгарно-упрощенно. Он был склонен всегда жестко канонизировать те или другие положения марксистской теории, приходя часто к глу-

боко ошибочным выводам. Так, абсолютизация сути и значения классовой борьбы привела его в 30-е годы к ложной формуле «об обострении классовой борьбы по мере достижения успехов в социалистическом строительстве». Оппортунизм, фракционность, инакомыслие, например, для Сталина всегда были синонимами классового противника. Диктатура пролетариата виделась бывшим семинаристом главным образом через призму социального насилия вне созидательного начала и т. д.

Сталин в преддверии революции был в состоянии усвоить основные положения марксизма, но без ярко выраженной способности их творческого применения. Влияние религиозного образования (а иного Джугашвили не имел) сказалось, подчеркну еще раз, прежде всего не на содержании его взглядов, а на методологии мышления. От пут догматизма, не всегда, правда ярко выраженных, Сталин не смог освободиться до конца своей жизни.

У Сталина почти не было близких друзей, особенно таких, к которым бы он сохранил теплые чувства на всю жизнь. Политические расчеты, эмоциональная сухость и нравственная глухота не позволяли ему приобрести и сохранить друзей. Тем удивительнее, что на исходе своей жизни Сталин вспомнил именно о своих однокашниках по духовному училищу и семинарии. Об этом свидетельствует, например, такой факт.

Во время войны Сталин однажды случайно увидел, что в

сейфе его помощника А. Н. Поскребышева находится большая сумма денег.

– Что это за деньги? – недоуменно и в то же время подозрительно спросил Сталин, глядя не на пачки купюр, а на своего помощника.

– Это ваши депутатские деньги. Они накопились за много лет. Я беру отсюда лишь для того, чтобы заплатить за вас партийные взносы, – ответил Поскребышев.

Сталин промолчал, но через несколько дней распорядился выслать Петру Копанадзе, Григорию Глурджидзе, Михаилу Дзерадзе довольно большие денежные переводы. Сталин на листке бумаги собственноручно написал:

«1) Моему другу Пете – 40 000,

2) 30 000 рублей Грише,

3) 30 000 рублей Дзерадзе.

9 мая 1944 г. *Сосо*».

В этот же день набросал еще одну коротенькую записку на грузинском языке:

«Гриша!

Прими от меня небольшой подарок.

9.05.44. Твой *Сосо*».

В личном архиве Сталина сохранилось несколько аналогичных записок. На седьмом десятке лет, в разгар войны, Сталин неожиданно проявил филантропические наклонности. Но характерно, что вспомнил он друзей из далекой молодости: по учебе в духовном училище и семинарии. Это

тем более удивительно, что Сталин никогда не отличался склонностью к сентиментальности, душевности, нравственной доброте. Правда, мне известен еще один филантропический поступок, который совершил Сталин уже после войны. «Вождь» направил письмо такого содержания в поселок Пчелка Парбигского района Томской области.

«Тов. Соломин В.Г.

Получил Ваше письмо от 16 января 1947 г., посланное через академика Цицина. Я еще не забыл Вас и друзей из Туруханска и, должно быть, не забуду. Посылаю Вам из моего депутатского жалованья шесть тысяч рублей. Эта сумма не так велика, но все же Вам пригодится.

Желаю Вам здоровья.

И.Сталин».

В местах своей последней ссылки, как рассказывал мне старый большевик И.Д. Перфильев, сосланный в эти края уже в советское время, у Сталина была связь с местной жительницей, от которой появился ребенок. Сам «вождь», разумеется, никогда и нигде не упоминал об этом факте. Мне не удалось установить: проявлял ли Сталин заботу об этой женщине, чей путь пересекся с этапной дорогой ссыльного революционера, или дело ограничилось признанием, что, «должно быть», друзей из Туруханска «он не забудет».

Сухость, холодность, расчетливость и осторожность Сталина, возможно, усугубились тяготами жизни профессионального революционера, вынужденного с 1901 по 1917 год

находиться на нелегальном положении, часто попадать в тюрьмы и ссылки. Все, знавшие тогда Сталина, отмечали его редкую способность к самообладанию, выдержке и невозмутимости. Он мог спать среди шума, хладнокровно воспринять приговор, стойко переносить жандармские порядки на этапе. Пожалуй, единственный раз его видели потрясенным, когда скончалась от брюшного тифа его молодая жена, оставившая мужу-скитальцу двухмесячного сына Якова. Мальчика вскормила сердобольная женщина по фамилии Монаселидзе, а Сталин стал еще более черствым.

Находясь с начала 1914 года в своей последней перед революцией ссылке в Туруханском крае вместе с Я.М. Свердловым и другими революционерами, Сталин показал себя нелюдимым и мрачным человеком. В ряде писем из ссылки Свердлов называет Сталина «большим индивидуалистом в обыденной жизни». Прибыв в ссылку уже членом ЦК партии (там были в то время еще три члена Центрального Комитета – Я.М. Свердлов, С.С. Спандарян и Ф.И. Голощекин), Сталин держал себя замкнуто, сдержанно. Его как будто интересовали лишь охота и рыбалка, к которым он пристрастился. Правда, одно время Сталин хотел заняться изучением эсперанто (один из ссыльных привез учебник), но быстро остыл к этой затее. Его отшельничество нарушали лишь эпизодические поездки к Сурену Спандаряну, жившему в селе Монастырском. На собраниях, которые устраивали ссыльные, Сталин обычно отмалчивался, отделяваясь лишь реплика-

ми. Складывалось впечатление, что Сталин просто чего-то ждал или уже устал от побегов. Во всяком случае, его общественная пассивность последние два-три года перед революцией поразительна.

Казалось, окрыленный написанием удачной работы «Марксизм и национальный вопрос», завершенной им в январские дни 1913 года в Вене, Сталин свое столь долгое пребывание в ссылке, где он не был обременен какими-либо обязанностями, использует для литературного труда. Ему, видимо, была известна высокая оценка В.И. Лениным его статьи по национальному вопросу. Однако она не вдохновила Сталина на дальнейшее углубленное изучение проблемы. Творческое и общественное бесплодие этих лет, продолжавшееся довольно долгое время, свидетельствует о духовной депрессии ссыльного. За четыре года, при наличии библиотеки, уймы свободного времени, Сталин даже не попытался создать что-либо серьезное. Кстати, дважды до этого высылаемый в Сольвычегодск, в 1908 и 1910 годах, Джугашвили вел себя так же. Похоже, что не только полная, но и частичная изоляция от революционных центров повергала Сталина (если он не бежал) в состояние пассивного выжидания. Когда он станет могущественным, то это умение выжидать будет уже не пассивным, а тонко рассчитанным.

Обычно ссыльные и арестованные революционеры, как свидетельствуют их воспоминания, очень много читали. Для них тюрьма была своеобразным университетом. Как вспо-

минал Г.К. Орджоникидзе, в Шлиссельбургской крепости он прочел Адама Смита, Рикардо, Плеханова, Богданова, Джемса, Тейлора, Беккера, Ключевского, Костомарова, Достоевского, Ибсена, Бунина... Сталин немало читал и всегда удивлялся, как беззубо царский режим борется со своими «могильщиками» – можно было не работать, сколько угодно читать и даже бежать. Для побега из ссылки в основном нужно было лишь желание. Может быть, уже тогда он пришел к выводу, который оглашал впоследствии не раз, что твердая власть должна иметь сильные карательные органы. Став «вождем» и устроив кровавую чистку в государстве, Сталин согласился с предложением Ежова об изменении режима содержания политических заключенных. Именно по его настоянию на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года в резолюции по докладу Ежова был внесен специальный пункт о том, что «тюремный режим для врагов Советской власти (троцкистов, зиновьевцев, эсеров и др.) – нетерпим. Он больше походит на принудительные дома отдыха, чем на тюрьмы. Допускается общение, сношение письмами с волей, получение посылок и т. д.». Меры, разумеется, были приняты. Ни о каких «университетах» для несчастных не могло быть и речи. Люди, попавшие в далекие лагеря во времена единовластия Сталина, вели отчаянную борьбу за свое выживание. Удавалось это далеко не всем.

Даже отдельные случаи побегов были событиями, и о них докладывали Сталину. Так, 30 июня 1948 года министр

внутренних дел сообщал Сталину и Берии:

«МВД СССР докладывает, что 23 июня с.г. из Обского исправительно-трудового лагеря при Северном железнодорожном строительстве МВД СССР группа заключенных в количестве 33 человек, обезоружив двух охранявших их солдат, захватив две винтовки с 40 патронами, совершила побег вверх по левому берегу Оби...

По состоянию на 29 июня из убежавших 4 убито, задержано 12, остальные преследуются...

С.Круглов».

Сталин распорядился выехать на место ответственному лицу и организовать поимку остальных, с обязательным докладом ему по окончании «операции». Его карательные органы были не чета жандармскому управлению царя.

Читая газеты, приходившие с большим опозданием в Туруханский край, в станок Курейка, будущий «вождь» не мог не чувствовать, что назревают большие события. Однако, когда разразилась мировая бойня, последние признаки какой-то общественной активности поселенца прекратились. Невольно складывалось впечатление, что Сталин уже не хотел вырваться из ссылки, хотя сначала и собирался, по двум причинам: из-за трудностей, ожидавших его при нелегальном положении в военное время, а также из-за нежелания попасть в армию в ходе мобилизации. Впрочем, когда в феврале 1917 года призывная комиссия в Красноярске намеревалась поставить Сталина в «строй», он был признан пол-

ностью негодным к военной службе из-за физических недостатков (сухой руки и дефекта ноги).

Эти четыре года ссылки, когда в обществе постепенно множились невидимые ручейки социальной напряженности, когда росло недовольство народа империалистической войной, Сталин словно что-то выжидал. Может быть, к нему, уже пожившему человеку, пришло разочарование бесплодностью двух десятилетий революционной деятельности? Или Сталин предчувствовал, что ему скоро предстоит вступить совсем в иной этап жизни и борьбы? А может быть, его коснулось неверие в возможность опрокинуть самодержавие? Никто этого никогда не узнает. Об этом периоде своей жизни Сталин ничего не писал и рассказывал очень мало.

Сталин все четыре года был пассивен, ничего практически не писал, совершенно не проявил себя как член Центрального Комитета партии. Фактическими лидерами в ссылке стали Спандарян и Свердлов. Ссылные группировались вокруг этих двух фигур. Сталин держался особняком, хотя и не скрывал своих сдержанных симпатий к Спандаряну. Неистовому революционеру Сурену Спандаряну не суждено было увидеть зарево революции: он заболел и скончался в ссылке в 1916 году.

Думается, что период длительной духовной депрессии, наблюдавшейся у Сталина в ссылке, был временем его личного выбора, временем раздумья о прожитом и грядущем. Где-то рос его сын, которому он пока ничего не дал и не

мог дать. Он мало что знал и о судьбе матери. Ему было уже под сорок, а перспективы его будущего были туманны. У Сталина не было никакой специальности, он ничего не умел делать, практически никогда не работал. К слову сказать, 30 лет нашей партией и страной руководил человек, не имевший никакой профессии, если не считать профессии священника-недоучки. Если, допустим, Скрыбин (Молотов) окончил реальное училище, недоучившийся студент Маленков проявил себя в молодости как старательный технический секретарь аппарата, а Каганович был неплохим сапожником, то Сталин даже сапожником, как его отец, не был. Полицейские в графе анкеты «Знает ли мастерство (профессия)» делали прочерк или писали «конторщик». Сам Сталин, заполняя анкеты накануне партийных съездов и конференций, испытывал затруднение при ответе на вопросы о роде занятий и социальном происхождении. Например, в анкете делегата XI съезда РКП(б), в котором он участвовал с совещательным голосом, на вопрос: «К какой социальной группе себя причисляете (рабочий, крестьянин, служащий)?» – Сталин не решился что-либо ответить, оставив графу чистой.

Будущий генсек, являясь профессиональным революционером, знал жизнь рабочего, крестьянина, служащего хуже, чем, допустим, ссыльного или заключенного. Возможно, это было неизбежно в тех условиях, но вместе с тем явилось устойчивой чертой его личности: Сталин знал о жизни трудящихся как будто много, но... со стороны, поверх-

ностно. Правда, придет время, он все будет «знать и уметь». Туруханское долгое молчание, возможно, было своеобразной ревизией уже немалой по срокам жизни. Все говорило за то, что сходить с революционной тропы Сталину было поздно. Сообщения о росте антивоенных настроений и новом подъеме революционного движения в Петрограде постепенно вернули Сталину уверенность в себе, привели поселенца в былую «боевую» форму.

Правда, имеются и иные свидетельства об этом периоде биографии Сталина. Например, в брошюре старой большевички Веры Швейцер «Сталин в Туруханской ссылке. Воспоминания подпольщика», написанной в 1939 году, утверждается, что Сталин с началом империалистической войны был активен и тут же выступил со специальным письмом, осуждающим «оборончество». Мол, интернациональная позиция, как утверждалось автором книги, была занята им быстро. Однако это письмо не только не сохранилось, но о нем никогда не вспоминал и не слышал никто из тех, кто нес тогда свой крест в далеком Туруханском крае. В. Швейцер, правдиво описав жизнь, быт ссыльных, едва ли была вольна так же писать о Сталине в разгар кровавых чисток. Она пишет, например, что «тезисы Ленина **подтвердили** его (Сталина. – *Прим. Д.В.*) установку по вопросу о войне», что, мол, уже в то время Сталин в беседах с товарищами предупреждал, что Каменеву нельзя доверять, что он «способен предать революцию», что «Сталин переводил в ссылке книгу Ро-

зы Люксембург на русский язык», что все время «товарищ Сталин напряженно работал», жил «одними думами, одними стремлениями с Владимиром Ильичем» и т. д. Апологетический характер подобных свидетельств очевиден. Но в те годы о Сталине и не могли появиться объективные работы – в этом не приходится сомневаться.

Копаясь в архивах, анализируя воспоминания, свидетельства находившихся в туруханской ссылке (а в конце концов там подобралась «солидная компания»: Голощекин, Каменев, Свердлов, Спандарян, Сталин, Петровский), приходишь к выводу, что четыре года накануне Октябрьской революции были самыми пассивными в жизни Сталина. Полярные ветры и сибирские холода в снежной пустыне словно заморозили у Сталина интеллектуальные центры социальной и общественной активности. Могло бы показаться просто невероятным и диким предположение, что человек со свалывшейся шевелюрой, долгие годы лежавший на убогом топчане и думавший о чем-то своем под вой нескончаемой пурги, через несколько лет возглавит могущественную партию огромного государства. Сталин ждал, регистрировал события, обдумывал линию своей жизни на будущее. Кто знает, что пробежало у него перед глазами в калейдоскопе его воспоминаний: Таммерфорс, Батумская тюрьма, Вологда, квартира Аллилуева или его маленький сынишка, которого он не видел столько лет? Человеческие мысли, если они не материализуются в делах, поступках, свершениях, похожи на бесконечную игру

облаков. Их эфемерность неуловима и неповторима. О чем думал в эти годы будущий «вождь», натягивая до подбородка собачью доху, готовясь заснуть?

Рассматривая Сталина «анфас и в профиль» накануне революции через призму современного знания, нельзя не упомянуть об устойчивой репутации «экспроприатора», долго державшейся за будущим генсеком.

В начале века среди некоторых радикалов в рабочем движении были распространены взгляды о «допустимости» экспроприации в «интересах революционного движения». В письменных свидетельствах Дана, Мартова, Суварина, ряда других современников Сталина указывается, что «кавказский боевик Джугашвили» причастен к некоторым экспроприациям если не непосредственно, то как один из организаторов. В частности, Мартов утверждал, что знаменитое по дерзости нападение 1907 года в Тифлисе на казачий конвой, сопровождавший экипаж с деньгами, «не обошлось без Сталина». Было «экспроприировано» около 300 тысяч рублей. По этому поводу Мартов писал: «Кавказские большевики примазывались к разного рода удачным предприятиям экспроприаторского рода; это известно и т. Сталину, который в свое время был исключен из партийной организации за прикосновенность к экспроприации».

Известно, что Сталин настойчиво пытался привлечь Мартова к ответственности за клевету. Выступая, однако, по поводу заявления Мартова, Сталин делал акцент на том, что

он никогда не исключался из партийной организации, обходя вопрос о своем непосредственном участии в акциях экспроприаторов. Косвенное подтверждение своего участия в экспроприациях Сталин дал и в беседе с Э. Людвигом. Тот, в частности, спросил его:

– В вашей биографии имеются моменты, так сказать, «разбойных» выступлений. Интересовались ли вы личностью Степана Разина? Каково ваше отношение к нему как «идейному разбойнику»?

– Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев, и др.

Рассуждая и дальше об этих крестьянских вождях, Сталин ни словом не обмолвился о собственных «разбойных» выступлениях, сознательно уйдя от какого-либо ответа на этот вопрос. Годы участия в революционной деятельности, хотя и на региональном уровне, романтический ореол «экспроприатора», прошедшего этапы, тюрьмы, сибирские ссылки, исподволь создавали Сталину репутацию «боевика», практика, человека дела. Скорее всего, такая характеристика близка к действительности с учетом, однако, его пассивности во время последней ссылки.

Конечно, на становление Сталина как марксиста большое влияние оказал В.И. Ленин. Известно его первое письмо, написанное в декабре 1903 года Сталину в Иркутскую губернию, село Новая Уда, где тот находился в ссылке. Владимир Ильич, очень внимательно присматривавшийся к революци-

онерам с национальных окраин, заметил И. Джугашвили по ряду небольших публикаций в партийной печати и рассказам товарищей. В своем письме он разъяснял Джугашвили некоторые насущные проблемы партийной работы. Первый раз об этом письме И.В. Сталин публично вспомнил на вечере кремлевских курсантов в конце января 1924 года, посвященном памяти В. И. Ленина. Глухим, невыразительным голосом Сталин рассказывал о своих встречах с Лениным:

«Впервые я познакомился с Лениным в 1903 году. Правда, это знакомство было не личное, а заочное, в порядке переписки. Письмецо Ленина было сравнительно небольшое, но оно давало смелую, бесстрашную критику практики нашей партии и замечательно ясное и сжатое изложение всего плана работы партии на ближайший период... Это простое и смелое письмецо еще больше укрепило меня в том, что мы имеем в лице Ленина горного орла нашей партии. Не могу себе простить, что это письмо Ленина, как и многие другие письма, по привычке старого подпольщика, я предал сожжению».

Сталин не мог пожаловаться на невнимательность Ленина к себе. Когда он находился накануне революции в Сибири, на заседании ЦК РСДРП(б), проходившем под руководством Ленина, обсуждался специальный вопрос об организации побега из ссылки Я.М. Свердлова и И.В. Сталина. Несколько раньше Владимир Ильич высылает Сталину в туханскую ссылку 120 франков. Ленин внимательно отнесся

к письму Сталина из ссылки, в котором ставился вопрос о возможности издания статьи о «культурно-национальной автономии» и брошюры «Марксизм и национальный вопрос» в виде отдельного сборника.

До 1917 года состоялось несколько встреч Сталина с Лениным. Из них наиболее продолжительной была встреча в Кракове. Имели место контакты Сталина с Лениным и ранее – во время IV съезда партии в Стокгольме, V съезда в Лондоне. Однако позже Сталин эти встречи стал рассматривать иначе. Уже в 1931 году он заявлял: «Всегда, когда я к нему приезжал за границу – в 1906, 1907, 1912, 1913 годах...» Выходит, Сталин отправлялся не на съезды и совещания, а «ездил к Ленину». Такое смещение биографических акцентов впоследствии «работало» на концепцию «двух вождей», создание мифа об особых отношениях Сталина с Лениным еще до революции. Правда, Сталин в своих утверждениях о близких отношениях с Владимиром Ильичем проявлял привычную для него осторожность. Вот пример.

Незадолго до начала войны на имя Поскребышева пришло письмо следующего содержания.

«Тов. Поскребышеву.

Прошу согласовать вопрос о возможности опубликования в печати информации: «Музей революции к ленинским дням».

Ответственный руководитель ТАСС

Я. Хавинсон

5 января 1940 г.».

К письму был приложен документ для «согласования».

«В.И. Ленину, через Крупскую, в Краков, 7 марта 1912 г.

Транспорт литературы около двух пудов привезли.

Средств у нас нет ни копейки. Сообщите куда следует, пусть посылают смену людей или шлют денег...

С товарищеским приветом Чижиков».

Сталин ниже, на документе, резюмировал:

«Письмо Чижикова – не мое письмо, хотя я и ходил одно время под фамилией Чижикова.

И. Сталин».

Сталин мог бы добавить, что он «ходил» не только под фамилией Чижикова, но и Ивановича, Чопура, Гиладшвили. В данном случае то ли кому-то «передали» фамилию Чижикова, то ли Сталин посчитал, что такое письмо его не «поднимает», но ясно одно: «вождь» не захотел хотя бы временно, хотя бы мысленно вернуться в прошлое. Даже в связи с Лениным.

Из искусства дореволюционной конспирации Сталин вынес немалое умение перевоплощаться. Он был одним на Политбюро, другим – выступая на съезде, третьим – беседуя со стахановцами. Не все могли сразу заметить эти перемены, но они были. Сталин в узком кругу мог быть более жестким, нежели «являясь народу». Об этом свидетельствуют люди, долго работавшие рядом с генсеком. В жизни все мы играем свои социальные роли. Хорошо или плохо. Понимаем это

или не понимаем. Многие естественны в этой роли: труженика, матери, отца, учителя, сына, дочери. Самые искренние «актеры» – дети. Однако многие из тех, кто находится на высоких этажах социальной иерархии, именно играют свои роли. Порой фальшиво. Иногда естественно. Но... играют. Может быть, потому, что человек, находясь на вершине, попадает в поле зрения многих, замечающих даже мелочи. А власть человека над другими людьми всегда зависит не только от силы, но и от впечатления, «видимости» образа, привлекательности или непривлекательности руководителя. Находясь в Курейке, Сталин еще не думал об этом. Он все поймет позже. Тем более что до революции мало кто внимательно приглядывался к Сталину. В его невнушительной фигуре, тихой речи, вкрадчивых манерах никто не мог бы усмотреть будущего диктатора.

Работа Сталина в Баку, Кутаиси и Тифлисе показала наличие у Кобы неплохих организаторских способностей. Но уже тогда проницательные подпольщики заметили, что Сталин смотрит на партийные организации как на аппарат, механизм, машину реализации тех или иных решений. Большевики А.С. Енукидзе, П.А. Джапаридзе, С.Г. Шаумян, например, были более известны среди рабочих, чем Джугашвили. Не уступая им в марксистской подготовке, опыте подпольной деятельности, Джугашвили заметно отставал от этих признанных лидеров Закавказья в личной популярности. У него еще не было аппарата, который появится позже, чтобы на-

стойчиво создавать эту популярность.

Подходил конец не только ссылки Сталина. Катилась к финалу и династия Романовых. Еще немногие могли предположить, что многовековое здание самодержавия менее чем через год рухнет и станет ареной ожесточенной борьбы двух начал: нового, революционного, и старого, традиционного. Свою роль в этой борьбе сыграет и человек, чьи фас и профиль в России были пока совершенно незнакомы.

Февральский пролог

Могут ли быть «сигналы» из будущего? Кто скажет? Может быть, это возможно только в легендах, мифах, пророчествах, предсказаниях? Скупые вести, докатывавшиеся до Курейки, будоражили воображение, вызывали жаркие споры, отдавались упругими ударами сердца и покалыванием в висках. Сталин как-то сразу почувствовал приближение из-за горизонта будущего, которое виделось ему в контурах смутной надежды. Ведь только революция могла изменить положение ссыльного. В обычной жизни он обречен на прозябание. Ни профессии, ни дома. А самое страшное для человека – когда его нигде не ждут. Революционные толчки встряхнули Сталина. Она, эта надежда, росла, отодвигая куда-то в глубь стылых снежных равнин неверие, сомнения, колебания. Пожалуй, и сама жизнь есть вечная надежда. Как только она умирает, человеку уже нечего делать на этой зем-

ле.

Возможно, в канун нового, 1917 года Сталин чувствовал, что скоро вновь окажется в городе на Неве, где он так нелепо был схвачен охранкой четыре года тому назад на вечеринке, устроенной Петербургским комитетом большевиков в зале Калашниковской биржи. Ссылные рвались на волю, где зрели бурные события.

Угрюмый грузин, хотя и был уже с 1912 года членом Центрального Комитета партии, кооптированным в его состав Пражской конференцией РСДРП(б), так и не стал среди ссыльных популярной личностью. Правда, он довольно близко сошелся с Каменевым. На одной из фотографий, сделанной в Монастырском, Сталин – рядом с ним, своим будущим союзником, а затем и противником. По своему характеру Сталин всегда был замкнут и малодоступен. Едва ли перед кем-нибудь он был готов открыть душу и пойти на тесные дружеские контакты. Его не привлекала пестрая община ссыльных с ее ожиданиями, обсуждениями писем, вестей с воли, семейными заботами, многочисленными спорами и проектами о бесклассовом обществе, полном справедливости, священном равенстве... Ему был чужд, как тогда говорили, «аристократизм духа»; не случайно уже после Октября он однажды назвал себя «чернорабочим революции». В глазах тех, кто его знал тогда, Сталин выглядел «боевиком», практиком подполья, но без большого полета мысли и фантазии.

Пожалуй, любимой литературой большевиков того времени были книги о Великой французской буржуазной революции XVIII века. Парижской коммуне. День 14 июля, Бастилия, Версаль, «Декларация прав человека и гражданина», якобинцы, клуб кордельеров, Конвент, гильотинирование Людовика XVI и Марии Антуанетты, диктатура, Робеспьер, Дантон, 9 термидора... Сталин долгими зимними вечерами при скудных бликах свечи поглощал страницу за страницей зачитанной донельзя книги А. Олара «Политическая история французской революции», которую ему дал Свердлов. Вживаясь в образы, атмосферу, накал страстей давно ушедшего времени, Сталин впервые постигал тайны «той» революции. До этого он почти ничего не читал о ней. Революция представляла пред ним то безжалостной фурией, то грозным социальным шквалом, сметающим все на своем пути. Сталин почти физически ощутил трагические последствия нерешительности Робеспьера, когда заговор был раскрыт. Нет, он бы медлить и колебаться не стал...

Пока Курейка цепко, словно приморозив, держала ссыльных, в России зрели невиданные доселе события. Молох Первой мировой войны уже тридцать месяцев собирал свою кровавую жатву. Залитые грязью и кровью окопы, газовые атаки, застывшие серые пятна солдатских фигур на колючей проволоке были далеко от Сталина. Но из редких сообщений он знал, что в стране резко упало промышленное производство, наступал голод, быстро росло недовольство народных

масс. Война до предела обострила кризис Российской империи. Назревал революционный взрыв.

Буржуазия надеялась найти выход в монархических рокировках, попытках утвердить демократию западного типа. Министерская чехарда лишь усугубляла положение режима. За три года войны сменилось четыре председателя Совета Министров, десятки других руководителей государственных ведомств. А дела на фронте шли все хуже. Об уровне руководства войсками можно судить, в частности, по такому примеру. Военный министр генерал А.А. Поливанов телеграфировал с фронта в царский дворец: «Уповаю на пространства непроходимые, на грязь невылазную и на милость угодника Николая, покровителя Святой Руси».

Николай II, при всей его заурядности, долго и довольно умело лавировал, искал компромиссы, готов был идти на частичные уступки буржуазии, лишь бы сохранить монархию. Но роковой час для нее уже пробил. Председатель последней Думы лидер октябристов М.В. Родзянко за три недели до краха самодержавия сказал царю: «Вокруг Вас, государь, не осталось ни одного надежного и честного человека: все лучшие удалены или ушли, остались только те, которые пользуются дурной славой». Председатель Думы уговаривал, умолял царя «даровать народу конституцию», чтобы спасти престол». Но спасти его уже ничто не могло.

Мы снова идем к революции, писал В.И. Ленин, анализируя политическую ситуацию в стране, чутко прислушиваясь

в далекой Швейцарии к нарастающему, как во время землетрясения, гулу грядущей революции. Первым и центральным актом февральского пролога явилось крушение самодержавия. Ссылные, среди которых был и Сталин, верившие в возможность этого крушения, не думали, что оно произойдет так быстро. Сталин, обращаясь к урокам революции 1905 года, вспоминая детали недавно прочитанной книги о Великой французской революции, понимал, что в ближайшее время должно случиться то, чем оправдывалось само существование их как профессиональных революционеров.

Один из популярных деятелей того времени В.В. Шульгин, проживший почти вековую жизнь, в своих известных мемуарах «Дни» вспоминал подробности этого акта. Когда они с А. И. Гучковым по поручению Временного комитета Государственной думы прибыли 2 марта 1917 года в Псков для принятия отречения царя от престола, то надеялись еще спасти монархию. «Император, – пишет Шульгин, – как всегда, был спокоен. После сбивчивой речи Гучкова Николай монотонным голосом, не выдавая своих эмоций, сухо произнес:

– Я принял решение отречься от престола. До трех часов сегодняшнего дня я думал, что могу отречься в пользу сына, Алексея... Но к этому времени я переменял решение в пользу брата Михаила...»

Сделаем, однако, одно отступление.

В это время группа ссыльных из Монастырского, Курей-

ки уже находилась в Красноярске, Канске, Ачинске. Сталин с Каменевым были в Ачинске. Известие об отречении Николая в пользу Михаила и об отказе последнего принять корону встретили восторженно. Телеграмму с поздравлениями Михаилу «за его великодушие и гражданственность» неожиданно для Сталина подписал и Каменев. Спустя девять лет этот факт всплыл на поверхность на заседании Исполкома Коминтерна (ИККИ). Сталин постарался «монархическую слабость» Каменева максимально использовать. Его выступление высвечивает и как бы приближает то далекое время февраля – марта 1917 года.

«Дело происходило в городе Ачинске в 1917 году, – необычно возбужденно начал Сталин, – после февральской революции, где я был ссыльным вместе с тов. Каменевым. Был банкет или митинг, я не помню хорошо, и вот на этом собрании несколько граждан вместе с тов. Каменевым послали телеграмму на имя Михаила Романова... (Каменев закричал с места: «Признайся, что лжешь, признайся, что лжешь!») Молчите, Каменев. (Каменев вновь закричал: «Признаешь, что лжешь?») Каменев, молчите, а то будет хуже. (Председательствующий Э.Тельман призывает к порядку Каменева.) Телеграмма на имя Романова как первого гражданина России была послана несколькими купцами и тов. Каменевым. Я узнал на другой день об этом от самого т. Каменева, который зашел ко мне и сказал, что допустил глупость. (Каменев вновь с места: «Врешь, никогда тебе ничего

подобного не говорил».) Телеграмма была напечатана во всех газетах, кроме большевистских. Вот факт первый.

Второй факт. В апреле была у нас партконференция и делегаты подняли вопрос о том, что такого человека, как Каменев, из-за этой телеграммы ни в коем случае выбирать в ЦК нельзя. Дважды были устроены закрытые заседания большевиков, где Ленин отстаивал т. Каменева и с трудом отстоял как кандидата в члены ЦК. Только Ленин мог спасти Каменева. Я также отстаивал тогда Каменева.

И третий факт. Совершенно правильно, что «Правда» присоединилась тогда к тексту опровержения, которое опубликовал т. Каменев, т. к. это было единственное средство спасти Каменева и уберечь партию от ударов со стороны врагов. Поэтому вы видите, что Каменев способен на то, чтобы солгать и обмануть Коминтерн.

Еще два слова. Так как тов. Каменев здесь пытается уже слабее опровергать то, что является фактом, вы мне разрешите собрать подписи участников Апрельской конференции, тех, кто настаивал на исключении тов. Каменева из ЦК из-за этой телеграммы. (*Троцкий с места: «Только не хватает подписи Ленина».*) Тов. Троцкий, молчали бы вы! (*Троцкий вновь: «Не пугайте, не пугайте...»*) Вы идете против правды, а правды вы должны бояться. (*Троцкий с места: «Это сталинская правда, это грубость и нелояльность».*) Я соберу подписи, т. к. телеграмма была подписана Каменевым...»

Мы забежали по времени вперед. Но здесь приведен спор, касающийся событий начала 1917 года. Даже Каменев, считавший себя ортодоксальным марксистом, видел тогда признак революционного достижения в «великодушии Михаила». Это сегодня нам «все ясно» о том далеком уже времени. А тогда маневры царя, буржуазии были способны ставить в тупик и некоторых членов ЦК партии...

Вернемся вновь к мемуарам Шульгина. Отречение царя от престола он выразил патетической фразой:

– В тот момент я как бы услышал, как жалобно зазвенел трехсотлетний металл, ударившись о грязную мостовую. Петропавловский собор резал небо острой иглой. Зарево было кроваво.

В течение нескольких дней, продолжал Шульгин, я присутствовал при отречении двух государей (имея в виду и Михаила). Было впечатление, что все мы взошли на эшафот. На совещании членов комитета Государственной думы Милюков и Гучков просили великого князя Михаила Александровича, молоджавого, высокого, худого, принять престол...

После получасового размышления в соседней комнате великий князь вошел, остановился посредине комнаты и сказал:

– При этих условиях я не могу принять престола, потому что...

Он не договорил, потому что... заплакал. Так мелодраматически пресеклась династическая линия Романовых. Шуль-

гин с ядовитым сарказмом добавляет, всхлипывая вместе с царем-однодневкой:

– Россия теперь и не монархия, но и не республика... Государственное образование без названия. А все началось еврейским погромом и кончилось разгромом трехсотлетней династии...

Патетика Шульгина не была просто тоской по минувшему. «Бывшие» еще многое сделают, чтобы всплыли на поверхность Краснов, Корнилов, Врангель, чтобы возникли Добровольческая армия, многочисленные войска интервентов. В своих «Очерках русской смуты» А.И. Деникин вспоминал, что такие монархисты, как генерал Крымов, предлагали «расчистить Петроград силой оружия и, конечно, с кровопролитием». Жаль, вздыхал Деникин, что не прислушались вовремя к таким советам: «Слишком долго мы внимали пасхальному перезвону вместо того, чтобы сразу ударить в набат». Однако последние два февральских дня 1917 года перечеркнули их последние надежды остановить революцию. Генерал Хабалов окончательно утратил власть над частями, распропагандированными большевиками. В ночь на 28 февраля министры последнего царского правительства оказались в Петропавловской крепости в роли арестованных. Февральская буржуазно-демократическая революция в России победила. То был пролог скорого Октября.

На далеких окраинах тысячи политических ссыльных еще до получения официальных бумаг готовились к отъезду в

Петроград, Москву, Киев, Одессу, Тифлис, Баку, другие революционные центры. Если у истории есть высота птичьего полета, то она своими бесстрастными глазами могла видеть, как революционеры – жрецы «праздника угнетенных» со всех концов необъятной России устремились туда, где уже запылал факел освобождения. Сталин с группой таких же бывших ссыльных, добыв билеты в вагон третьего класса, жадно смотрел на огромные заснеженные пространства Сибири, пробегавшие за окном. Он не мог знать, что немногим более чем через десять лет побывает здесь, но уже не в качестве безвестного «чернорабочего революции», а как вождь партии, быстро набирающий силу. Выскакивая на станциях за кипятком, Сталин не мог и предположить, что уже через год-полтора на этой земле, как когда-то в Бретани, Тулоне, Вандее, вспыхнут кровавые мятежи. Сталин еще не знал, что его ждет в Петрограде, чем он будет конкретно заниматься, кого из руководителей партии повстречает. Уныние и тоска остались на берегу закованного в ледовый панцирь Енисея. Вскоре водоворот социальных и политических событий захватит его целиком, вначале скроет под волнами и пеной революции, а затем неожиданно выбросит в самом ее эпицентре.

На подъезде к Уралу и последующих станциях ссыльных (а они находились почти в каждом поезде) шумно встречали на вокзалах. На митингах звучала «Марсельеза», лились речи, все казалось радужным. Говорили красноречивый Каме-

нев, энергичный Свердлов, другие попутчики. Сталин молча смотрел на эту неожиданную эйфорию. Почему-то вспомнились недавно прочитанные слова Максимилиана Робеспьера: «...если не поднимется весь народ целиком, свобода погибнет...» Поднимется ли? Сталин ответить на этот вопрос не мог. Надеялся, что Петроград прояснит ситуацию.

К этому моменту волна буржуазной демократии поднялась весьма высоко. Мелкая буржуазия, примыкая то к «полевевшим» капиталистам, то к пролетариату, все больше раскачивала лодку государственности. Нарастали настроения реформизма. Казалось, главное сделано – самодержавие рухнуло. «Гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, – писал В.И. Ленин, – подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно...» Гигантский социальный маятник колебаний справа налево и слева направо отражал сосуществование двух диктатур. В этом заключалось исключительное своеобразие момента, не вписывающееся в прокрустово ложе классических схем буржуазно-демократических революций. Политическим выражением этого уникального своеобразия стало *двоевластие*. В одном и том же дворце, Таврическом, бурно заседали два органа власти. В одном крыле дворца было, по выражению Милюкова, «играло лице власти» – Временный комитет Государственной думы. Здесь тон задавала «левая» буржуазия – кадеты. В другом крыле дворца разместился Петроградский Совет как орган революционной власти. Во главе Совета ста-

ли меньшевики Н.С. Чхеидзе, М.И. Скобелев, трудовик А.Ф. Керенский. В составе Исполкома Совета большевики были в меньшинстве. И это не случайно, ибо меньшевики, находившиеся до Февраля на легальном положении, активно использовали свои возможности. А в их рядах были многие видные интеллигенты, пропагандисты и теоретики научного социализма. В то же время Ленин, признанный вождь партии большевиков, находился еще в эмиграции; Бубнов, Дзержинский, Муранов, Рудзутак, Орджоникидзе, Свердлов, Сталин, Стасова, другие члены партийного руководства были в ссылке, тюрьмах, на каторге и только должны были вернуться.

Меньшеvistский состав Совета в согласии с думцами одобрил передачу исполнительной государственной власти буржуазии в лице Временного правительства. Церетели и Керенский поддерживали тезис, что «новое революционное правительство будет работать под контролем Совета», что такова «воля истории». Эйфория, пафос перемен, революционная фраза повернули общественное сознание в сторону поддержки Временного правительства. Сталина, как и многих, несло потоком событий.

Керенский, все делая для победы буржуазии, на всякий случай хотел сохранить и представителей династии. В одной из своих статей, написанной уже в эмиграции, – «Отъезд Николая II в Тобольск» – исторический временщик, вознесенный на миг событиями на самую вершину буржуазной траектории, писал: «Вопреки сплетням и инсинуациям, Времен-

ное правительство не только могло, но и решило еще в самом начале марта отправить царскую семью за границу. Я сам 7(20) марта на заседании Московского Совета, отвечая на яростные крики: «Смерть царю, казнить царя», сказал:

– Этого никогда не будет, пока мы у власти. Временное правительство взяло на себя ответственность за личную безопасность царя и его семьи. Это обязательство мы выполним до конца. Царь с семьей будет отправлен за границу, в Англию. Я сам доведу его до Мурманска.

Мое заявление вызвало, – писал Керенский, – в советских кругах обеих столиц взрыв возмущения... однако уже летом, когда оставление царской семьи в Царском Селе сделалось совершенно невозможным, мы, Временное правительство, получили категорическое официальное заявление (из Англии. – *Прим. Д.В.*) о том, что до окончания войны въезд бывшего монарха и его семьи в пределы Британской империи невозможен». Тогда-то и отправили царя с семьей в Тобольск. Решая попутно такие задачи, Временное правительство пыталось любой ценой набросить на революцию смирительную рубашку. Стремясь сохранить власть, как говорил тот же Керенский, буржуазия была намерена дать «наговориться народу».

Революция в этот момент, как заметил В.И. Ленин, завершила свой первый этап. Двоевластие усыпляло бдительность. Официально вроде бы вся власть принадлежала Временному правительству, державшему в руках старый аппа-

рат государства, а рядом гудел в калейдоскопе революционных будней Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Сожительствова­ли две диктатуры рядом; ни одна пока не обладала полной властью, ни одна пока не могла лишиться другую ее атрибутов. Но двоевластие как социальная двусмысленность не могло затормозить революционное творчество масс. Например, 2 марта 1917 года в «Известиях» был опубликован знаменитый приказ № 1. Он провозгласил введение демократических начал в армии: выборность комитетов в частях, отмену военных чинов и титулов, поддержку распоряжений властей лишь в случае одобрения Советами, необходимость соблюдения революционной дисциплины, уравнивание солдат и офицеров в гражданских правах. Глаза Сталина жадно разглядывали калейдоскоп событий. У него уже было свое место в них, но будущее выглядело туманным.

Все это, повторяю, происходило до приезда многих революционеров в Петроград. Ленин еще только готовился про­рваться в мятежную Россию, Троцкий приедет в город на Неве в начале мая, еще не зная окончательно, с кем он будет – с меньшевиками или большевиками. Меньшевики и эсеры доминировали в Петроградском Совете. С их помощью начнет бесславно функционировать правительство «десяти капиталистов и шести социалистов». Керенский, Церетели, Чернов, Скобелев и другие позаботятся лишь об одном: как бы не допустить выхода «революционной энергии из-под

контроля».

Все эти особенности и нюансы политической обстановки были пока незнакомы Сталину. Вглядываясь своими «впалыми карими глазами с желтизной» в пробегающие убогие деревеньки, разбросанные на гигантской равнине крестьянской страны, Сталин «ехал в революцию». Где остановиться – вопроса не было – у Аллилуевых. В течение этих долгих лет, если и получал он от кого-нибудь регулярно письма, то, видимо, лишь от Сергея Яковлевича Аллилуева, своего будущего тестя, большевика, вошедшего в нашу историю прежде всего тем, что в драматические дни июля 1917 года укрывал у себя В.И. Ленина от преследований Временного правительства.

Революции совершаются не партиями. «Не Государственная Дума – Дума помещиков и богачей, – а *восставшие рабочие и солдаты низвергли царя*», – писал в марте В.И. Ленин. Но во главе этих восставших должна быть его партия. Все помыслы Ленина были в России, где, как он понимал, мало было устроить тризну на месте останков самодержавия. Нужно было идти дальше, непременно дальше! Ленин прищипывал историю...

Заметную роль до приезда В.И. Ленина сыграло Русское бюро ЦК, в которое в марте были кооптированы новые лица, и среди них И.В. Сталин. Бюро утвердило состав редакции «Правды», в которую он также вошел. Возобновление выхода пролетарской газеты имело немалое мобилизующее

значение.

Как проявил себя Сталин в Февральской, а затем и в Октябрьской революциях? Какова была его подлинная роль? Кем он был в революции – лидером, аутсайдером, статистом? Анализ партийных документов, других материалов, свидетельств участников событий позволяет ответить на этот вопрос.

Долгое время освещение роли Сталина в революции было выдуманным, фальшивым. В «Краткой биографии» утверждалось, что «в этот ответственный период Сталин сплачивает партию на борьбу за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Сталин совместно с Молотовым руководит деятельностью Центрального Комитета и Петербургского комитета большевиков. В статьях Сталина большевики получают принципиальные руководящие указания для своей работы». Сказано как о вожде, лидере революции, как будто *заменившем* на этот период Ленина. Как свидетельствуют исторические хроники, оснований для такого вывода не было. Он чрезвычайно далек от правды. Никаких «руководящих указаний» Сталин не давал. Приехав в Петроград, он стал одним из многих партийных функционеров. В документах этого периода редко-редко можно встретить фамилию Сталина в списке определенной группы лиц, исполнявших задания Центрального Комитета партии. Да, Сталин входил в высокие политические органы, но ни в одном из них в эти месяцы он не заявил о себе громко. Его

почти никто не знал, кроме узкого круга лиц. Это был незаметный человек, «представитель нацокраин». У него абсолютно не было популярности. Такова правда.

Л.Д. Троцкий, быстро ставший исключительно популярным после приезда, описывая этот период деятельности Сталина в книге «Февральская революция», отмечал, что «положение в партии еще больше осложнилось к середине марта, после прибытия из ссылки Каменева и Сталина, которые круто повернули руль официальной партийной политики вправо». Троцкий рассуждает, что если Каменев, в течение ряда лет оставаясь с Лениным в эмиграции, где находился главный очаг теоретической работы партии, вырос как публицист и оратор, то Сталин, так называемый «практик» без должного «теоретического кругозора, без широких политических интересов и без знания иностранных языков, был неотделим от русской почвы». «Фракция Каменева – Сталина все больше превращалась в левый фланг так называемой революционной демократии и приобщалась к механике парламентарно-закулисного «давления» на буржуазию...» Троцкий обвиняет в своей книге Сталина в оборончестве, что не всегда соответствовало действительности, но нельзя не уловить в его рассуждениях верные нотки об отсутствии масштабности дооктябрьского мышления Сталина, что порой вело к узкому практицизму, ограниченному рамками лишь ближайшей перспективы.

Февраль не застал Сталина *полностью* врасплох. Несмот-

ря на длительный период депрессии, он верил, что революция неизбежна. Именно *верил*, ибо для него истина была неотделима от веры в нее. Если истина не облекалась в одеяние веры, она для Сталина была неполноценной. В этом, может быть, и нет ничего негативного, но здесь всегда таится опасность проявления догматического мышления. Сталину вера в программы, курсы, решения, «линии» всегда помогала сохранять твердость и уверенность в правильности своих действий. Быть или не быть революции, зависело не от него. Но что она будет, в этом он никогда не сомневался. Трясаясь в холодном вагоне от Ачинска до Петрограда в начале марта 1917 года, Сталин оценивал факт падения самодержавия как революционную неизбежность. Он, вероятно, верил, что этот исторический акт произойдет еще при его жизни. Но неожиданно почувствовал, что у дела, которому посвятил всю свою жизнь, как и у его личной судьбы, есть не просто исторический шанс, а нечто большее.

На вторых ролях

12 марта Сталин был уже в Петрограде. Ни его, ни Каменева, ни Муранова, приехавших одним поездом, никто не встречал. Петроград был занят своими революционными заботами. Незаметный приезд будущего «вождя» соответствовал его реальному положению. Взяв в руки свой фанерный сундучок, Сталин отправился к Аллилуевым. Его при-

няли тепло, как своего. В тот же день он встретился с рядом членов ЦК. Вечером его ввели в состав Русского бюро Центрального Комитета и в состав редакции «Правды». После безмолвия Курейки Сталин никак не мог привыкнуть к шуму и толчее революционных будней. Фактически с середины марта руководство «Правдой» было возложено на Каменева, Муранова и Сталина. И уже в первые дни их работы газета допустила целый ряд заметных теоретических и политических «сбоев». Они не случайны. Сталин не обладал сильным самостоятельным мышлением, четкой позицией, ясным пониманием сложнейшей диалектики предоктябрьской грозы. Он привык исполнять указания и проводить «линию». А здесь решения нужно было принимать самому. Сначала этот «сбой» выразился в одобрении Сталиным публикации статьи Каменева «Временное правительство и революционная социал-демократия». Каменев прямо утверждал, что партия должна оказывать поддержку Временному правительству, ибо оно «действительно борется с остатками старого режима». Но это явно противоречило ленинским установкам.

Буквально на следующий день Каменев, отличавшийся «скорописью», опубликовал еще одну статью – «Без тайной дипломатии», в которой фактически стал на позиции «революционного оборончества». Поскольку германская армия ведет войну, революционный народ будет, писал Каменев, «стойко стоять на своем посту, на пулю отвечая пулей и

на снаряд – снарядом. Это непреложно». Подобные патристические воззрения Каменева не встретили тогда отпора со стороны Сталина, который еще слабо разбирался в хитросплетениях большой политики. Это проявилось, в частности, и в том, что уже на следующий день после публикации материала Каменева Сталин сам допустил политическую ошибку в статье «О войне». Написанная в целом с антивоенных позиций, она тем не менее шла вразрез с ленинскими установками. Выход из империалистической войны Сталин видел в «давлении на Временное правительство с требованием изъявления им своего согласия немедленно открыть мирные переговоры».

Справедливости ради следует сказать, что позднее, в 1924 году, в своем выступлении на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС, Сталин публично признает свою ошибку. Характеризуя свою позицию по отношению к Временному правительству в вопросе о мире, он скажет, что «это была глубоко ошибочная позиция, ибо она плодила пацифистские иллюзии, лила воду на мельницу оборончества и затрудняла революционное воспитание масс». И прибавляет, что эту позицию занимала вся партия, хотя были партийные организации, взявшие верный тон. Забегая вперед, скажу, что если в 20-е годы еще были отдельные публичные признания Сталиным своих промахов, ошибок, то позже, по мере того как он становился «непогрешимым», о них не могло быть и речи.

Не без влияния Сталина Бюро ЦК через неделю после

публикации статьи «О войне» приняло резолюцию «О войне и мире», в которой сохранялась идея «давления» на Временное правительство в целях начала мирных переговоров. В отсутствие Ленина в «Правде» было сильно влияние Каменева. Он оказался настоящим «героем» межвременья. Оборонческие тенденции в марте не без его усилий заметно окрепли. Сталин противостоять ему еще не мог в силу своего ограниченного влияния и авторитета. Даже в отсутствие Ленина, других видных большевиков, когда нужно было энергичное сплочение партии, вышедшей из подполья, Сталин не смог проявить себя как лидер. Свердлов, Каменев, Шляпников были более заметны в той сложной обстановке уточнения политических ориентиров, определения тактических маршрутов движения партии.

Думаю, что Сталин не мог в то время и помышлять о том, что провозгласит Ленин менее чем через месяц: курс на социалистическую революцию. В тех революционных маневрах, которыми Сталин был захвачен в марте, ему виделась уже достигнутая цель. В эти мартовские дни весьма остро чувствовалось отсутствие Ленина. На усредненном уровне интеллекта и революционной страсти решать сверхзадачи невозможно. А подняться выше этого уровня приехавший из Курейки Сталин не мог. В это время один из меньшевистских лидеров и теоретиков Н.Н. Суханов (Гиммер) писал в своих воспоминаниях: «Сталин на политической арене был не более как серым, тусклым пятном». Другие члены Бюро

– П.А. Залуцкий, В.М. Молотов, А.Г Шляпников, М.И. Калинин, М.С. Ольминский – также не смогли в ряде вопросов последовательно проводить в жизнь установки, изложенные Лениным в его «Письмах из далека». Чувствовалось, что Каменев и некоторые другие руководители не избавились полностью от иллюзий оборончества, веры во Временное правительство, считали едва ли не венцом достижений буржуазно-демократические завоевания. И кто знает, может, тогда они и были правы?

Эти предоктябрьские колебания Сталина не были беспричинными. Сталин не обладал собственной концепцией реализации большой идеи. В Февральской революции и в дни Октябрьского штурма рельефно проявились его слабые стороны: «мелкая» теоретическая подготовка, низкая способность к революционному творчеству, неумение (пока еще!) переложить политические лозунги в конкретные программные установки. Никто и никогда не бросал Сталину упрека в том, что он уклонялся от борьбы, искал легких путей, боялся конфронтации с политическими противниками. Дефицита воли у этого человека никогда не было. Но внимательный исследователь политической судьбы Сталина заметит: у него, профессионального революционера, было уже тогда одно, хотя и не единственное, весьма уязвимое место. И он знал о нем.

Когда возникала потребность идти в цех, на завод, в воинскую часть, на уличный митинг, у Сталина, как уже отмеча-

лось, появлялось чувство внутренней неуверенности и тревоги, которые он, правда, со временем научился скрывать. Его никогда не влекло, как многих других революционеров, в гущу масс. Он не любил, да, пожалуй, и не умел хорошо выступать перед людьми. В одном из свидетельств начала 20-х годов приводится оценка рабочего И. Кобзева, слушавшего Сталина во время митинга на Васильевском острове в апреле 1917 года: «Вроде все говорил правильно, понятно и просто; да как-то не запомнилось его выступление». Не случайно Сталин меньше, чем кто-либо другой из ленинского окружения, выступал перед людьми на митингах, встречах, манифестациях.

Выступать перед толпой, массами особенно было трудно, когда приехали Ленин и Троцкий, когда пошли на митинги и собрания Луначарский, Володарский, Каменев, Зиновьев, другие блестящие ораторы. Троцкий, например, облюбовал постоянным местом своих выступлений цирк «Модерн», всегда забитый народом. Нередко Троцкого несли к трибуне через головы на руках. Создавалось впечатление, что Троцкий иногда содержание речи ставил на второй план, обращая особое внимание на эмоциональное воздействие на сознание слушателей. Первые недели своего пребывания в Петрограде, писал в своих записках Суханов, Троцкий, закончив очередное выступление в «Модерне», мчался на Обуховский завод, оттуда – на Трубочный, далее – на Путиловский, затем – на Балтийский, из Манежа – в казар-

мы; казалось, что он говорил везде одновременно. Сталину было трудно, просто не по силам тягаться с этим Цицероном революции. Троцкий упивался ростом своей популярности, умел, как, пожалуй, никто, зажечь людей. Сталин, слушая выступление Троцкого на каком-либо заседании или совещании, всегда испытывал к этому человеку устойчивую неприязнь, соседствующую с завистью. Троцкий был в центре внимания, притягивал к себе всех. Не так, как он, Сталин, которого Троцкий, особенно до октябрьских событий, буквально не замечал.

Вместо публичных выступлений Сталин предпочитал писать статьи, отклики, давать газетные реплики по поводу тех или иных политических событий. После приезда из ссылки, с середины марта по октябрь 1917 года, Сталин опубликовал в газетах «Правда», «Пролетарий», «Солдатская правда», «Пролетарское дело», «Рабочий и солдат», «Рабочий», «Рабочий путь», других изданиях более шестидесяти статей и заметок! Посредственный публицист, он, повторюсь еще раз, был довольно последователен и неизменно категоричен в своих выводах. Религиозные догмы, которые он отверг по содержанию, нравились ему за латинскую ясность. Видимо, не случайно в его работах все было элементарно простым; в них не было мудреных терминов, сложных дефиниций, логических ухищрений. В большинстве его бесхитростных статей были ясно изложены простые истины, которые спустя десятилетия не привлекли бы внимания людей, не будь их ав-

тором Сталин.

Больше по душе Сталину была работа в «штабе», в управляющих органах Бюро, Комитете, Совете. Уже в марте Бюро ЦК к имеющимся поручениям Сталина добавляет еще одно: делегирует его в состав Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Бюро собиралось почти ежедневно, обсуждая самые разные вопросы революционной практики, давая то одному, то другому его члену новые и новые задания. Так, Сталин принял участие в установлении регулярных связей с партийными организациями Закавказья, других регионов страны.

К этому времени во многих губерниях стали создаваться объединенные организации большевиков и меньшевиков. ЦК выступал против такого союза, хотя, объективно говоря, традиционный взгляд на недопустимость таких объединений по меньшей мере сомнителен. Тогда, когда это усиливало революцию в борьбе с самодержавием, а позже – с буржуазией, это могло, видимо, рассматриваться как практика политических компромиссов для достижения определенных целей. Сталин проявлял, в частности, большую энергию в разрушении, ликвидации таких объединенных организаций. А может быть, следовало прислушаться к предложениям меньшевиков?

Бесспорно, когда соглашательство ставило под угрозу идеалы, программные установки, конкретные завоевания, – эта ликвидация была оправданна. Но концентрация усилий про-

тив меньшевиков и особенно против эсеров, как представляется, наносила больше ущерба, чем пользы. Со временем это станет печальной традицией. Фашизм в 30-е годы рассматривал, например, нас только через перекрестие прицела, а мы все еще видели едва ли не главного врага в социал-демократах.

Ленин рвался в Россию, но сделать это было архисложно. После тщательного продумывания всех возможных осложнений он с группой русских эмигрантов, среди которых был и Г.Е. Зиновьев (Г.-Е.А. Радомысльский), выехал из Швейцарии через Германию и Швецию в Россию. О многих, не до конца еще выясненных обстоятельствах беспрепятственного проезда Ленина через Германию в разгар войны, я еще буду говорить в своей книге о Ленине, входящей в триптих «Вожди». Уже 3 апреля на станции Белоостров (первой на территории России остановке) Ленина в 9 часов вечера встречали представители ЦК и Петроградского комитета РСДРП(б), делегации рабочих. Среди встречавших были Л.Б. Каменев, А.М. Коллонтай, И.В. Сталин, М.И. Ульянова, Ф.Ф. Раскольников, А.Г. Шляпников. Едва войдя в купе, обменявшись приветствиями с Лениным, вспоминал Раскольников, я сразу же был ошарашен вопросом Ильича:

– Что вы пишете в «Правде»? Несколько номеров удалось посмотреть, за которые мы вас здорово ругали...

В пути от Белоострова до Петрограда Ленин беседовал с встретившими его товарищами о положении в партии; здесь

же высказал Каменеву серьезные критические замечания о его статьях в «Правде», которыми он фактически поддерживал Временное правительство, а в оценке войны не раз сползал на оборонческие позиции.

Революция, народ, партия встречали своего вождя. Не Бога, не жреца, не политического апостола, а лидера, обладавшего большой духовной мощью, непререкаемым моральным авторитетом у революционных масс. Небезынтересно привести описание встречи В. И. Ленина его идейным противником Н.Н. Сухановым. В своих в целом малоинтересных «Записках о революции», изданных в 1922–1923 годах, Суханов, который был на встрече, описывает ее так:

«На Финляндском вокзале в так называемую «царскую комнату» вошел или, пожалуй, вбежал Ленин, в круглой шляпе, с измятым лицом и – роскошным букетом в руках. Добежав до середины комнаты, он остановился перед Чхеидзе, как будто натолкнувшись на совершенно неожиданное препятствие. И тут Чхеидзе, не покидая своего прежнего угрюмого вида, произнес следующую «приветственную» речь, хорошо выдерживая не только дух, не только редакцию, но и тон нравоучения: «Тов. Ленин, от имени Петроградского Совета и всей революции мы приветствуем вас в России... Но мы полагаем, что главной задачей революционной демократии (и это было «солью», главной идеей речи Чхеидзе. – *Прим. Д.В.*) является сейчас защита нашей революции от всяких на нее посягательств как изнутри, так и

извне... Мы надеемся, что вы вместе с нами будете преследовать эти цели». Чхеидзе замолчал. Я растерялся от неожиданности...

Но Ленин, видимо, хорошо знал, как отнестись ко всему этому. Он стоял с таким видом, как бы все происходящее ни в малейшей степени его не касалось: осматривался по сторонам, разглядывал окружающие лица и даже потолок «царской комнаты», поправляя свой букет (довольно слабо гармонировавший со всей его фигурой), а потом, уже совершенно отвернувшись от делегации Исполнительного комитета, ответил так: «Дорогие товарищи, солдаты, матросы и рабочие. Я счастлив приветствовать в вашем лице победившую русскую революцию, приветствовать вас, как передовой отряд всемирной пролетарской армии... Недалек час, когда по призыву нашего товарища Карла Либкнехта народы обратят оружие против своих эксплуататоров-капиталистов... Русская революция, совершенная вами, открыла новую эпоху. Да здравствует всемирная социалистическая революция!»

Я привел эту пространную выдержку из воспоминаний Суханова потому, что даже человек, идейно глубоко расхоdivшийся с Лениным, не мог не отметить политической мудрости и радикализма намерений вождя российского пролетариата. Сталин уже здесь, на вокзале, почувствовал, что интернационалистская речь Ленина высветила его наивные сомнения оборонческого характера, его ошибочную ставку на Временное правительство в деле достижения мира. Ленин-

ские уроки он тогда умел понимать. Жаль, что через годы духовная эрозия в его сознании не позволит воспользоваться некоторыми из них в то время, когда они будут особо нужны.

Сталин позднее вспоминал, что уже вечером 3 апреля ему «многое стало значительно яснее». Ленин, прибывший издалека, тем не менее лучше других видел и понял историческое своеобразие момента, словно он все время находился здесь, в самой гуще событий. На другой день Сталин, слушая выступление Ленина в Таврическом дворце, огласившего и прокомментировавшего свои радикальные десять тезисов, вошедших в историю как «Апрельские», еще и еще раз поражался бескомпромиссности и агрессивности вождя. Тезисы не оставили камня на камне от тактики «поскольку-постольку», заклеямили ограниченность выжидательного, пассивного курса.

Однако для соратников Ленина признанный вождь не был «неприкасаемым». Обстановка была настолько своеобразной, а тезисы Ленина настолько новыми и смелыми, что даже многие руководящие работники партии оказались не готовыми принять ленинскую программу. Раздавались голоса: Ленин оторвался от русской действительности за границей, впал в крайний радикализм. Сталину, после его осторожного доклада на мартовском совещании большевиков, ленинские выводы звучали прямым укором. Суханов позже писал, что после ленинской речи «у многих закружилась голова». На собрании большевиков 4 апреля, где Ленин впервые огла-

сил свои тезисы, в защиту их выступила лишь Александра Коллонтай. С Лениным не соглашались, критиковали, подвергали сомнению ленинские выводы многие, и не только Зиновьев, Каменев и Троцкий, как принято было у нас считать раньше. После революции не было «неприкасаемых». Например, в мае 1919 года Антонов-Овсеенко прислал резкое письмо в ЦК, в котором выразил несогласие с ленинской оценкой военного положения на одном из участков Южного фронта. Ничего необычного в этом не было. Прямо высказывать свои взгляды было нормой. Ленин поручил специалистам из Реввоенсовета сделать компетентное заключение.

Скрытое восхищение Сталина ленинской радикальностью было не данью уважения вождю, а в значительной мере способностью оценить новизну ленинской идеи. К слову сказать, не все и не всегда могли это сделать. Те же критические «Апрельские тезисы» до VII партийной конференции не были поддержаны большинством Петроградского комитета. Ленин не раз оставался в меньшинстве, но не делал из этого трагедии, как не подчеркивал и своего триумфа, когда – что было, вероятно, чаще – большинство оставалось на его стороне. Ленин старался служить идее. Механическое, автоматическое большинство может быть менее ценным, чем положение, в котором выявлены, вскрыты различные позиции, точки зрения, новые оригинальные подходы. Если я считаю себя правым, то не страшно остаться и в меньшинстве. В этом случае, говорил Ленин, «лучше остаться одному, как

Лиbkнехт: один против 110». Радикальная линия Ленина стала брать верх.

После приезда Ленина меняется и «Правда». Владимир Ильич становится редактором центрального органа партии. Соглашательские, оборонческие нотки, явно звучавшие в газете, когда ею руководили Каменев и Сталин, исчезли. Продолжал работать в «Правде» и Сталин; правда, выступал он, как и прежде, с небольшими заметками, репликами, сообщениями по текущим политическим вопросам.

Ленинские тезисы на VII Всероссийской конференции РСДРП(б) (24–29 апреля 1917 г.) легли в основу ее решений. Впервые было обнаружено, что 151 делегат конференции представляет 80 тысяч членов партии. И этой горстке (по сравнению с многомиллионным населением России) в ближайшие месяцы предстояло «потрясти мир». Ленин на конференции «по-большевистски» ответил на вопросы, поставленные русской революцией: о переходе от буржуазно-демократического к социалистическому этапу, об отношении пролетариата и его партии к войне и Временному правительству, о роли Советов и завоевании в них большинства и многие другие.

На конференции развернулась жаркая полемика. Каменев подверг Ленина критике за то, что он якобы недооценивает сложившиеся возможности, а поэтому нужно работать, мол, в блоке с Временным правительством. Несогласие с Лениным выразили и Смидович, Рыков, Пятаков, Миллю-

тин, Багдатыев. Придет время, и все эти выступления будут квалифицированы Сталиным как «предательские», «враждебные», «контрреволюционные». Их обязательно внесут в реестр «преступлений». После выступления Бубнова о формах контроля за Временным правительством сверху и снизу в поддержку ленинских тезисов выступил Сталин. Однако его речь была бледной и малоубедительной в силу слабой аргументации. Известно, что аргументы – это мускулы идей. Но убедительных доводов для отклонения поправки Бубнова Сталин не смог привести. Более весомым был его доклад по национальному вопросу, в котором проводилась мысль о том, что «организация пролетариата данного государства по национальностям ведет только к гибели идеи классовой солидарности». Для пролетариата многонационального государства самый верный путь – создание единой партии. Поэтому предложения Бунда о т. н. «культурной автономии», говорил Сталин, неинтернациональны. Он добросовестно, но тускло исполнил свою роль «твердого практика». Но в целом Сталин в эти горячие дни старался держаться «середины», поняв, что в калейдоскопе быстрых перемен это самая удобная позиция.

Знакомясь с документами той поры – решениями ЦК, стенограммами партийных форумов, телеграммами революционных органов, замечаешь, что не в пример Зиновьеву, Каменеву, Троцкому (приехавшему в Россию из эмиграции лишь в мае 1917 г.), Бухарину, Свердлову, Дзержинскому,

другим деятелям партии Сталин упоминается в этих материалах крайне редко. Я, конечно, не говорю о Ленине, который все время был в эпицентре революции, где бы он ни находился. Вместе с тем в Собрании сочинений И.В. Сталина и в его «Краткой биографии» назойливо проводится магистральная мысль: Сталин всегда был рядом с Лениным. Например, в третьем томе Сочинений прямо утверждается: «В.И. Ленин и И.В. Сталин руководят работой VII (Апрельской) Всероссийской конференции большевистской партии»; «Десятого октября ЦК... создает для руководства восстанием Политическое бюро ЦК из семи человек во главе с В.И. Лениным и И.В. Сталиным»; «24–25 октября. В.И. Ленин и И.В. Сталин руководят октябрьским вооруженным восстанием». Подобные утверждения – а на них учили миллионы людей не одно десятилетие – исключительно далеки от истины.

Вновь возвращаясь к протоколам, стенограммам, дневникам, мемуарам, в которых упоминается Сталин, приходишь к выводу, что в революцию Сталин вошел не как выдающаяся личность, властитель дум, пламенный трибун и организатор, а как малозаметный функционер партийного аппарата. Например, в хронике, подготовленной комиссией по истории Октябрьской революции в 1924 году, Сталин за четыре месяца (июнь – сентябрь 1917 г.) упоминается всего 9 раз, а скажем, Савинков – более четырех десятков раз, Скобелев – свыше 50, Троцкий – более 80 раз. Можно спорить, что такой «статистический» способ оценки политической актив-

ности несовершенно. Разумеется. Но какую-то грань личности, преломленную через призму общественного мнения, он отражает. Да, Сталин был членом ЦК, работал в «Правде», был в ряде других органов, советов и комиссий. Но, кроме простого перечисления различных комитетов, мало что можно сказать о конкретном содержании его деятельности. Главная причина такого положения заключается, на мой взгляд, в слабой способности Сталина к *революционному творчеству*. Он был хорошим исполнителем, но не обладал богатым воображением. Не случайно, что на мартовском совещании большевиков, кроме предупреждения «не форсировать события», ни одной крупной идеи, оригинального решения, нового подхода Сталин выдвинуть не смог, не смог, будучи членом ЦК, проявить себя в отсутствие Ленина как руководитель российского масштаба. Ленин, выражая *интересы радикалов*, решая задачи сегодняшнего дня, видел будущее. Сталин же был дальше от людей, он общался с ними посредством аппарата, его функционеров. Ленин искал любую возможность для общения, диалога с народными представителями; Сталин ограничивался контактами с представителями организаций и комитетов.

Конечно, то, что Сталин в 1917 году оставался в тени, было результатом не только его социальной пассивности, но и уготованной ему роли исполнителя, для которой у него были несомненные данные. Сталин был не способен в переломные, бурные месяцы 1917 года подняться над обыден-

ностью, повседневностью. Многие из тех, кто находился рядом с ним в то время, были более яркими индивидуальностями. Маловероятно, что в то время Сталина снедали амбициозные устремления. Правда, мартовские сбои соглашательства, недооформленность его позиции по ряду ключевых вопросов были не случайными и дали себя знать еще не раз. Постоянное же присутствие Сталина на вторых ролях медленно, но исподволь, незаметно создавало ему стабильный политический авторитет среди большевистских лидеров. На VII (Апрельской) конференции Сталин вновь был избран в состав Центрального Комитета партии.

Вооруженное восстание

С приездом Ленина роль Сталина стала более определенной: он регулярно выполнял поручения партийного руководства. Находясь в тени, редко попадая в поле зрения революционных масс, Сталин оказался нужным человеком по части конспиративных вопросов, установления связей с партийными комитетами, организации текущих дел на разных этапах подготовки к вооруженному восстанию. Его невысокая фигура была еще не видна на экране истории.

Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов, избранный на I Всероссийском съезде Советов (3–24 июня), не был большевистским. В составе ЦИК было 123 меньшевика (в том числе 16 кандидатов),

119 эсеров (в том числе 18 кандидатов) и лишь 57 большевиков (в том числе 22 кандидата). Наряду с Лениным, Дзержинским, Каменевым, Подвойским, Шаумяном и другими известными большевиками в состав ЦИК вошел и Сталин. Решения съезда, как и ЦИК, были не большевистскими. Особенно это проявилось после разгрома Временным правительством июльской демонстрации. Стало ясно, что мирным путем социалистическую революцию осуществить не удастся. Ленин писал позже, что «наша партия исполнила свой безусловный долг, идя вместе со справедливо возмущенными массами 4 июля и стараясь внести в их движение, в их выступление возможно более мирный и организованный характер. Ибо 4-го июля еще возможен был мирный переход власти к Советам...». Но, зло утверждал Ленин, эсеро-меньшевистские лидеры уже «скатились на самое дно отвратительной контрреволюционной ямы», пойдя на сговор с правительством, которое бросило войска на мирную демонстрацию. Двоевластие кончилось. Наступил новый этап подготовки большевистской революции.

Сталин по поручению ЦК организует вместе с другими товарищами переход Ленина на нелегальное положение. Некоторое время Ленин находился на квартире С.Я. Аллилуева. Здесь в начале июля состоялось совещание членов Центрального Комитета партии, где наряду с Лениным, Ногиным, Орджоникидзе, Стасовой и другими присутствовал и Сталин. Шел спор: как реагировать на требование властей

отдать себя в руки «правосудия». Известно, что Ленин до этого совещания заявлял: «В случае приказа правительства о моем аресте и утверждении этого приказа ЦИК-том, я явлюсь в указанное мне ЦИК-том место для ареста». Мнения разделились. Вначале многие высказывались за явку на суд при даче определенных гарантий со стороны ЦИК. Но М.И. Либер и Н.А. Анисимов (члены ЦИК, меньшевики) заявили, что «никаких гарантий они дать не могут». В условиях, когда большевиков обвиняли в «работе на немцев», «предательстве национальных интересов», становилось ясно, что реакция ждет расправы с вождем. После долгих обсуждений Владимира Ильича убедили отказаться от явки на суд и скраться на время за пределами Петрограда. У Сталина вначале не было определенной позиции, но затем он твердо выступил против явки на суд. С категоричностью, свойственной его натуре, Сталин однозначно сказал:

– Юнкера до тюрьмы не доведут. Убьют по дороге. Нужно надежно укрыть товарища Ленина...

Для такого заявления было более чем достаточно оснований. В мемуарах В.Н. Половцова, бывшего члена Государственной думы, в частности, говорится, что офицер, посланный в Териоки задержать Ленина, спросил его: «Как доставить этого господина – в целом виде или по кускам?» Я ответил ему с улыбкой, что люди, которых арестовывают, часто совершают попытку к бегству...

На Сталина была возложена задача обеспечить отправку

Ленина в безопасное место. При этом, безусловно, учитывался опыт Сталина как конспиратора. С помощью верных людей план выезда Ленина из Петрограда был выработан и продуман.

В эти дни, полные драматизма и социальной напряженности, в личной жизни Сталина происходит важное событие: он знакомится с дочерью Аллилуева Надеждой, своей будущей второй женой. Сталин был старше ее на двадцать два года. С семьей Аллилуевых Сталин был знаком с конца 90-х годов, со времени его пребывания в Баку. Кстати, дочь Сталина Светлана Аллилуева в своих воспоминаниях «Двадцать писем другу» утверждает, что в 1903 году Сталин спас свою будущую жену, когда та, будучи двухлетней девочкой, свалилась с набережной в море, а он вытащил ее. Для Надежды Аллилуевой это предание, возможно, казалось романтичным, не лишенным налета мистики.

Надежда Аллилуева, вернувшись домой, застала в квартире много незнакомых людей. Ее стали осторожно расспрашивать об обстановке на улицах. Девушка возбужденно рассказывала, что на улице слышала о том, что виновники июльского восстания – не кто иные, как «тайные агенты Вильгельма». Что они уже бежали на подводной лодке в Германию и что главный среди них – Ленин... Узнав, что герой ее уличных сведений находится у них в квартире, младшая Аллилуева была страшно смущена...

Оставив расспросы раскрасневшейся девушки, собрав-

шиеся резюмировали: предложение Орджоникидзе и Ноги-на о неявке в суд правильное – над Лениным готовится рас-права. Решили, что В.И. Ленина нужно заgrimировать, пере-одеть и направить сначала в Сестрорецк, а затем в Финлян-дию. С.Я. Аллилуев, хозяин квартиры, где скрывался Ленин, позже вспоминал:

– Вечером мы все отправились на Приморский вокзал. Впереди шел рабочий Емельянов, член партии с 1904 года. За ним на небольшом расстоянии Владимир Ильич и Зиновьев, а я и Сталин шли сзади всех. Поезд уже стоял... трое отъезжающих сели в задний вагон. Мы со Сталиным дожда-лись благополучного отбытия поезда, повернули обратно.

Сергей Яковлевич Аллилуев в своих воспоминаниях до-пустил неточности. Зиновьева среди провожавших не было; он сам в это время находился на нелегальном положении. Заgrimированного Ленина сопровождали кроме С.Я. Алли-луева рабочий В.И. Зоф и И.В. Сталин.

Одним из связующих звеньев Ленина с ЦК станет отныне Сталин. Есть все основания полагать, что Ленин ему дове-рял, давал необходимые инструкции, советы. Так, накануне VI съезда партии Сталин встречался с Лениным. Естествен-но, никаких стенограмм этих встреч нет, но печать мысли и воли Ленина лежит на всех важнейших документах съезда. Ленин радовался, что присутствовавшие делегаты представ-ляли уже около 240 тысяч членов партии. За четыре меся-ца ряды партии выросли в три раза! Вождь революции ви-

дел в этом факте важное доказательство правильности взятого курса. Ленинские работы «Политическое положение», «К лозунгам», «Ответ» и другие легли в основу резолюций, принятых съездом. В специальной резолюции подтверждалась верность решения о неявке Ленина на суд. Линия на вооруженное восстание, выдвинутая Лениным, съездом была поддержана.

С тех пор Сталин, несмотря на занятость, стал часто бывать у Аллилуевых; его, черствого, холодного человека, тянуло к чистому и наивному полуробенку, своей будущей жене. Надежда с интересом внимала «старому подпольщику», как он себя ей представил.

На политической арене он по-прежнему едва заметен. Партия наполовину оказалась в подполье. По поручениям Ленина Свердлов и Сталин ведут необходимую работу. В массах Сталин все еще неизвестен, а в аппарате ЦК его роль повысилась.

А тем временем события, несомые как сухие листья осенним ветром, приближали страну к Октябрю. Были здесь события комические и трагические, будничные и подлинно исторические. Не буду их ни оценивать, ни комментировать, а напомним лишь о некоторых, чтобы читатель смог почувствовать политический колорит тех дней. Вот как об этом времени сообщали петроградские газеты, как оно запечатлено в архивах.

26 июля. Открылся VI съезд РСДРП(б). Анкеты запол-

нили 171 человек, при этом из них отбывали тюремное заключение 110 человек в течение 245 лет, на каторге были 10 человек в течение 41 года, на поселении 24 человека в течение 73 лет, всего были в ссылке 55 человек в течение 127 лет, всего подвергались аресту 150 человек – 549 раз, всего были эмигрантами 27 человек в течение 89 лет. Съезд по поручению организационного бюро открывает Ольминский. В президиуме Свердлов, Ольминский, Ломов, Юренев и Сталин. Почетными членами президиума выбраны Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Коллонтай, Луначарский.

8 августа. Великий князь Кирилл водрузил над своим домом красный флаг, а Николай II, теперь уже бывший император, записывает в своем дневнике, что начинает читать «Тарарена из Тараскона».

24 августа. Керенский посещает бывшего царя, чтобы в беседе подготовить его и близких к «отъезду в безопасное место». Николай: «Я не беспокоюсь. Я верю вам...»

28 августа. Генерал Корнилов послал Верховному командующему войсками Московского военного округа телеграмму: «В настоящую грозную минуту, дабы избежать междоусобной войны и не вызвать кровопролития на улицах Первопрестольной, предписываю вам подчиниться мне и впредь исполнять мои приказания». Верховный ответил: «С ужасом прочитал ваш приказ не подчиняться законному правительству. Начало междоусобной войны положено вами, и это, как я вам говорил, – гибель России. Можно и нужно было менять

политику, но не подрывать последние силы народа во время прорыва фронта. Присягу не меняю, как перчатки...»

20 сентября. «Известия» сообщают, что задержанные в Финляндии Вырубова, Бадмаев, Манасевич и другие содержатся в Свеаборгской крепости. Матросы категорически высказались против отпуска и решили содержать их в Свеаборгской крепости до перехода власти в руки Советов.

4 октября. Остров Эзель (в Рижском заливе) полностью занят германцами. Их силы ведут наступление на остров Моон. Русская эскадра, ввиду огромного превосходства германских сил, после ожесточенного боя, потеряв корабль «Слава», отошла в Моонзунд.

10 октября. Ленин после долгого перерыва присутствует на заседании Центрального Комитета. Заседание состоялось на квартире меньшевика Суханова, жена которого была большевичкой. Председательствовал Свердлов. Ленин констатировал: «Большинство теперь за нами. Политическое дело совершенно созрело для перехода власти... Надо говорить о технической стороне. В этом все дело».

14 октября. «Новая жизнь» сообщает: ежедневная потребность Петрограда – 48 тыс. пудов хлеба. 11 октября прибыло зерна 18 тыс. пудов, 12-го – 12 тыс. пудов, 13-го – едва 4 тыс. пудов. Петроградская городская дума поручила городскому голове обратиться к населению города сохранять спокойствие. Назначено специальное заседание думы для обсуждения продовольственного вопроса.

16 октября. В Петрограде состоялось заседание ЦК РСДРП(б) с представителями других партийных организаций. Присутствовали Ленин, Зиновьев, Каменев, Сталин, Троцкий, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Сокольников, Ломов. Бокий из Петроградского комитета сообщает о готовности и настроении в районах: «Боевого настроения пока нет, но боевая подготовка ведется. В случае выступления массы поддержат». Принята следующая резолюция, предложенная Лениным: собрание призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленной подготовке вооруженного восстания... За резолюцию подано 19 голосов, против 2. Избран практический центр по организационному руководству восстанием в составе: Бубнов, Дзержинский, Урицкий, Свердлов, Сталин.

20 октября. «Рабочий путь» сообщает, что «русская революция низвергла немало авторитетов. Ее мощь выражается, между прочим, в том, что она не склонялась перед «громкими именами», она их брала на службу либо отбрасывала их в небытие, если они не хотели учиться у нее. Их, этих «громких имен», отвергнутых потом революцией, – целая вереница: Плеханов, Кропоткин, Брешковская, Засулич и вообще все те старые революционеры, которые только тем и замечательны, что они старые. Мы боимся, что лавры этих «столпов» не дают спать Горькому. Мы боимся, что Горького «смертельно» потянуло к ним, в архив. Что ж, вольному воля!.. Революция не умеет ни жалеть, ни хоронить своих

мертвецов...».

24 октября. Вечером В. И. Ленин из Выборгского района перешел в Смольный, в Военно-революционный комитет. В эту же ночь отряд юнкеров явился в дом № 6 по Финляндскому проспекту с целью арестовать редакцию газеты «Рабочий путь» и В.И. Ленина. Но отрядом Красной гвардии юнкера были разоружены и препровождены в Петропавловскую крепость. В этот же день состоялось заседание ЦК. Рассматриваются вопросы: доклад Военно-революционного комитета; о съезде Советов; о Пленуме ЦК. Каменев предлагает, чтобы сегодня без особого постановления ни один член ЦК не мог уйти из Смольного... Троцкий считает необходимым устроить запасной штаб в Петропавловской крепости и послать туда с этой целью одного члена ЦК. Каменев вносит предложение, что в случае разгрома Смольного нужно иметь опорный пункт на «Авроре». Сталина на заседании нет...

В ночь на 25-е Военно-революционный комитет перешел к штурму Зимнего дворца, где окопалось Временное правительство...

25 октября. Хроника истории партии разбита на часы, поистине исторические часы... Занят Николаевский вокзал. Крейсер «Аврора» подошел и отдал якорь у Николаевского моста. Павловский полк на Миллионной улице, близ Зимнего дворца, выставил пикеты, останавливает всех, арестовывает, направляет в Смольный институт. Командой моряков без сопротивления занят государственный банк... Пет-

роградские казачьи полки отказались выступить в поддержку Временного правительства. Выключены телефоны штаба и Зимнего дворца... Занят Варшавский вокзал. Из «Крестов» освобождены политические заключенные... Подразделения Измайловского полка заняли Мариинский дворец и потребовали у членов Предпарламента очистить помещение. Павловским полком занят Невский проспект.

В 14.35 под председательством Троцкого открылось экстренное заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Под шумные аплодисменты Троцкий заявил, что Временного правительства больше не существует. Предпарламент распущен, освобождены заключенные, в действующую армию посланы радиogramмы о падении старой власти. Судьба Зимнего дворца должна решиться в ближайшие часы. Затем, встреченный аплодисментами, впервые после долгого перерыва выступил Ленин:

– Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась!

Известно, что организационная подготовка восстания была возложена на Военно-революционный центр из членов ЦК (куда вошли пять человек, в том числе и Сталин), а также на Военно-революционный комитет (ВРК) при Петроградском Совете, который проводил всю работу по мобилизации революционных сил для решающего приступа. В своем известном письме 24 октября к членам ЦК Ленин убеждал пар-

тийное руководство:

«Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.

Нельзя ждать! Можно потерять все!!

...Правительство колеблется. Надо *добить* его во что бы то ни стало!

Промедление в выступлении смерти подобно!»

Сегодня каждый школьник знает, что ленинский призыв материализовался. Вооруженный переворот, почти бескровный, свершился. Его первые политические результаты были закреплены на II Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, открывшемся вечером 25 октября. В президиум съезда избраны большевики: Ленин, Зиновьев, Троцкий, Каменев, Склянский, Ногин, Крыленко, Коллонтай, Рыков, Антонов-Овсеенко, Рязанов, Муранов, Луначарский, Стучка, а также левые эсеры: Камков, Спиридонова, Каховская, Мстиславский, Закс, Карелин, Гутман. Сталин в событиях этих дней просто затерялся. Он занимался исполнением текущих поручений Ленина, передавал циркулярные распоряжения в комитеты, принимал участие в подготовке материалов для печати. Ни в одном, касающемся этих исторических дней и ночей архивном документе, с которыми мне удалось ознакомиться, его имя не упоминается.

На съезде Мартов пытался предложить резолюцию о необ-

ходимости мирного разрешения кризиса; эсер Гендельман от имени ЦК партии социалистов-революционеров (ПСР) предлагал резолюцию, осуждающую «захват власти» (но даже среди эсеров она собрала лишь 60 голосов при 93 «против»). Бунд, как и правые эсеры, выступил против захвата власти. Меншевики-интернационалисты и поалей-ционисты⁵ покинули съезд. А между тем к двум часам ночи Зимний дворец был занят. (Широкому читателю сегодня мало что говорят фамилии бывших министров Временного правительства Кишкина, Пальчинского, Рутенберга, Бернацкого, Вердеревского, Маниковского, Салазкина, Маслова и других, которых по приказу Антонова-Овсеенко заключили в Трубецкой бастион Петропавловской крепости.) А съезд до самого утра продолжал работу...

Джон Рид так описывал его атмосферу: «Мы вошли в огромный зал заседания, проталкиваясь сквозь бурлящую толпу, стеснившуюся у дверей. Освещенные огромными белыми люстрами, на скамьях и стульях, в проходах, на подоконниках, даже на краю возвышения для президиума, сидели представители рабочих и солдат всей России. То в тревожной тишине, то в диком шуме ждали они председательского звонка. Помещение не отапливалось, но в нем было жарко от испарений немых человеческих тел. Неприятный синий табачный дым поднимался вверх и висел в спер-

⁵ Поалей-ционисты(ПЦ) – мелкобуржуазные еврейские националистические организации. Пытались совместить идеи социализма и сионизма.

том воздухе».

Власть оказалась в руках большевиков. Но триумфаторы Февраля не хотели с этим мириться. Орган меньшевиков – «Рабочая газета» – 29 октября 1917 года, как бы чувствуя будущие беды, обратился к соотечественникам:

«Всем! Всем! Всем!

Граждане России! Временный Совет Российской Республики, уступая напору штыков, вынужден был 25 октября разойтись и прервать на время свою работу. Захватчики власти со словами «свобода и социализм» на устах творят насилие и произвол. Они арестовали и заключили в царский каземат членов Временного правительства, в том числе министров-социалистов... Кровь и анархия грозят захлестнуть революцию, утопить свободу и республику и вынести на свой гребень реставрацию старого строя. Такая власть должна быть признана врагом народа и революции». Через несколько дней эта и другие оппозиционные газеты будут закрыты. Программные рассуждения о «свободе слова» будут сразу же отброшены.

Как вел себя Сталин в критические дни Октября? Какова была его действительная роль? Почему его имя крайне редко встречается в революционных хрониках, хотя он регулярно, почти всегда, входил в различные руководящие органы?

Сначала несколько свидетельств. Вот как оценивается роль Сталина в революции в его «Краткой биографии». В ней говорится, что «Ленин и Сталин вдохновители и орга-

низаторы победы Великой Октябрьской социалистической революции. Сталин – ближайший сподвижник Ленина. Он непосредственно руководит всем делом подготовки восстания. Его руководящие статьи перепечатываются областными большевистскими газетами. Сталин вызывает к себе представителей областных организаций, инструктирует их и намечает боевые задачи для отдельных областей. 16 октября Центральный Комитет избрал Партийный центр по руководству восстанием во главе с тов. Сталиным»... И фактически все. Апологетика явная: только Ленин и он, Сталин. Руководит он не иначе как путем «вызовов» и «инструктажей». Но это уже взято из практики и терминологии 30-х годов. Авторам биографии было трудно сказать что-то конкретное, ибо Сталин в дни революционного апогея ничем не «руководил», ничто не «направлял» и никого не «инструктировал», а лишь исполнял текущие поручения Ленина, решения ВРК при Петроградском Совете.

Следует со всей определенностью сказать, что большевики взяли власть при поддержке левых эсеров. Да, по целому ряду пунктов последние расходились с большевиками, но тем не менее левые эсеры находились в главном русле революционного потока. В результате переговоров в декабре 1917 года они вошли в состав Советского правительства, где имели около одной трети портфелей. Такие лидеры партии левых эсеров, как И.З. Штейнберг, П.П. Прощьян, А.Л. Коллегаев, В.Е. Трутовский, В.А. Карелин, В.А. Алгасов, М.Н.

Бриллиантов, стали народными комиссарами.

Думаю, что этот социалистический плюрализм давал исключительный исторический шанс. Ленин это понимал, утверждая, что союз большевиков с левыми эсерами «может быть честной коалицией, честным союзом, ибо коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплуатируемых крестьян нет». Сохранился этот союз, возможно, многочисленных трагических проявлений монопольной политической власти просто не было бы. Но ни сами эсеры, ни большевики не оценили в полной мере исторической значимости этого альянса, распад которого летом 1918 года стал истоком будущих бед. Кстати, Сталин считал левых эсеров типичной мелкобуржуазной партией, которая, по его мнению, больше тяготела к контрреволюции. К несчастью, так думал тогда не один Сталин. Судьбоносный шанс утверждения революционного плюрализма летом 1918 года был упущен. Политическая монополия, однодумство, безальтернативность власти обернутся скоро жестоким единовластием.

Сталин вошел в первое Советское правительство, став народным комиссаром по делам национальностей. Но, войдя в «обойму» партийных лидеров, решавших все важнейшие вопросы революции, никогда, ни в одном деле в 1917 году Сталин не проявил ни одной крупной инициативы, творческого начинания, не выдвинул перед ЦК какой-либо оригинальной идеи. Это был человек из второго-третьего эшелона.

на руководства, и все последующие славословия об исключительной роли Сталина в революции не соответствуют действительности. Она, эта роль, сочинена.

Сталин, включенный почти во все возможные революционные органы, между тем почти ни за что конкретно не отвечал. Но его внимательный, цепкий взгляд многое видел. Его удивляла энергия Троцкого, работоспособность Каменева, импульсивность Зиновьева. Сталин несколько раз видел и Плеханова, к которому испытывал чувство, близкое к уважению. Его поразили резкие слова Плеханова на одном из митингов: «...русская история еще не смолола той муки, из которой будет испечен пшеничный пирог социализма».

Как мы знаем, блестящий пропагандист марксизма и один из основателей Российской социал-демократической рабочей партии на этом не остановился. Плеханов назвал «Апрельские тезисы» Ленина «бредом», осудил Октябрьскую социалистическую революцию, а впоследствии и Брестский мир. Будучи отброшенным паводком революции к лагерю ее демократических противников, Плеханов, разочаровавшись в действительности, не «соответствующей» его теории, удалился в Финляндию. Октябрь он принять не мог, но и бороться против него не захотел. Его политические принципы были высоконравственными.

Когда 4 июня 1918 года на объединенном заседании ВЦИК, Моссовета, профессиональных и рабочих организаций Москвы, на котором присутствовал и Ленин, почтили

память умершего Плеханова минутой молчания, Сталин был удивлен. Для него человек, выразивший публичное несогласие с его делом, навсегда становился врагом. Также он считал излишней на этом заседании траурную речь Троцкого, некролог Зиновьева в «Правде»... Для Сталина революция была лишь *борьбой*. Или-или. Или союзник, или враг. Бинарная логика Сталина, если он не был готов поддержать одну из сторон, допускала лишь выжидание, не больше. Почести покойному Плеханову Сталин в душе назвал «либерализмом», недостойным революционеров. Все это казалось ему интеллигентской отрыжкой, слюнтяйством. Его товарищи по партии еще будут иметь возможность убедиться в последовательности взглядов будущего «вождя».

Спустя три года после Октябрьского вооруженного восстания группа участников тех событий собралась на вечер воспоминаний 7 ноября 1920 года. Был приглашен и Сталин, но он не захотел участвовать в вечере. Пришло много людей, в том числе Троцкий, Садовский, Мехоношин, Подвойский, Козьмин. Очень часто вспоминали о Ленине, говорили о Троцком, упоминали Каменева, Калинин, Зиновьева, Ногина, Свердлова, Ломова, Рыкова, Шаумяна, Маркина, Лазмира, Чичерина, Вальдена, других творцов рождения нового мира. Сохранилась стенограмма: Сталина не вспомнили ни разу... Хотя будущий генсек состоял практически во всех высоких органах, никому не пришло в голову назвать его имя ни в связи с деятельностью Военно-революционного коми-

тета, ни в связи с работой большевиков в солдатской и матросской массе. А ведь почти все упомянутые выше и многие-многие другие мчались в те исторические часы на «Аврору», перехватывали вызванные Керенским батальоны самокатчиков, организовывали захват банка, телеграфа, вокзалов. Сталин остался для всех незаметным статистом, выполнявшим отдельные поручения революционных органов. Он оказался не способен на революционное творчество, не смог утвердить себя, как многие его сотоварищи.

Будущий единодержец очень болезненно переживал свою «незаметность», малозначительность. В 30-е годы Сталин мог спокойно слушать о событиях Октября лишь в свете деяний «двух вождей». Сначала подлинных героев революции «подвергли» умолчанию, «исторической чистке» и корректировке, а затем в трагические 1937–1939 годы устранили и физически. К 40-м годам активных руководителей Октябрьского вооруженного восстания уже можно было пересчитать по пальцам. Остались, как правило, те, кто создавал новую «октябрьскую» биографию «вождя». Чем меньше было ветеранов революции, тем гипертрофированнее изображалась роль Сталина в дни Октября.

Естественно, Троцкий, сделавший после 1929 года Сталина основным объектом своих критических изысков, пишет об октябрьском периоде деятельности Сталина весьма резко. В своей книге «Сталинская школа фальсификаций» он утверждает, что на заседаниях в 17-м Сталин, как правило,

отмалчивался. Он обычно шел по официальной колее, проложенной Лениным, пишет Троцкий. «Никакой инициативы он не проявлял. Ни одного самостоятельного предложения он не сделал. Этого не изменят никакие «историки-марксисты» новой формации».

Троцкий упоминает несколько эпизодов, когда Сталин, поддерживая Ленина, вместе с тем пытался защищать Каменева за его политические зигзаги, в том числе и на страницах печати. Какое-то время и после возвращения Сталина и Каменева из туруханской ссылки между ними сохранялись довольно дружеские отношения. В последующем, особенно в 30-е годы, и Каменев и Зиновьев в трагические для себя минуты будут пытаться напомнить Сталину о старой «дружбе». Но они плохо знали Сталина...

В 1924 году, после смерти Ленина, Троцкий опубликовал очерк об ушедшем вожде, где он приводит такой диалог:

– А что, – спросил однажды меня Владимир Ильич вскоре после 25 октября, – если нас с вами убьют, то смогут ли справиться с делом Свердлов и Бухарин?

– Авось не убьют, – ответил я смеясь.

– А черт их знает, – сказал Ленин и сам рассмеялся.

После появления очерка, вспоминал позднее Троцкий в книге «Моя жизнь», члены тогдашней «тройки» – Сталин, Зиновьев и Каменев – почувствовали себя кровно обиженными моими строчками, хотя и не пытались оспорить их правильность. Факт остается фактом: Ленин не назвал в числе

преемников эту троицу, а назвал лишь Свердлова и Бухарина. Другие имена просто не пришли ему в голову.

Известно, что Сталин всегда очень болезненно реагировал на любые просачивающиеся в печать сведения, которые высвечивали его более чем скромную роль в Октябре и преувеличивали роль Троцкого. Именно этими мотивами в значительной степени было продиктовано выступление Сталина в ноябре 1924 года на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС, изданное отдельной брошюрой в Госиздате лишь в 1928 году. В своей речи Сталин так анализирует роль Троцкого в Октябрьском вооруженном восстании. «Да, это верно, – говорил Сталин, – тов. Троцкий действительно хорошо дрался в период Октября. Но в период Октября хорошо дрался не только тов. Троцкий, недурно дрались даже такие люди, как левые эсеры, стоявшие тогда бок о бок с большевиками. Но спрашивается, – продолжал Сталин, – когда Ленин предложил избрать практический центр по руководству восстанием, почему он туда не рекомендовал Троцкого, а предложил Свердлова, Сталина, Дзержинского, Бубнова и Урицкого. Как видите, в состав центра не попал «вдохновитель», «главная фигура», «единственный руководитель восстания» тов. Троцкий. Как примирить это с ходячим мнением об особой роли тов. Троцкого?» Здесь Сталин вновь передергивает. Ходом восстания руководил Военно-революционный комитет, а не практический центр.

Как видим, два известных деятеля партии спустя несколь-

ко лет после революции пытаются, с одной стороны, подчеркнуть свою особую роль в свершении вооруженного восстания, а с другой – принизить, умалить вклад своего политического и личного оппонента. Хотя в дни Октября не могло быть явления, которое позже назовут кабинетным руководством, роль Сталина, повторю, была ограничена подготовкой указаний, директив ЦК и их передачей революционным органам. Нет ни одного документального свидетельства его непосредственного участия в боевых действиях, организации вооруженных отрядов, выездов в части, на корабли, заводы с целью поднять массы на решение конкретных тактических и оперативных задач. Волею обстоятельств Сталин оказался в штабе революции, на ее центральной сцене. Но... в качестве статиста. Интеллектуальных данных, нравственной привлекательности, зажигающего энтузиазма, клокочущей энергии, которые так ценятся в революционное время, у него не оказалось. В революции, в самом ее эпицентре, всегда была фигура Ленина. Ниже – Троцкий. Еще ниже Зиновьев, Каменев, Свердлов, Дзержинский, Бухарин... За ними – целая когорта большевиков ленинской школы. Где-то в ее рядах – Сталин... «Двух вождей» в революции не было. Если, допустим, сказать в 1917 году Крестинскому, Радеку, Раковскому, Рыкову, Томскому, Серебрякову, десяткам других большевиков о том, что через полтора десятка лет в «официальной истории» будет сказано, что революцией руководили два вождя – Ленин и Сталин, то они не могли бы посчитать

это даже шуткой... Но, увы! История, ее поток необратим. Только мысленно можно задать эти вопросы тем, кого давно уже нет... Сталин стал «героем» задним числом.

Хотя Сталин был членом партии с конца 90-х годов прошлого столетия, членом ЦК с 1912 года, членом различных Советов, комитетов, редакций, наркомом по делам национальностей, – это все ему создавало лишь официальный (в известном смысле – бюрократический) статус. Присутствие Сталина на многочисленных заседаниях, совещаниях, конференциях свидетельствовало лишь о том, что он входил в высшие эшелоны руководства. Все это позволяло ему узнать, изучить широкий круг людей, глубже постичь механизм аппаратной работы, набраться политического опыта. А главное, заслужить оценку Ленина о себе как о надежном политическом работнике, способном не только на прямолинейные решения и действия, присущие простому исполнителю, но и на умелые компромиссы, лавирование, выделение главного звена в широком спектре возникающих проблем. В октябрьском большевизме Сталин был центристом, умеющим выждать и приспособливаться.

Спасительный шанс

В Октябрьскую революцию Россия вышла из берегов. Социальное половодье все сметало на своем пути. Главный месяц главного года трагической истории Советской России

оказался исключительно бурным и триумфальным для большевиков. Сравнительно небольшая партия еще в канун 1917 года в течение нескольких месяцев превратилась в мощную политическую силу. Однако «медовый месяц» был слишком кратким. Отодвинутые, казалось, проблемы заявили о себе уже в конце незабываемого года грозными, смертельными опасностями. Большевики, захватывая власть, обещали народу землю, хлеб, мир. Землю они начали давать. Земля давала надежду на хлеб. Но мир зависел не только от большевиков; как нельзя аплодировать одной ладонью, так и мира нельзя добиться лишь одной стороне. Тем более мира справедливого, демократического, без аннексий и контрибуций... Как его достичь, если полчища Габсбургов и Гогенцоллернов уже топтали западные земли России?

Никто так остро не понимал драматизма момента, как Ленин. Уже спустя несколько дней он, став Председателем Совета Народных Комиссаров, инструктирует А.А. Иоффе, которого направляет во главе делегации для переговоров с германским командованием.

Первоначально казалось, что успех будет достигнут быстро, ибо уже 2 декабря 1917 года было подписано перемирие до 1 января 1918 года. Вскоре начались переговоры о мире. К Иоффе прибыло подкрепление в лице Каменева, нескольких других большевиков и левых эсеров. Но обстановка стала иной: в Берлине шовинистические силы взяли верх и нацелились на достижение максимально возможного. Там уже

знали, что русские окопы наполовину пусты и за спиной советской делегации находится лишь тень былой силы. Немцы выдвинули условия тяжелейшего мира, чреватого утратой для России обширных территорий.

Вождь революции проявил завидную прозорливость и волю. Если мы не подпишем мир, тяжелый, несправедливый, то «крестьянская армия, невыносимо истомленная войной, после первых же поражений – вероятно, даже не через месяцы, а через недели – свергнет социалистическое рабочее правительство». Речь шла, таким образом, о судьбах революции. На совещании ЦК по вопросу о мире столкнулись две полярные точки зрения: Ленина и «левых» коммунистов. В результате голосования противники мира, сторонники «революционной войны» вначале получили большинство голосов.

«Левые» коммунисты, к которым следует прежде всего отнести Бухарина, Бубнова, Преображенского, Пятакова, Радека, Осинского, Ломова, предлагали сделать упор на подъем революционного движения в Европе. Без немедленного революционного взрыва в Европе наша революция погибнет, заявлял Пятаков. Революционная война против германского империализма, считали «левые», способна подтолкнуть пролетариат на революционное выступление против своих правительств. Нужно сказать, что революционные симптомы, наблюдавшиеся во многих странах Европы, «левые» приняли за начало континентального пожара детонатора мировой

революции.

Известно, что Троцкий, возглавивший на следующем этапе советскую делегацию в Брест-Литовске, несмотря на то что соотношение сил в ЦК к моменту его отъезда изменилось в пользу мира, сделал неожиданный шаг. 10 февраля 1918 года после непродолжительных дебатов по частным вопросам Троцкий вдруг заявляет о прекращении переговоров. «Наш солдат-пахарь, – говорит он, – должен вернуться к своей пашне, чтобы уже нынешней весной мирно обрабатывать землю, которую революция из рук помещика передала в руки крестьянина. Наш солдат-рабочий должен вернуться в мастерскую, чтобы производить там не орудия разрушения, а орудия созидания... Мы выходим из войны... Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий... В связи с этим заявлением, – продолжал Троцкий, – я передаю следующее письменное и подписанное заявление:

«Именем Совета Народных Комиссаров, Правительство Российской Федеративной Республики настоящим доводит до сведения правительств и народов, воюющих с нами, союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным.

Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту.

Брест-Литовск.

10 февраля 1918 г.

Председатель Российской мирной делегации

Народный Комиссар по иностранным делам Л.Троцкий

Члены делегации:

Народный Комиссар госуд. имуществ В. Карелин,

А. Иоффе, М.Покровский, А.Биценко

Председатель Всеукраинского ЦИК *Медведев*».

Выступая через три дня на заседании ВЦИК, Троцкий пытался доказать, что его решение «революционирует» революционное движение на Западе, что лозунг «ни мира, ни войны» будет поддержан даже немецкими солдатами. Но этот необычный лозунг открывал агрессору дорогу в глубь России. В истории и по сей день авторство этой фразы приписывают Троцкому. Однако еще в апреле 1917 года французский посол в Петрограде Палеолог в своем донесении в Париж так оценивал военные возможности русского союзника: «На нынешней стадии революции Россия не может заключить ни мира, ни вести войну». Знал ли Троцкий о «приоритете» оценки французского посла, сказать трудно.

Через несколько дней германские войска начали наступление по всему фронту. Немецкие сапоги вскоре топтали землю в Двинске, Вендене, Минске, Пскове, десятках других городов и сел России... Наконец после ожесточенной дискуссии ЦК принял решение подписать мир на немецких условиях семью голосами против четырех...

Германия, по выражению Чичерина, «приставив ко лбу

революционной России пистолет», оформила грабительский мир. От страны отторгались Польша, Литва, Эстония, Курляндия, Каре, Батуми, острова на Балтике... Но партии предстояло еще отстоять этот мир на своем VII экстренном съезде и IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов, состоявшихся с недельным интервалом в марте.

Скажу сразу, роль Сталина на этом фоне по большей части была пассивной. Не столько из-за несогласия с той или иной позицией, а просто в силу недостаточной ясности для него всей этой сложной и динамичной проблемы. 23 февраля, например, на заседании ЦК, когда Ленин, чтобы оказать давление на своих товарищей, пошел (в критической ситуации!) на угрозу выхода из правительства и ЦК в случае отклонения его предложения подписать мир, Сталин дрогнул и заколебался, успев, правда, задать вопрос: «Означает ли уход с постов фактический уход из партии», на что Ленин ответил отрицательно.

Растерянность, которая нечасто посещала Сталина, особенно проявилась тогда, когда раздались голоса о том, что «честь революции превыше ее гибели». Ломов, тот прямо заявлял: «Не пугайтесь отставки Ленина. Революция дороже». Урицкий говорил, что этим «позорным миром мы не спасем Советскую власть». Сталин под влиянием этих разноречивых мнений, суждений, как уже говорилось, неожиданно занял неопределенную, выжидательную позицию: «Мира можно не подписывать». Ленин на это ответил: «Сталин неправ,

когда он говорит, что можно не подписать. Эти условия надо подписать. Если вы их не подпишете, то вы подпишете смертный приговор Советской власти через три недели. Эти условия Советской власти не трогают. У меня нет ни малейшей тени колебания. Я ставлю ультиматум не для того, чтобы его снимать. Я не хочу революционной фразы».

В своем страстном содокладе на съезде Бухарин решительно атаковал позиции Ленина, не останавливаясь перед такими оценками: вождь «спекулирует» на фразах, дает «неточные характеристики», «дело обстоит не так, как рисует т. Ленин», «иллюзиями живет т. Ленин, а не мы». Свое несогласие с ним Бухарин изложил прямо: «... та перспектива, которую предлагает т. Ленин, для нас неприемлема... Но мне кажется, мы полагаем, по крайней мере, что у нас есть выход. Этот выход, который отвергается т. Лениным и который с нашей точки зрения необходим, – этот выход есть революционная война против германского империализма». Но революционный пафос левых разбился о трезвый прагматизм Ленина.

Троцкий до конца остался на своих позициях. В своей речи на VII съезде партии он заявил: «Я воздержался от голосования в Центральном Комитете при решении этого важнейшего вопроса по двум причинам: во-первых, потому, что я не считаю решающим для судеб нашей революции то или другое наше отношение к этому вопросу... По вопросу о том, где больше шансов: там или здесь, – я думаю, что больше

шансов не на той стороне, на которой стоит тов. Ленин... И только один голос в Центральном Комитете раздавался за то, чтобы немедленно подписать мир: это голос Зиновьева». Говоря о тех, кто настоял на подписании мира, Троцкий заявил, что этот путь имеет «некоторые реальные шансы. Однако это есть опасный путь, который может привести к тому, что спасают жизнь, отказываясь от ее смысла».

Хотя десятилетиями в советской историографии этот факт замалчивался, Ленин дал дифференцированную оценку позиции Троцкого. Выступая с заключительным словом по Политическому отчету ЦК, он заявил 8 марта 1918 года:

«Дальше я должен коснуться позиции тов. Троцкого. В его деятельности нужно различать две стороны: когда он начал переговоры в Бресте, великолепно используя их для агитации, мы все были согласны с тов. Троцким. Он цитировал часть разговора со мной, но я добавлю, что между нами было условлено, что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем... Тактика Троцкого, поскольку она шла на затягивание, была верна: неверной она стала, когда было объявлено состояние войны прекращенным и мир не был подписан».

Страна, народ так устали от войны, что любая возможность передышки воспринималась большинством людей как спасительный шанс. Этот шанс Ленин и его наиболее близкие соратники смогли не просто уловить, но и использовать. В истории есть мало подобных прецедентов прозорливости

и смелости в решении столь сложных вопросов, какими являются война и мир. Ленин не побоялся обвинений в «капитулянтстве», «отступлении», «сдаче на милость империализма», которыми осыпали его левые эсеры, «левые» коммунисты, люди фразы, прямолинейно, примитивно понимавшие суть революционной чести. Оставались с ним в эти драматические дни Зиновьев, Стасова, Свердлов, Сокольников, Смилга и Каменев. В решающие минуты и Сталин голосовал за Ленина.

Российская Вандея

Вожди Октября в своих речах часто искали аналогии и примеры из истории Великой французской революции. В начале 1918 года, менее чем через полгода после победоносного Октябрьского восстания, у них появился повод вспомнить Вандею – обширную область в Западной Франции, между Бретанью и Луарой. В июне 1793 года Вандея восстала. Новое никогда не принимается всеми сразу. Для неграмотных мужиков, подстрекаемых загнанными в угол богатыми собственниками и фанатичным духовенством, революция представляла в виде загадочного чудовища, пожирающего без разбора все устоявшееся и привычное. Кровавая междоусобица охватила Бретань, Нормандию, Пуату, Бордо, Лимож. Вандея стала эпицентром провинциальной контрреволюции. «Вандея обратилась, – отмечал П.А. Кропоткин, – в гной-

ную рану республики», став символом жестокой гражданской войны, усугубляемой иностранным вмешательством. В Советской России зрела собственная Вандея.

Передышка была недолгой. Уже в марте-апреле 1918 года началась иностранная военная интервенция, возродившая у буржуазии и помещиков надежду на реванш. Повсюду мятежи, контрреволюционные выступления белого офицерства, казаков, кулаков, националистов. Большевики на белый террор ответили не менее жестоким красным террором. Страна, разрушенная четырехлетней войной, оказалась не просто в огненном кольце – она была сама вся в пламени войны. У Республики не было границ. Были одни фронты.

В Париже, Лондоне, Берлине, Токио, Вашингтоне, десятках других столиц мира были уверены: Россия в агонии. На это время приходится одна из самых крупных волн эмиграции. Буржуа, помещики, промышленники, профессура, значительная часть творческой интеллигенции, крупные чиновники покидали Россию. В своих статьях, заявлениях, обращениях многие из них живописали не только ужас, который пришел в страну после захвата власти «торжествующим хамом», но и предрекали скорый конец Советов. М.И. Калинин, выступая несколько лет спустя по поводу публикаций в белогвардейских «Днях», писал в «Известиях»: «Сейчас вы – жертвы, несущие невзгоды гражданской войны, но и ваши невзгоды, как бы они ни казались вам велики, являются каплей в море народного страдания от 1914 до 1917 года. Вы

не видели народных мук, вы их заглушали патриотическим боем...»

Конец Советской власти казался недалеким. Тем более что началась настоящая охота на комиссаров. В Петрограде эсер Леонид Каннегисер выстрелом сражает Моисея Урицкого; в июле убит белогвардейцами Семен Нахимсон, известный комиссар латышских стрелков. Комиссар продовольствия Туркестанской республики Александр Першин погиб от рук мятежников в Ташкенте. В мае 18-го Федор Подтёлков и Михаил Кривошлыков, известные большевики Дона, гибнут на белоказачьей виселице. Бывший генерал-лейтенант царской армии Александр Таубе, перешедший на сторону революции и ставший начальником Сибирского штаба, попал в руки белогвардейцев и был замучен. Но самый сильный удар в 1918 году контрреволюция нанесла в Москве. После выступления Ленина перед рабочими завода Михельсона в него стреляла эсерка Фанни Каплан.

Кровавая межа раскалывает Россию. Вандея гражданской войны, когда брат мог идти на брата, отец сражаться со своими сыновьями, захлестнула многострадальную Россию. Слова Жана Жореса, обращенные к Вандее 1793 года, словно были написаны и для характеристики гражданской войны в России: «Сколько неистовых страстей загорается в этих городах, ощутивших почти у самого сердца острие ножа! Какая ненависть вспыхнет завтра! Сколько репрессий и против врага, и против тех, кого заподозрят в том, что они бы-

ли его сообщниками, помогавшими ему активными действиями или своей инертностью!» По своей ожесточенности и непримиримости гражданская война в России сродни той глубокой классовой ненависти, которая разделила народ на два враждующих лагеря. Обычно пленных не берут. Белые поднимают на штыки раненых красноармейцев в лазаретах. Сполна проявится и жестокость красных. В схватках нет милосердия. По фронтам гуляет тиф. В оврагах расстреливают заложников. Жизнь падает в цене. Классовый зов сильнее сострадания, жалости, мудрости, рассудительности. Страна залита кровью соотечественников. Войну эту вели не только вооруженные силы соперничающих классов, в ней фактически участвовала и большая часть населения. Главным катализатором и вдохновителем этой войны была иностранная военная интервенция. «Всемирный империализм, – отмечал В.И. Ленин, – который вызвал у нас, в сущности говоря, гражданскую войну и виновен в ее затягивании...» ВЦИК объявляет Советскую Республику военным лагерем, создает Реввоенсовет Республики во главе с Троцким. Главнокомандующим вооруженными силами назначается И.И. Вацетис, его сменяет С.С. Каменев. В ответ на белый террор начинается террор красный.

В гражданской войне Сталин более заметен. Он выполняет поручения Центрального Комитета партии, они сложны и ответственны. На правом фланге Восточного фронта к середине 1918 года важную роль стал играть Царицын.

Не столько из-за военных соображений, сколько из-за продовольственных трудностей Сталина посылают на юг, в Царицын, как чрезвычайного уполномоченного по продовольственному снабжению. 31 мая В.И. Ленин подписывает постановления СНК от 29 и 30 мая 1918 года о назначении И.В. Сталина и А.Г. Шляпникова общими руководителями продовольственного дела на юге России, облеченными чрезвычайными правами. Иссущающая петля голода все туже затягивалась на жизненных артериях политических и промышленных центров России. У Ленина, по-видимому, уже сложилось мнение об одном из наркомов Советского правительства как надежном исполнителе. Начиная с момента приезда Ленина в Петроград, ему довольно часто приходилось встречаться с немногословным кавказцем. Он редко задавал вопросы, публично не подвергал сомнению принимаемые ЦК решения, брался за любое поручение. Казалось, что он был доволен уготованной ему ролью незаметного, но надежного функционера. Так же спокойно Сталин воспринял свое направление в Царицын. Перед отъездом на юг ему сообщили, что Ленин в добавление к постановлению СНК отдал распоряжение ответственному работнику Наркомвоена С.И. Аралову выделить отряд в 400 человек (в том числе обязательно 100 латышских стрелков) для отправки его вместе со Сталиным.

Сразу же Сталину пришлось решать военные задачи: Царицын оказался в плотном кольце казачьего окружения. Он

входит в Военный совет округа. За короткое время Военному совету округа удалось объединить разрозненные части, провести мобилизацию, сформировать несколько новых дивизий, ряд специальных частей, колонну бронепоездов, создать рабочие отряды ополчения. По просьбе Сталина Ленин направляет срочную телеграмму Главному управлению водного транспорта с предписанием немедленно и беспрекословно исполнять все приказы и распоряжения чрезвычайного уполномоченного наркома И.В. Сталина.

Положение Царицына стало более прочным, когда сюда пробились из Донбасса части бывшей 5-й армии под командованием Ворошилова. Интересно отметить, что свои донесения Сталин не направлял Троцкому, хотя оперативно находился в его подчинении, а через голову главкома, Председателя Реввоенсовета Республики, часто напрямую обращался прямо к Ленину с мелкими вопросами. Для большинства телеграмм Сталина характерно отсутствие глубоких обобщений, политических оценок, прогнозов. Они, если так можно сказать, сугубо эмпиричны. В результате принятых Центром и Военным советом мер Царицын за короткий срок подготовился к осаде. Несмотря на помощь Деникину со стороны предателя, бывшего царского полковника военспеца Носовича, штурм Царицына не принес успеха белогвардейцам. В последующем Царицын, как и другие места, где бывал во время гражданской войны Сталин, приобрели не просто легендарное, а прямо-таки мистическое значение

в нашей истории.

Сталин, не обладая оперативными, тактическими познаниями, в критические моменты битвы за Царицын проявил диктаторские замашки, «твердую руку». В записке в Центр Сталин пишет: «Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим положение. Можете быть уверены, что не пощадим никого, ни себя, ни других, а хлеб все же дадим. Если бы наши военные «специалисты» (сапожники!) не спали и не бездельничали, линия не была бы прервана, и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им». Измена Носовича, ряда других бывших офицеров царской армии усилила и без того подозрительное отношение Сталина к военспецам. Нарком, облеченный чрезвычайными полномочиями по вопросам продовольственного дела, не скрывал своего недоверия к специалистам. По инициативе Сталина большая группа военспецов была арестована. На барже создали плавучую тюрьму. Многие были расстреляны. У него были последователи. Не случайно В.И. Ленин в своей речи по военному вопросу на VIII съезде партии осудил партизанщину и однозначно сказал, что «на первом плане должна быть регулярная армия, надо перейти к регулярной армии с военными специалистами». Сталин публично не возражал Ленину, но даже в конце 30-х годов корпоративная принадлежность красного командира к царскому офицерству в прошлом являлась отягчающим обстоятельством.

Реввоенсовет Южного фронта в составе И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова, председателя Царицынского Совета С.К. Минина и командующего фронтом П.П. Сытина работал недружно. Сталин считал, что решения, даже незначительные, должны приниматься только коллегиально, а Сытин, как командующий, пытался в соответствии с военной логикой избегать бесконечных «согласований» и «уточнений» при принятии решений. Сталин дает понять Москве, что Сытин не заслуживает доверия. Сытин отвечает докладной запиской в Реввоенсовет Республики. В ней он утверждает, что Минин, Сталин и Ворошилов ограничивают его деятельность как командующего фронтом, требуя согласования всех, даже мелких, вопросов с Военным советом, что резко осложняет оперативное управление. Сталин одержал верх: в начале ноября 1918 года Сытин был отозван с поста командующего.

Сталин в конце концов поставил военспецов в положение постоянно контролируемых. Он знал, что Троцкий держал сторону военспецов. Уже тогда между Сталиным и Троцким вспыхивали не раз телеграфные стычки, которые положили начало глубокой неприязни друг к другу, перешедшей во враждебность, а в итоге и в ненависть.

Сталин не утруждал себя посещением окопов, лазаретов, сборных мест и наблюдательных пунктов. Он был постоянно в штабе, без конца слал депеши, вызывал комиссаров, командиров, требовал донесений, сводок, угрожал трибуна-

лом, посылал людей для контроля. Уже в годы гражданской войны Сталин не раз прибегал к крайним мерам – распоряжениям о расстреле саботажников, подозрительных военспецов, лиц, которые, по его мнению, вредили делу. Так было в Царицыне, Перми, Петрограде. Ленин в своей речи на VIII съезде партии прямо говорит о расстрелах во время пребывания Сталина в Царицыне, о разногласиях между ними по этому вопросу. Военные обстоятельства таковы, что задним числом не всегда можно верно оценить необходимость тех или иных мер. Вандея была кровавой. Такой же была и гражданская война. Сталин в этой войне чувствовал себя более уверенно, чем в октябре 17-го. Он был похож на комиссара Конвента Каррье, описанного Ж. Мишле, который считал естественным безудержное выплескивание жестоких страстей и насилия во имя достижения цели. В годы гражданской войны Сталин поверил во всемогущество насилия, которое, по его мнению, всегда оправданно в отношении врагов.

Стиль его работы многим не нравился. Наиболее проницательные командиры не могли не почувствовать уже тогда, что у этого человека железная хватка, его трудно «столкнуть» на случайное решение, повлиять на его замысел. Интересно в этом отношении письмо Антонова-Овсеенко от 19 мая 1919 года в Центральный Комитет РКП(б), в котором он жалуется на «несправедливое отношение к нему как командующему Украинской армией». Отмечая слабую поддерж-

ку Центра в его деятельности, он тем не менее пишет, что «Лев Давидович это понимает» (речь идет о Троцком), но что «стоило тов. Сталину цыкнуть, как украинские товарищи перешли от интриг к делу». Антонов-Овсеенко этим косвенно подтверждает способность Сталина влиять на положение дел на фронте.

Не зная тонкостей оперативного искусства, Сталин напирал главным образом на дисциплину, пролетарский долг, революционную сознательность и часто грозил «революционной карой». После Царицына Сталин почувствовал себя значительно увереннее среди своих сотоварищей по Центральному Комитету и Совнаркому. К этому времени в кругу партийных руководителей, членов ЦК, военруков Сталин был уже достаточно известным человеком. Правда, бывая на фронтах, выполняя задания Ленина, он каких-то особых «военных талантов» не проявил. Нет никаких достоверных объективных свидетельств, подтверждающих, что Сталин мог правильно оценить оперативную обстановку, сделать выводы о соотношении сил, выдвинуть оригинальную стратегическую идею. «Нажимной» стиль, впоследствии укоренившийся как командно-бюрократический, может считать своим автором прежде всего его, Сталина. Оперативные установки Сталина весьма упрощенны, если не сказать примитивны. Вот пример его обычных фронтовых указаний. Во время разговора по прямому проводу члена Реввоенсовета Южного фронта И.В. Сталина с членом Реввоенсовета 14-

й армии Г.К. Орджоникидзе в октябре 1919 года Орджоникидзе доложил, что армия готовится отбить обратно город Кромь. Нужны подкрепления. Сталин отвечает:

«Смысл нашей последней директивы в том, чтобы дать вам возможность вновь собрать эти полки в одну группу и истребить лучшие полки Деникина. Повторяю истребить, ибо речь идет об истреблении. Взятие Кром противником – эпизод, который всегда можно исправить, основная же задача – не пускать полков ударной группы поодиночке, а бить противника единой массивной группой в одном определенном направлении».

Силовой напор в указаниях члена Реввоенсовета Южно-го фронта всегда ощущается, чего нельзя сказать о военном искусстве руководителя. Хотя именно о полководческом искусстве Сталина в 30-е годы и позже написано немало книг и защищено диссертаций. Особенно апологетичны работы К.Е. Ворошилова о Сталине как «величайшем полководце всех времен». А ведь он был не военный руководитель, а политический представитель Центра, уполномоченный, в ряде случаев член Реввоенсовета. Для победы в гражданской войне многие члены и кандидаты в члены ЦК сделали не меньше, а больше, чем Сталин. Это прежде всего Л.Д. Троцкий, С.И. Гусев, И.Н. Смирнов, И.Т. Смилга, Г.Я. Сокольников, М.М. Лашевич, Л.П. Серебряков, А.С. Бубнов, К.Х. Данишевский...

Как бы там ни было, личное участие Сталина в граж-

данской войне отмечено не только исполнением им своих обязанностей комиссара двух наркоматов – по делам национальностей и государственного контроля. Оно заметно и в политическом, пропагандистском, и, собственно, в военных отношениях. В ходе гражданской войны Ленин часто использовал Сталина как чрезвычайного уполномоченного, направляемого для инспекции, проверки, выправления дела, получения подробной информации. Так, в июне 1918 года В.И. Ленин телеграфирует Сталину о том, что распоряжения правительства о потоплении кораблей Черноморского флота должны быть безусловно выполнены, в противном случае виновные будут объявлены вне закона. В телеграмме Сталину предлагается направить в Новороссийск авторитетного работника, способного провести этот приказ в жизнь. Выступая в этом же месяце на конференции профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы, В.И. Ленин в ответ на вопрос о судьбе Черноморского флота объяснил ситуацию, добавив: «Народные комиссары – Сталин, Шляпников и Раскольников приезжают скоро в Москву и расскажут нам, как было дело».

Ленин, инструктируя, наставляя Сталина перед поездками на фронт, видел в нем не только члена ЦК, но и одного из представителей многонациональной страны, судьба которой в огромной степени зависела от союза России с другими советскими республиками. Готовя проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) по защите Азербайджана, Ле-

нин собственноручно написал: поручить Сталину через Оргбюро «выудить отовсюду максимальное количество мусульман-коммунистов для работы в Азербайджане».

Роль политического руководителя в отдельных «главах» гражданской войны Сталин исполнял неоднократно. Так, во время первой контрреволюционной попытки ликвидировать Советскую власть с помощью мятежа генерала Краснова Сталин по поручению Ленина вместе с Дзержинским, Орджоникидзе, Подвойским, Свердловым, Урицким принимал участие в организации обороны Петрограда, мобилизации сил для разгрома мятежников. По предложению Ленина Сталин выполнял конкретные задания по приведению в боевую готовность войск Петроградского гарнизона, строительству оборонительных рубежей, созданию отрядов Красной гвардии на заводах и фабриках.

Уже здесь многие имели возможность убедиться в напористости и непреклонности Сталина, диктовавшего директивы, отдававшего распоряжения голосом, не терпящим возражений. Но одновременно наблюдательные партийцы замечали не только его напористость, но и мстительность, злопамятность. В декабре 1918 года Сталин вместе с Ворошиловым обвинил в дезорганизаторстве члена Реввоенсовета Южного фронта А.И. Окулова. По настоянию Сталина Ленин принимает решение: «Ввиду крайне обострившихся отношений Ворошилова и Окулова, считаем необходимым замену Окулова другим». Ленин, согласившись в данном слу-

чае со Сталиным, на VIII съезде партии сказал свое слово в защиту Окулова: «Тов. Ворошилов договорился до таких чудовищных вещей, что разрушил армию Окулов. Это чудовищно. Окулов проводил линию ЦК, Окулов нам докладывал о том, что там сохранилась партизанщина». В июне 1919 года в Петрограде у Сталина вновь произошла стычка с Окуловым, который требовал подчинения Петроградского военного округа командованию Западного фронта. В результате настойчивых требований Сталина, чрезвычайного уполномоченного ЦК РКП(б) и Совета Обороны в Петрограде, Ленин поручает зампредреввоенсовета Склянскому отправить от его имени телеграмму: отозвать Окулова, «дабы конфликт не разросся». Но в итоге Сталин все припомнил Окулову в конце 30-х годов.

Пожалуй, в гражданской войне Ленин начал активно использовать Сталина еще с момента ликвидации мятежа Духонина. Когда 9 ноября 1917 года В.И. Ленин находился у аппарата прямой телеграфной связи со ставкой Духонина, рядом с ним были Сталин и Крыленко. Монархист Духонин игнорировал распоряжения Советского правительства. Тогда, после краткого совещания, здесь же, у прямого провода, Ленин передал в Ставку короткий приказ: Духонин отстраняется от поста главнокомандующего армией и вместо него назначается народный комиссар по военным делам прапорщик Н.В. Крыленко. Через день новый главком в сопровождении отряда в 500 бойцов выехал в Ставку. Несмотря на попыт-

ки Крыленко и других предотвратить самосуд, Духонин был убит.

В.И. Ленин, Реввоенсовет Республики использовали Сталина и для расследования причин поражений, катастроф на отдельных участках фронта. Это было необходимо, ибо не только неорганизованность характеризовала действия войск на ряде направлений, но иногда и прямое предательство отдельных попутчиков революции, замаскировавшихся монархистов и белогвардейцев. Когда в декабре 1918 года потерпела крупную неудачу 3-я армия в районе Перми, что создавало серьезную угрозу соединения Колчака с силами контрреволюции на севере и частями английских, американских и французских войск, оккупировавших значительные территории у Мурманска и Архангельска, ЦК РКП(б) командировал в Вятку специальную комиссию во главе со Сталиным и Дзержинским. Ей вменялось в обязанность разобраться в причинах поражений и принять необходимые меры для выправления положения. Посланцы-уполномоченные действовали решительно и без промедлений. Группа лиц, признанных ответственными за поражение, была предана военному трибуналу. Слабые командиры и комиссары отстранялись от руководства войсками. Были сделаны акценты на усиление политической работы с красноармейцами, укрепление дисциплины, улучшение снабжения. Сталин, всегда относившийся к командирам из военспецов с подозрением, используя действительные факты измены некоторых бывших офи-

церов, действовал круто, безжалостно.

В своем донесении в Центр Сталин пишет, что в результате принятых мер боеспособность войск восстановлена, 3-ья армия (совместно со 2-й) в январском контрнаступлении смогла восстановить положение. В тылу армии идет серьезная чистка советских и партийных учреждений. В Вятке и уездных городах организованы революционные комитеты. Очищена и укреплена новыми работниками губернская чрезвычайная комиссия.

Выводы Сталина, как всегда, категоричны. Вот, например, как он оценивал Реввоенсовет 3-й армии. Он «состоит, – писал Сталин, – из двух членов, один из коих (Лашевич) командует, что касается другого (Трифонов), так и не удалось выяснить ни функций, ни роли последнего: он не наблюдает за снабжением, не наблюдает за органами политического воспитания армии и вообще как будто ничего не делает. Фактически никакого Реввоенсовета не существует».

В докладе Сталин, не называя имени Троцкого, прозрачно говорит о слабой роли «некоторых руководителей» Реввоенсовета Республики, ограничивающих свою работу отдачей лишь «общих распоряжений». Но перегибы Сталина пришлось исправлять. По его распоряжению большая группа работников была отдана под военный трибунал. Заседание ЦК (5 февраля 1919 г.), рассмотревшее доклад уполномоченных, решило: «Всех арестованных комиссией Сталина и Дзержинского в 3-й армии передать в распоряжение соот-

ветствующих учреждений...» В этой поездке Сталин ближе узнал Дзержинского и, похоже, проникся к нему уважением за обстоятельность в делах и решительность. Ведь решительность и волю он ценил больше всего; дефицита этих качеств у самого Сталина никогда не было.

Иногда его решительность проявлялась в категоричных требованиях и к Центру. В своем письме к В.И. Ленину с фронта 3 июня 1920 года он потребовал скорейшей ликвидации Крымского фронта. Нужно, писал Сталин, «либо установить действительное перемирие с Врангелем и тем самым получить возможность взять с Крымского фронта одну-две дивизии, либо отбросить всякие переговоры с Врангелем, не ждать момента усиления Врангеля, ударить на него теперь и, разбив его, освободить силы для Польского фронта. Нынешнее положение, не дающее ясного ответа на вопрос о Крыме, становится нестерпимым». В.И. Ленин прямо на этом письме написал Троцкому:

«Это явная утопия. Не слишком ли много жертв будет стоить? Уложим тьму наших солдат. Надо десять раз обдумать и примерить. Я предлагаю ответить Сталину: «Ваше предложение о наступлении на Крым так серьезно, что мы должны осведомиться и обдумать архиосторожно. Подождите нашего ответа.

Ленин. Троцкий».

Получив ответную записку Троцкого, где говорилось, что Сталин, обращаясь непосредственно к Ленину, нарушает

сложившийся порядок (по его мнению, об этом должен был бы доложить командующий Юго-Западным фронтом А.И. Егоров), Ленин приписал: «Не без каприза здесь, пожалуй. Но обсудить нужно спешно. А какие чрезвычайные меры?»

Несмотря на попытки Ленина наладить отношения Сталина и Троцкого, они были холодно-настороженными. Будущий генсек болезненно воспринимал рост популярности Троцкого, считал ее незаслуженной. Во время редких приездов в Москву в Реввоенсовете Республики ему показали несколько телеграмм схожего содержания. Приведу одну из них:

«Председателю Реввоенсовета тов. Троцкому.

В первую годовщину Октябрьской революции... граждане села Кочетовки Зосимовской волости Тамбовской губернии постановили переименовать село, назвав его вашим именем – село Троцкое. Мы просим разрешить нам называть наше село дорогим для нас именем вождя и вдохновителя Красной Армии.

Председатель совдепа С. Нечаев».

К слову говоря, первые переименованные города в Советской России (нынешние Гатчина и Чапаевск) еще в гражданскую войну стали носить имя Троцк.

В военной переписке Ленина встречаются несколько раз фразы, выражающие удивление обидчивостью и препирательством Сталина. Так, на одну из телеграмм Ленина о необходимости помочь Кавказскому фронту Сталин отве-

тил: «Мне не ясно, почему забота о Кавфронте ложится прежде всего на меня... Забота об укреплении Кавфронта лежит всецело на Реввоенсовете Республики, члены которого, по моим сведениям, вполне здоровы, а не на Сталине, который и так перегружен работой». Ленинский ответ был твердым и лаконичным:

«20 февраля 1920 г.

На вас ложится забота об ускорении подхода подкреплений с Юго-Зап- фронта на Кавфронт. Надо вообще помочь всячески, а не препираться о ведомственных компетенциях.

Ленин».

Но и позже нотки капризности в донесениях Сталина слышны весьма отчетливо. 4 августа того же года Ленин запросил телеграммой Сталина:

«Завтра в шесть вечера назначен пленум Цека. Постарайтесь до тех пор прислать Ваше заключение о характере заминок у Буденного и на фронте Врангеля, а равно и о наших военных перспективах на обоих этих фронтах. От Вашего заключения могут зависеть важнейшие политические решения.

Ленин».

Сталин обескуражен. С одной стороны, он, видимо, не хочет нести ответственность за возможные «важнейшие политические решения», а с другой – он никогда не обладал даром предвидения. В телеграмме он отвечает, что «война есть игра и всего учесть невозможно», а по сути предложения Ле-

нина отвечает:

«Я не знаю, для чего, собственно, Вам нужно мое мнение, поэтому я не в состоянии передать Вам требуемого Вами заключения и ограничиваюсь сообщением голых фактов без освещения.

Сталин».

Да, это был исполнитель директив Центра. Но когда от Сталина требовалось нечто большее, чем он хотел и мог, в его ответах и поведении явно чувствуются обида, недоумение, замешенные на капризности, которую так тонко уловил Ленин еще в годы гражданской войны.

Позволю сделать одно отступление. В архивах сохранилась обширная почта Л.Д. Троцкому. Особенно много писал ему А.А. Иоффе, его давнишний сторонник и единомышленник. В одном из своих пространных писем (более чем на 20 страницах!) Троцкому Иоффе фактически просит его протекции на какой-либо влиятельный пост, возможно народного комиссара РКИ. Иоффе пишет, что «если Сталина в интересах дела можно снять с поста Наркома РКИ, ибо он будет полезен на любом посту, а в РКИ не работает, то Чичерина все же нельзя снять с поста Наркома И.Д., ибо он нигде более полезен не будет...». Трудно понять, почему Сталин будет «полезен на любом посту»: потому что «не работает» или Иоффе учитывал потенциальные возможности наркома?

Писал Иоффе и Ленину. На что получил ответ такого со-

держания:

«Во-первых, Вы ошибаетесь, повторяя (неоднократно), что «Цека – это я». Это можно писать только в состоянии большого нервного раздражения и переутомления...

Во-вторых... Как же объяснить дело? Тем, что Вас *бросила судьба*. Я это видел на многих работниках. Пример – Сталин. Уж, конечно, он-то бы за себя постоял. Но «судьба» не дала ему ни разу за три с половиной года быть *ни* наркомом РКИ, ни наркомом национальностей. Это факт...

Крепко жму руку.

Ваш Ленин».

В течение гражданской войны Сталин еще не раз направлялся, как и многие другие товарищи из Центра, уполномоченным на различные фронты. Так, весной 1919 года тяжелое положение сложилось в районе Петрограда. Юденич, войска Антанты планировали захватить колыбель революции в короткие сроки. Оборона Петрограда была возложена на 7-ю армию и Балтийский флот. Превосходящие силы контрреволюции подошли к Красному Селу, Гатчине. Главное командование Красной Армии перебрасывало крепкие части с других фронтов под Петроград. Сталин с мандатом чрезвычайного уполномоченного постоянно находился либо в Петроградском Совете, либо в штабе войск обороны. Как всегда, методы его работы были диктаторскими: отстранение несправившихся, предание суду тех, кого он считал повинным в создавшемся положении, налаживание снабже-

ния, «перетряска» управляющих органов. В штабе Западного фронта, как и в 7-й армии, был раскрыт заговор; заговорщики, естественно, расстреляны. Митинговая бесшабашность медленно уступала место деловой собранности и революционной решимости. В соответствии с воззванием «В защиту Петрограда» руководители обороны города Ремезов, Томашевич, Позерн, Шатов, Петерс, приехавший Сталин, другие товарищи готовили отпор контрреволюции. За оборону Петрограда Сталин, как и Троцкий, был награжден орденом Красного Знамени.

Все социальные революции олицетворяют насилие. Сталин это считал естественным. Протесты против применения силы называл «либеральной бесхребетностью». Его, например, возмутила статья М. Горького, опубликованная 7 (20) ноября 1917 года в «Новой жизни», где писатель утверждал: «...Ленин, Троцкий и сопутствующие им отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия. Слепые фанатики и бессовестные авантюристы сломя голову мчатся якобы по пути к «социальной революции» – на самом деле это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции». Подобные заявления Сталин расценивал как проявления «гнилой» интеллигентщины. И, наоборот, всячески одобрял жесткость и готовность к террору. Приведу пример. Ленин в своей телеграмме в Свияжск Троцкому сообщал: «Получил Ваше пись-

мо. Если есть перевес и солдаты сражаются, то надо принять особые меры против высшего командного состава. Не объявить ли ему, что мы отныне применим образец Французской революции, и отдать под суд и даже под расстрел как Вацетиса, так и командарма под Казанью и высших командиров в случае затягивания и неуспеха действий?» Сталин считал такие предложения нормальными, ибо и сам, не задумываясь, прибегал на фронте к репрессиям.

Когда Сталин возвращался из очередной поездки, его использовали в аппарате ЦК для текущих дел. Ряд телеграмм с фронта свидетельствует, что Сталин уже в то время обладал определенной реальной властью. Так, 15 ноября 1921 года Троцкий в телеграмме Сталину ставит вопрос: «Необходимо твердо и окончательно урегулировать вопрос о закавказских национальных бригадах и военных складах». Троцкий далее обращается к Сталину по вопросу о том, что нужно провести через Политбюро три решения в этой области. Это одна из редких телеграмм Троцкого Сталину. Они старались как бы не замечать друг друга. Взаимная неприязнь родилась у них вскоре после знакомства; Сталин в душе продолжал считать Троцкого меньшевиком. Ему не нравились самоуверенность Троцкого, его красноречие, авторитет, умение «подать себя». Сталина возмущало, что Предреввоенсовета Республики разъезжал по фронтам в особом поезде в сопровождении одного, а то и двух бронепоездов, специального большого отряда затянутых в кожу молодых красноар-

мейцев. Комфорт, которым окружал себя Троцкий, был для Сталина вызывающим. Но где-то в душе Сталин завидовал красноречию председателя, его энергии, популярности. Когда Троцкий публично заявлял: «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни», Сталин не осуждал этой линии. В душе он был с ней согласен. В критических ситуациях он сам прибегал к этим мерам, да и не только он. 12 мая 1920 года член Реввоенсовета Юго-Западного фронта доносил:

«Предреввоенсовета Республики тов. Троцкому.

На фронте 14-й армии были случаи позорного бегства частей во время наступления поляков. Отдан приказ расстреливать каждого десятого из сбежавших.

Берзин».

Вандея гражданской войны жестока и к врагам, и к своим. Как отмечал уже упоминавшийся Носович, бывший начальник штаба Северо-Кавказского военного округа (перебравший затем к белым), Сталин не проявлял колебаний, если был уверен, что перед ним враги. Так, в Царицыне были арестованы инженер Алексеев, два его сына и несколько бывших офицеров, которых обвинили в причастности к контрреволюционной организации. Резолюция Сталина была лаконичной: «Расстрелять». Люди немедленно, без всякого суда, были расстреляны. Все это Сталин считал в порядке вещей, глубоко уверовав в «универсальность», безотказ-

ность карательных действий, способных обеспечить нужный политический «результат».

Такими методами пользовались тогда не только Берзин или Сталин. В том, что касалось репрессий, пример подавал Троцкий. Вот выдержка из его приказа № 10 от 8 августа 1918 года.

«Всем, всем, всем...

В поезде Наркомвоена, где пишется этот приказ, заседает Военно-революционный трибунал, который снабжен неограниченными полномочиями. Назначенный мною начальник обороны железнодорожного пути Москва – Казань т. Каменьщиков распорядился о создании в Муроме, Арзамасе и Свияжске концентрационных лагерей, куда будут заключаться темные агитаторы (так в тексте. – *Прим. Д.В.*), контрреволюционные офицеры, саботажники, паразиты, спекулянты, кроме тех, которые будут расстреливаться на месте преступления или приговариваться трибуналом к другим мерам...

Председатель Революционного военного совета *Л. Троцкий*».

Почувствовав силу, способность влиять на события, текущие процессы, хотя и локального значения, но достаточно заметные, важные, Сталин в ряде случаев начинает проявлять свой характер, который в будущем станет одним из источников многих бед. Так, будучи членом Реввоенсовета Южного фронта, Сталин разошелся во мнениях с членом Реввоенсовета Республики Смилгой по вопросу о направле-

нии главного удара по войскам Деникина. В рассуждениях Сталин был резок, груб, нетерпим. Для него было важно не просто настоять на своей точке зрения, но и одновременно унижить своего оппонента. Вместо терпеливого обсуждения с товарищами (ведь все они члены Совета) плюсов и минусов тех или иных предложений он занял непримиримую позицию, близкую к озлобленному неприятию других точек зрения. Сталин, если с ним не соглашались, спорили, призывал на помощь авторитет Центра, указания, директивы Москвы, выражал сомнения в благонадежности человека. Практически все, с кем у него были конфликты (а их было немало) в гражданскую войну, жестоко поплатились за это через два десятилетия. Сталин обладал злой памятью.

Будучи довольно долго членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта, он очень быстро нашел общий язык с его командующим А.И. Егоровым, будущим Маршалом Советского Союза, крупным военачальником, который с ведома и одобрения Сталина во времена кровавой чистки 1937 года будет репрессирован. На письмо Егорова о пощаде Сталин никак не отреагировал, хотя тот напоминал о том, что в гражданскую войну они не раз вместе «хлебали щи из одной миски». Но был эпизод, когда Сталин (редчайший случай!) заступился за того же Егорова. В Москве рассматривалось предложение Троцкого о замене Егорова на посту командующего фронтом за неудачи в Крыму. Спросили мнение Сталина. Оно оказалось весьма своеобразным и далеко выходя-

до за рамки ответа на вопрос.

«Москва ЦК РКП, Троцкому.

Решительно возражаю против замены Егорова Уборевичем, который еще не созрел для такого поста, или Корком, который как комфронта не подходит. Крым проморгали Егоров и главком вместе, ибо Главком был в Харькове за две недели до наступления Врангеля и уехал в Москву, не заметив разложения Крымармии. Если уж так необходимо наказать кого-либо, нужно наказать обоих. Я считаю, что лучшего, чем Егоров, нам сейчас не найти. Следовало бы заменить Главкома, который мечется между крайним оптимизмом и крайним пессимизмом, путается в ногах и путает комфронта, не умея дать ничего положительного.

14 июня 20 г.

Сталин».

Скорее всего, Сталин защитил Егорова потому, что предложение о снятии комфронта исходило от Троцкого. А что касается тех, кто «проморгал Крым», то ведь среди них был и Сталин... Уже в 1920 году Сталин мог безапелляционно заявить о главкоме С.С. Каменеве «путается в ногах...». Моральная ущербность Сталина давно стала его жизненным атрибутом. По мере упрочения его положения эта ущербность будет становиться все более опасной и зловещей. Следя за этой эволюцией, задаешься мыслью, а было ли у Сталина вообще понятие совести?

Близко знал Сталин со времен гражданской войны не

только Егорова, но и многих других советских полководцев, рожденных революцией, – М.В. Фрунзе, М.Н. Тухачевского, И.П. Уборевича, А.И. Корка... После первых крупных успехов в борьбе с буржуазно-помещичьей Польшей войска Красной Армии, как известно, в 1920 году потерпели серьезное поражение. В будущем, почти через двадцать лет, Сталин вменит в вину Егорову, Тухачевскому, другим военачальникам «преступную медлительность, продиктованную предательскими замыслами». Ему и в голову не придет, что он, как член Военного совета, также нес полную ответственность и за удачу, и за поражения войск фронта.

Когда 2 августа 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение выделить крымский участок Юго-Западного фронта в самостоятельный Южный фронт, Военный совет фронта внес предложение передать Западному фронту 12, 14 и 1-ю Конную армии. Быстро осуществить эту операцию не смогли. А 13 августа Егоров и Сталин донесли главкому, что армии фронта уже втянуты в бои в районе Львов – Рава Русская и «изменение основных задач армиям в данных условиях считаем уже невозможным».

Когда же главком С.С. Каменев направил командование Юго-Западным фронтом новую директиву о передаче 12-й и 1-й Конной армий, Сталин отказался подписать директиву о передаче армий Западному фронту. Подписал ее лишь член Военного совета Р.И. Берзин. Пока шли эти препирательства, увязки, согласования, время было упущено. Вывод 1-

й Конной армии с львовского направления начался лишь 20 августа, и оказать помощь Западному фронту она не успела. Конечно, вина за стратегический просчет лежит на Реввоенсовете Республики, на главкоме, командовании фронта. Но ведь еще 5 августа Сталин был согласен с предложением о передаче трех армий Западному фронту! А в решающий момент затормозил дело, что имело тяжелые последствия. Никаких усилий по реализации собственного предложения, утвержденного в Москве, Сталин не приложил. Он в такой же мере виновен в крупной неудаче, как Троцкий, Тухачевский, Егоров, другие должностные лица. Но, естественно, Сталин и не думал признавать собственного просчета. У него уже тогда рождались задатки «непогрешимости».

Ленин еще раз показал, что в оценке любых ситуаций никогда нельзя отступать от правды. Анализируя истоки неудачи, В.И. Ленин говорил, что, «когда мы подошли к Варшаве, наши войска оказались настолько измученными, что у них не хватило сил одерживать победу дальше, а польские войска, поддержанные патриотическим подъемом в Варшаве, чувствуя себя в своей стране, нашли поддержку, нашли новую возможность идти вперед. Оказалось, что война дала возможность дойти почти до полного разгрома Польши, но в решительный момент у нас не хватило сил». Весьма характерно, что в последующем военные летописцы, подчеркивая «особые» заслуги Сталина в деле «перелома» на Южном, Восточном, Северо-Западном фронтах, никогда не воспомина-

ли о его роли в польской кампании. Проявить с положительной стороны он себя там не смог. Объективные законы общественного развития, военного искусства не работают лишь от одного присутствия любого лица, без обеспечения соответствующих условий их реализации.

Абстрагируясь от всего того страшного, непростительно-го, что Сталин совершит в будущем, и не считая его злодеем от рождения, можно утверждать, что Сталин имел определенные заслуги в гражданской войне. Но это заслуги «уполномоченного», человека для поручений. Никакого «решающего вклада», как стали писать позже, Сталин не вносил. Вместе с тем нельзя игнорировать тот факт, что Сталин с самого начала революции входит в высшие органы партии; вначале в Бюро ЦК, затем в Политбюро и Оргбюро. Постепенно, исподволь, особенно к исходу гражданской войны, положение Сталина окрепло, он стал одним из основных членов руководящего ядра партии.

Внимательный анализ деятельности Сталина в это время показывает, что он уступал многим партийным лидерам. Как теоретик был не больше чем популяризатор, не славился ораторским искусством, что было важно в моменты исторических революционных потрясений; никто не мог о нем сказать, что это душевный, добрый человек. Моральными качествами, которые принято относить к добродетелям, Сталин был явно обделен. Но он имел нечто другое, чего не имели Зиновьев, Каменев, Троцкий, Рыков, Томский, Бухарин,

другие вожди революции и молодого социалистического государства. Сталин неожиданно для многих проявил редкую целеустремленность и одержимость конкретной идеей. При достижении поставленных руководством целей его воля, напор, твердость, решительность производили впечатление на людей, с которыми он работал. Нельзя не видеть, что Сталин как руководитель сформировался в значительной мере в годы гражданской войны. Он почувствовал власть, понял ее механизм в центре и на местах, уверился в том, что нажим, напор, давление в критические моменты способны дать желаемые результаты.

В среде руководителей партии немало товарищей было из интеллигенции или, как однажды с сарказмом (уже в конце 20-х гг.) заметил Сталин, – «были писателями». Сталин никогда публично не развивал эту тему, прежде всего потому, что В.И. Ленин был тоже и «интеллигент», и «писатель», и «эмигрант». Но авторитет этого человека был столь велик, что Сталин, выдвинув позже концепцию «второго вождя», который был всегда «рядом с Лениным», никогда не допускал каких-либо прямых личных выпадов против действительного, бесспорного вождя партии и революции. Когда Ленин критиковал Сталина (по вопросу «автономизации», монополии внешней торговли, фронтовым делам и другим), тот обычно молча соглашался с ленинскими доводами. Духовная, интеллектуальная власть Ленина над Сталиным была очевидной.

Кто знает, не подстереги так рано смертельная болезнь Ульянова-Ленина, как дальше пошло бы становление Сталина в качестве руководителя второго-третьего ряда на одном из партийных или советских постов?! Кто знает? Исследователь, повторю это еще раз, имеет право противопоставить гипотезу свершившейся судьбе. Хотя для многих из нас, теперь уже немало знающих об этом человеке, сама мысль о Сталине-руководителе (любого масштаба) отзывается болью и протестом.

Тот тонкий «интеллектуальный слой», представлявший «ленинскую гвардию», в решающий момент оказался не на высоте, позволив человеку с диктаторскими, цезаристскими наклонностями узурпировать власть в партии и государстве. Хотя справедливости ради следует сказать: многому в своей практике Сталин научился у Ленина. И сфабрикованный большевистской пропагандой лозунг «Сталин – это Ленин сегодня» не был бессмысленным. Истоки сталинизма берут свое начало в ленинизме. И тем не менее Ленин разочаровался в Сталине. Но ленинское окружение не захотело выполнить волю мертвого вождя. Все они считали себя ленинцами, но в критическую минуту оказались неспособными выполнить последнюю волю признанного вождя нашей революции. Как и почему так произошло? Почему не была реализована другая альтернатива? Об этом еще долго будут спорить философы, писатели, историки. А река времени между тем продолжает нести события, которые нам остается лишь

анализировать. Прошлое – не театр теней: там царствует не эфемерность, а необратимость.

Глава 2

Предостережение вождя

Проблема власти была основной у Ленина и у всех следовавших за ним.

Н. Бердяев

Каждый человек стоит у дверей собственной судьбы. Что за ней, этой дверью, как он туда войдет, что ждет его за порогом и что станет в свое время драмой жизни человека – никто доподлинно не знает. Здесь нет фатальности, но все же... Мог ли кто думать по окончании гражданской войны, что в плеяде блестящих революционеров – соратников Ленина находится и тот, кто станет его преемником, не будучи талантливее, умнее, ярче других? Мог ли сам Сталин при жизни Ленина даже представить себе, что именно он станет во главе партии, а фактически огромной страны и всего народа? Мог ли кто-нибудь тогда предположить, что стечение объективных и субъективных обстоятельств, несостоявшихся решений, исторических случайностей вынесет Сталина на самый высокий гребень власти в гигантском государстве? Едва ли. Скорее всего, и сам Сталин, пока Ленин был здоров, думал лишь о том, чтобы не выпадать из общей, достаточно высокой по своему интеллектуальному и нравственному уровню когорты его соратников.

В любые времена – исторических переломов, народных потрясений, революционных катаклизмов – жизнь продолжает течь в бесчисленных сцеплениях человеческих судеб с их надеждами, трагедиями, радостями и разочарованиями. При решающей роли народных масс в конечном счете лидер, руководитель, вождь всегда играет особую роль. То, что во главе революции находился такой общепризнанный вождь, каким был Ленин, создавало обстановку максимально возможной в то время уверенности, оптимизма, своеобразной гарантии от нелепых случайностей. Думалось, что так будет и в дальнейшем.

Ленин редко жаловался на здоровье. Он был крепышом, способным выдерживать колоссальные физические и духовные нагрузки. Достаточно мысленно представить, сколько Ленин написал (сам, без обязательных теперь помощников и референтов!) серьезных вещей только в годы революции и гражданской войны! Организационные задачи были необъятными. Биографическая хроника Владимира Ильича дает некоторое представление о титаническом объеме работы. И это при том, что на его плечах лежала колоссальная ответственность за судьбы самой революции, ее настоящего и будущего! Пока Ленин был здоров, вопрос о его возможных преемниках, «наследователях» его роли никогда не вставал. Но как только в конце 1921 года появились первые признаки нечеловеческого переутомления, а затем и болезни, все больше людей невольно стали задумываться: кто рядом с Ле-

ниным... «Первые слухи о болезни Ленина, – вспоминала Н.И. Седова, жена Л.Д. Троцкого, – передавались шепотом. Никто как будто никогда не думал о том, что Ленин может заболеть. Многим было известно, что Ленин зорко следил за здоровьем других, но сам, казалось, не был подвержен болезни. Почти у всего старшего поколения революционеров сдавало сердце, уставшее от слишком большой нагрузки. Моторы дают перебои почти у всех, жаловались врачи. «Только и есть два исправных сердца, – говорил профессор Гетье. – Это у Владимира Ильича и Троцкого».

Как после трагедии писали в «Известиях» профессора Ферстер, Осипов, Абрикосов, Фельдберг, Вейсброд, Дешин и наркомздрав Семашко, «начало болезни Владимира Ильича Ульянова (Ленина) относится к концу 1921 года; точное время начала болезни определить трудно, так как, по всем данным, она развивалась медленно и лишь постепенно подтачивала его могучий организм в расцвете его деятельности, причем сам Владимир Ильич не обращал на свою болезнь должного внимания. В марте 1922 года врачи, исследовавшие Владимира Ильича, еще не могли обнаружить никаких органических поражений ни со стороны его нервной системы, ни со стороны внутренних органов вообще, но ввиду сильных головных болей и явлений переутомления ему было предложено отдохнуть в течение нескольких месяцев, вследствие чего он переехал в Горки. Однако скоро вслед за этим, в начале мая, обнаружили первые признаки органического

поражения мозга. Первый приступ выразился общей слабостью, утратой речи и резким ослаблением движения правых конечностей... Благодаря сильному организму и заботливому уходу окружающих, в июле уже наступило существенное улучшение, настолько закрепившееся в августе и сентябре, что в октябре Владимир Ильич вернулся к своей деятельности, хотя и не в прежнем размере. В ноябре он произнес три больших программных речи».

По нынешним меркам, Ленин был еще молод. Но фактически с момента возвращения в Россию в апреле 1917 года Ленин не отдыхал. Рабочий день по четырнадцать-шестнадцать часов в сутки. Будучи уже больным, как рассказывают его секретари, он как-то заметил, что лишь дважды отдохнул за все эти годы. Первый раз, скрываясь в Разливе от ищеек Временного правительства (но мы-то знаем, что за это время им был создан известный труд «Государство и революция»); второй – по «милости» Фанни Каплан, стрелявшей во Владимира Ильича. Такова, видимо, доля подлинных вождей: сжигать себя быстрее, чем другие люди. Они подобны свече, которая зажжена одновременно с обеих сторон: огромные официальные повседневные обязанности на работе, но и дома, в кругу семьи, никто и никогда не способен снять груз колоссальной ответственности за общество, государство, будущее.

Ленин, почувствовав приближение серьезного недуга, понимал, что в его отсутствие может произойти нечто такое,

что приведет к расколу в партийном руководстве. Думается, уже в конце 1921 года Владимир Ильич попытался по-особенному взглянуть на своих соратников. Может быть, уже тогда у него впервые родилась идея «Завещания»? В ноябре 1922 года, словно предчувствуя новые приступы жестокой болезни, Владимир Ильич, передавая библиотекарю Ш.М. Манучарьянц просмотренные книги, настоятельно просит оставить у него книгу Ф. Энгельса «Политическое завещание (Из неопубликованных писем)». На обложке пишет: «Сохранить на полке. 30.11.1922. Ленин».

Менее чем через месяц, в ночь на 26 декабря, едва оправившись от тяжелого приступа, Ленин продиктует Л.А. Фотиевой третью часть «Письма к съезду». Именно оно, это «Письмо», свидетельствует, что больной, будучи погруженным в клубок текущих проблем, все время думал о грядущем. О том, что будет после него. Поезд будущего всегда на подходе, и его остановить нельзя. Ленин был вождем без официального статуса, в силу особых интеллектуальных и нравственных качеств. Кто же был рядом с ним? Почему они оказались на гребне революции? Что было у этих людей за плечами? Как выглядел Сталин в плеяде ленинских соратников? Попытаюсь ответить на эти вопросы.

Плеяда соратников

Переход от мира к войне всегда труден. Но и переход от

войны к миру непрост. Особенно в такой обстановке, какая сложилась в Советской России после гражданской войны и иностранной интервенции. Слова «разруха», «запустение», «голод» еще не полностью передают степень потрясения, деформации, ломки общества в начале 20-х годов. Россия представляла собою огромный революционный остров в море враждебных государств. Изнутри страна сотрясалась конвульсиями мятежей и глухого сопротивления новым порядкам целых губерний и уездов. Пожалуй, никто, как Ленин, не понимал, что новая власть столкнулась с огромной проблемой, от решения которой зависят судьбы страны. Революция победила, выстояла, утвердила власть Советов, но эта власть пока дала и могла дать крайне мало рабочему и крестьянину. Провозглашенные права на труд, отдых, социальное обеспечение, образование «военный коммунизм» обеспечить не мог. Чтобы уйти от перспективы нищенского коммунизма, чреватого крахом всего, нужны были энергичные, смелые идеи и шаги. Осуществить их могла тогда только партия, взявшая полностью власть в свои руки. Вокруг нее продолжала лихорадочно пульсировать жизнь. В начале 1921 года более 20 тысяч ячеек объединяли свыше 730 тысяч коммунистов. Почти четверть из них находилась в рядах Красной Армии. Началось сращивание партии и государства.

Главным органом управления страны по сути стал Центральный Комитет партии во главе с Лениным. В то время

его численный состав был небольшим. Например, X съезд избрал ЦК в составе 25 членов и 15 кандидатов. Незначительно увеличился ЦК и на XI съезде, последнем, которым непосредственно руководил В.И. Ленин: 27 членов и 19 кандидатов. Пленумы Центрального Комитета проводились при жизни Ленина обычно один раз в два месяца. В его составе сложилось ядро главным образом из московских товарищей, на долю которых ложилась основная тяжесть текущей работы: решение вопросов хозяйственного и военного строительства, налаживание тесных связей с национальными отрядами партии и определение курса по отношению, допустим, к «децистам»⁶, «рабочей оппозиции»⁷, реализация нэповской политики и т. д. При этом некоторые члены этого, как бы теперь сказали, «неформального», не «институционального» ядра сами часто примыкали к тем или иным группировкам, «платформам», фракциям... Все было внове. Партия стала правящей, ее власть – реальной. Поэтому от поли-

⁶ «Децисты» – группа «демократического централизма» – в 1920 г. фракция в РКП(б), которую возглавляли бывшие «левые» коммунисты В.В. Осинский, Т.В. Сапронов, В.Н. Максимовский и другие. «Децисты» выступали против единоначалия в руководстве предприятиями, за неограниченную коллегиальность, противопоставляли власть на местах ее центральным органам, требовали свободы фракций и группировок в партии.

⁷ «Рабочая оппозиция» – фракционная группа в РКП(б) (1920–1921 гг.), считавшая высшей формой организации рабочего класса не партию, а профсоюзы, и предлагавшая передать им управление народным хозяйством. Участники – А.Г. Шляпников, М.К. Владимиров, А.М. Коллонтай, Ю.Х. Лутовинов, С.П. Медведев и другие.

тических позиций, моральных качеств, профессионализма работников, составляющих руководящее ядро партии, зависело очень многое.

Ленин был единственным, кто на всех послевоенных съездах – X, XI и XII (хотя на нем он не присутствовал) – был избран в состав ЦК единогласно. Его влияние, пример, опыт, решения, теоретические труды, вся линия поведения были уникальны по мощи своего интеллектуального воздействия на Центральный Комитет партии и его руководящее ядро. Особенно остро все почувствовали это, когда Ленин заболел.

Сталин, выступая с организационным отчетом на XII съезде партии 17 апреля 1923 года, подчеркнул: «Внутри ЦК имеется ядро в 10–15 человек, которые до того наловчились в деле руководства политической и хозяйственной работой наших органов, что рискуют превратиться в своего рода жрецов по руководству. Это, может быть, и хорошо, но это имеет и очень опасную сторону: эти товарищи, набравшись большого опыта по руководству, могут заразиться самомнением, замкнуться в себе самих и оторваться от работы в массах... Если они не имеют вокруг себя нового поколения будущих руководителей, тесно связанных с работой на местах, то эти высококвалифицированные люди имеют все шансы заостенеть и оторваться от масс». Так говорил Сталин при жизни Ленина. Содержание этой части доклада пронизано ленинской идеей постоянного обновления руководящего ядра. Через полтора десятка лет эволюция взглядов Сталина

приведет его к совершенно другим выводам, хотя даже в 1937–1938 годах он нередко будет говорить правильные вещи. А поступать – диаметрально противоположно. Но тогда, в начале 20-х, дуализм слова и дела у него еще «визуально» не просматривался. В докладе на съезде, развивая мысль о руководящем ядре партии, по сути соратниках и учениках Ленина, Сталин сформулировал свою мысль следующим образом: «...ядро внутри ЦК, которое наострилось в деле руководства, становится старым, ему нужна смена. Вам известно состояние здоровья Владимира Ильича; вы знаете, что и остальные члены основного ядра ЦК достаточно поизносились. А новой смены еще нет – вот в чем беда. Создавать руководителей партии очень трудно: для этого нужны годы, 5–10 лет, более 10-ти; гораздо легче завоевать ту или другую страну при помощи кавалерии т. Буденного, чем выковать 2–3-х руководителей из низов, могущих в будущем действительно стать руководителями страны».

Можно, видимо, согласиться с выводами Сталина о необходимости постоянного обновления состава ЦК. Но каким же он, этот состав, был тогда молодым по нынешним меркам! Ленин, которому едва перевалило за пятьдесят, был самым «старым»! Не случайно порой соратники между собою называли его «Стариком». Основная группа членов ЦК – это сорокалетние революционеры. Возраст, который еще древние греки называли периодом акме – счастливым венцом жизни, ибо считалось, что именно к сорока годам достигается гар-

мония умственных и физических сил, пора наивысшего расцвета.

Прежде чем рассмотреть штрихи к портрету некоторых соратников Ленина, бросим им всем, без исключения, запоздалый и бесполезный теперь уже упрек: они не берегли своего вождя. Его любили, ценили, уважали, но... не берегли. Посмотрите, чем занимался лидер революции в обычные дни своей работы. Конечно, все главные, кардинальные вопросы проходили через него. Однако рядом так много такого, что уже тогда называлось «мелочовкой», «вермишелью», «текучкой»! Ленин занимается вопросами подвоза топлива в Иваново-Вознесенск, ведет переписку с членом коллегии Наркомтруда А.М. Аникстом о снабжении шахтеров одеждой, занимается вопросом изготовления динамо-машин, пишет проекты десятков текущих документов, постановлений, торговых договоров, занимается решением вопроса о распределении пайков, рецензирует по просьбе товарищей книги и брошюры, заслушивает вопрос о работе Гидроторфа, оказывает помощь в налаживании работы завода «Новый Лесснер», выясняет вопросы, поднятые в письме к нему инженером П.А. Козьминым, об использовании ветряных двигателей для освещения деревни...

Конечно, все эти вопросы важные. Их решение Лениным десятилетиями считалось поучительным примером глубокой, конкретной, непосредственной работы высокого руководителя. Значимость всей этой деятельности нельзя ставить

под сомнение. Тем более что некоторые его современники видели большой смысл в занятиях Ильича этими делами. Вскоре после смерти Ленина Ю. Ларин писал в «Экономической жизни»: «Ленин занимался, много занимался «мелочами», потому что только таким путем он мог индивидуально обрабатывать и перерабатывать каждого соответственного работника, на его собственном деле уча его искусству управления. Он не хуже других понимал, что эта «вермишель» отнимает, подтачивает его силы, – но он прекрасно понимал и громадное историческое значение работы по созданию таким путем необходимого для удержания пролетарской власти людского государственного кадра». Так считал современник Ленина. Возможно, он тогда еще не мог оценить всей большой значимости вождя для судеб России? Поэтому запоздалый вопрос, на который мы не получим ответа, остается: почему соратники не освободили Ленина от решения многих текущих вопросов? Тот же Троцкий регулярно выезжал на рыбалку и охоту, на отдых в Подмосковье, брал отпуска для написания своих трудов; да и смерть Ленина застала его в санатории, на курорте. Сталин, вроде не жалевший себя на работе, ведавший организационными вопросами в ЦК, не искал путей, чтобы радикально разгрузить вождя революции от многих текущих, часто рутинных дел. Бывало даже наоборот. Когда Ленин еще не поправился от приступов болезни, например 28 июля 1922 года, Сталин советовал Владимиру Ильичу принять для беседы корреспон-

дента. Ленин был вынужден отказаться. Хотя позже, когда в декабре 1922 года Пленум ЦК возложит специальным постановлением на Сталина персональную ответственность за соблюдение режима, установленного врачами для Ленина, он сочтет возможным угрожать Н.К. Крупской за его «нарушение»...

С определенной степенью точности можно, пожалуй, сказать, что в руководящее ядро партии, в когорту соратников В.И. Ленина, в первые годы после революции входили Н.И. Бухарин, Ф.Э. Дзержинский, Г.Е. Зиновьев, М.И. Калинин, Л.Б. Каменев, В.В. Куйбышев, Г.К. Орджоникидзе, Я.Э. Рудзутак, А.И. Рыков, И.В. Сталин, Я.М. Свердлов, Л.Д. Троцкий, М.В. Фрунзе. Возможно, также стоит причислить к ядру В.М. Молотова, Г.Л. Пятакова, Г.И. Петровского, М.П. Томского, К.Б. Радека, И.Т. Смилгу... Конечно, это были люди с самой разной революционной судьбой, образованием, различными личными симпатиями и антипатиями. Почти половина из ближайших ленинских соратников провела годы в эмиграции, участвовала в многочисленных социал-демократических, социалистических и просто гуманитарно-культурных конференциях, конгрессах, совещаниях. Сталин выпал из этой «обоймы». Становление Сталина, как уже отмечалось в предыдущей главе, прошло причудливый путь. Природный ум, хитрость, расчетливость, осторожность имели сомнительную «школу». Два десятка лет учебы в духовных заведениях и ссылок, отсутствие пролетарской закалки

и какой-либо профессии сформировали Сталина как **функционера идеи**. Он раньше, чем кто-либо другой в ленинском окружении, понял и почувствовал возможности аппарата, его силу. Большинство же тех, кто входил в ленинскую когорту, явно недооценивали роль безличных структур власти. У Сталина исподволь складывалось свое отношение к каждому члену руководящего ядра. Эти люди, которые, по словам Сталина, «наострились в деле руководства», были очень разными.

Сталин, например, как я уже говорил, первое время чувствовал себя весьма неуверенно, сталкиваясь с красноречием Троцкого, его высокомерием, самоуверенностью. Но позже он поймет, что это иногда человек позы, фразы, красивого слова. В революции и гражданской войне Троцкий оказался на вершине славы. Пришла большая, широкая популярность, появились сторонники. Нашлись люди, которые видели в нем не просто «второго» человека, но и будущего лидера партии. Троцкий являл собой человека, у которого самая сильная сторона заключалась не столько в организаторском таланте, сколько в ораторских способностях и остром, часто парадоксальном уме. Благодаря этим качествам Троцкий мог вести за собой людей, зажигать их на фронтах гражданской войны, искусно подогревая свою популярность. Но, когда пришла пора монотонных будней, «вождь Красной Армии» стал быстро «линять», тускнеть. Даже некоторые правильные идеи и концепции он выдвигал в вызывающей фор-

ме, все больше теряя своих сторонников. Для Троцкого главное – лозунг, трибуна, эффектный жест, а не черновая работа. Будущий генсек, пожалуй, раньше многих разглядел и сильные и слабые грани этого человека. Сталин, учитывая большую популярность Троцкого, на первых порах пытался установить с ним если не дружеские, то хотя бы лояльные отношения. Был случай, когда Сталин однажды без приглашения заявился к Троцкому в подмосковное Архангельское, чтобы поздравить того с днем рождения. Но теплой встречи не получилось. Оба чувствовали глухую отчужденность. Известен также эпизод, когда Сталин пытался наладить более тесные, а возможно, и дружеские отношения с Троцким при помощи Ленина. Об этом, в частности, свидетельствует телеграмма Владимира Ильича Троцкому 23 октября 1918 года. В ней излагалась беседа Ленина со Сталиным, оценки членом Военного совета положения в Царицыне и желание более активно сотрудничать с Реввоенсоветом Республики. В конце телеграммы Троцкому Ленин писал:

«Сообщая Вам, Лев Давидович, обо всех этих заявлениях Сталина, я прошу Вас обдумать их и ответить, во-первых, согласны ли Вы объясниться лично со Сталиным, для чего он согласен приехать, а во-вторых, считаете ли вы возможным, на известных конкретных условиях, устранить прежние трения и наладить совместную работу, чего так желает Сталин.

Что же меня касается, то я полагаю, что необходимо приложить все усилия для налаживания совместной работы со

Сталиным».

Однако из этого ничего не получилось. Троцкий не скрывал своего холодного отношения к человеку, интеллектуальный уровень которого, по его мнению, во многом был ниже, чем у него. Сам Троцкий пишет о Сталине так: «При огромной и завистливой амбициозности, он не мог не чувствовать на каждом шагу своей интеллектуальной и моральной второсортности. Он пытался, видимо, сблизиться со мной. Только позже я отдал себе отчет в его попытках создать нечто вроде фамиллярности отношений. Но он отталкивал меня теми чертами, которые составили впоследствии его силу на волне упадка: узостью интересов, эмпиризмом, психологической грубостью и особым цинизмом провинциала, которого марксизм освободил от многих предрассудков, не заменив их, однако, насквозь продуманным и перешедшим в психологию мирозерцанием». Сталин в нескольких выступлениях высоко отозвался о роли Троцкого в революции и гражданской войне, но это отнюдь не изменило холодного отношения последнего к Сталину.

Интересные характеристики членов ядра ЦК содержатся в «Революционных силуэтах» А. Луначарского, вышедших в 1923 году, в «Портретах и памфлетах» К. Радека, в книгах и статьях Н. Дудея, М. Орахелашвили, Н. Подвойского, М. Рошалья, В. Бонч-Бруевича, А. Слепкова, И. Левина. В этих работах, как и многих других, раскрывается облик ленинских соратников, портреты тех, кто пришел с Лениным к

революции, кто свершил ее, кто приступил к созданию первого в мире социалистического государства, используя революционное насилие.

Заметное место среди этой плеяды занимали Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев. В историю они вошли своеобразным «дуэтом». Оба были близки по взглядам друг к другу, почти никогда не полемизировали между собой и, как правило, придерживались одинаковых позиций. Лидером в этом тандеме всегда был Зиновьев, долго занимавший весьма видное положение в партии. В бурной политической карьере Зиновьева были высокие взлеты и оглушительные падения. Вступив в партию еще в 1901 году, Зиновьев долгие годы провел в эмиграции, занимаясь литературным трудом. В дни Октябрьского восстания и Зиновьев и Каменев несколько, как тогда считалось, подмочили свою революционную репутацию, выступив в открытой печати против готовящегося вооруженного восстания. В.И. Ленин позже напишет, что «октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью».

Апогеем политической деятельности Зиновьева было пребывание в течение почти семи лет на посту председателя Исполкома Коминтерна. Его перу принадлежит множество статей, которые он активно пытался издавать отдельными сборниками, брошюрами и даже в специальном собрании сочинений. Вот образчик стиля Зиновьева: «Идущий к своей победе международный пролетариат в лице своих отдель-

ных отрядов еще не раз и не два собьется с пути и, обливаясь кровью, будет искать новую дорогу. Разгромленный в первой мировой империалистической войне, распятый и обманутый лжевождями из Второго Интернационала, международный пролетариат еще не освободился от кошмарного ощущения бездорожья...»

Многие свои лучшие качества Зиновьев отшлифовал, долгое время близко общаясь с Лениным как в эмиграции, так и уже после революции. Луначарский в своих «Революционных силуэтах» идет особенно далеко в оценке роли Зиновьева. Он считал, что Зиновьев был одной из опор Ленина, что именно он «из тех 4–5 человек, которые представляют по преимуществу политический мозг партии». Луначарский пишет, что все считали Зиновьева «ближайшим помощником и доверенным лицом Ленина».

Зиновьев был широко известен в партии; клокотал вулканической энергией. Но в его настроениях были частые перепады. То необузданный оптимизм, то уныние, вплоть до упадка или «холодной» истерики. Его нужно было постоянно взбадривать, «заводить». Долгое время он относился к Сталину снисходительно, даже высокомерно. Несколько раз, правда беззлобно, где-то в начале 20-х годов Зиновьев подтрунивал над примитивным стилем изложения статей Сталина, страдающих тавтологией и сухостью. Сам же он обладал хорошим пером, легким, афористичным стилем. Некоторые из его многочисленных статей весьма содержательны.

Например, статья «Из первых боев за ленинизм», в которой Зиновьев тонко, аргументированно показывает несостоятельность претензий Троцкого на особое положение в партии.

Будучи руководителем Петроградской партийной организации, Зиновьев в свое время пытался продемонстрировать твердость и даже диктаторские замашки, хотя в момент приближения Юденича к колыбели революции откровенно растерялся. И эту растерянность тут же заметил приехавший в Петроград Сталин, мысленно оценивший Зиновьева как «хлюпика», проявлявшего тем не менее тщеславие и обостренное честолюбие. До смерти Ленина Сталин старался поддерживать с Зиновьевым и Каменевым почти дружеские отношения. Когда Ленин проводил в начале ноября 1922 года узкое совещание с Зиновьевым, Каменевым и Сталиным, вполне могло сложиться впечатление, что эта «тройка» очень сплочена, дружна и едина. Но так могло казаться только в течение какого-то времени. У каждого из троицы кроме общих важное место занимали и личные амбициозные планы. Кто мог знать, что именно по инициативе Сталина Зиновьев будет дважды исключен из партии и затем восстановлен; но третий раз, в 1934 году, исключение предвещало лишь скорую гибель. Впрочем, точно такая же судьба в партии ожидала и другую половину «дуэта» – Каменева.

Зиновьева признавали одним из лучших ораторов партии. Не случайно на XII и XIII съездах ЦК поручал ему делать ос-

новные политические отчеты. Зиновьев был в числе тех, кто одобрял наличие ядра в политическом руководстве. Выступая в 1925 году на XIV съезде партии, Зиновьев говорил: «... Владимир Ильич хворал... мы должны были первый съезд (т. е. XII. – *Прим. Д.В.*) проводить без него. Вы знаете, что были разговоры о сложившемся ядре в Центральном Комитете нашей партии, что XII съезд молчаливо сошелся на том, что это ядро и будет вести, конечно, при полной поддержке всего Центрального Комитета, нашу партию, пока встанет Ильич».

Зиновьев долго считался (как и Каменев) одним из близких друзей Сталина. Когда его в 1926 году вывели из состава Политбюро, Зиновьев полагал, что это ненадолго. Накануне нового, 1927 года они с Каменевым, захватив бутылку коньяка и шампанское, неожиданно заявили на квартиру Сталина, благо жили близко друг от друга. Казалось, мировая достигнута. Говорили на «ты», вспоминали былое, друзей, но ни слова о деле. Коба был хлебосольным, тепло принял старых «друзей», говорил просто, душевно, как будто не он в июле и октябре уходящего года добился их ухода из Политбюро. «Дуэт» ушел окрыленным. Однако Сталин уже давно решил, что эти люди, так много знавшие о нем, больше Генеральному секретарю не нужны.

Будет еще один случай, когда они придут (нет, их приведут!) к Сталину вместе. В 1936 году оба уже сидели в тюрьме, написали письма «вождю», и тот вдруг откликнул-

ся. Бывшие соратники Ленина, бывшие члены Политбюро, не без оснований рассчитывавшие на высокое положение в партии и государстве после смерти Владимира Ильича, вошли в кабинет человека, которого они когда-то так недооценили. Кроме Сталина, там были Ворошилов и Ежов. Поздоровались. Сталин не ответил и не предложил сесть. Расхаживая по кабинету, он предложил сделку: вина их доказана, новый суд может приговорить к «высшей мере». Но он помнит их прошлые заслуги. (Наверное, у Зиновьева и Каменева при этих словах что-то дрогнуло внутри.) Если они на процессе все признают, особенно непосредственное руководство их подрывной деятельностью со стороны Троцкого, он спасет их жизни... Постарается спасти. А затем добьется, чтобы их и освободили. Решайте. Так нужно для дела... Наступило долгое молчание. Зиновьев, более податливый и слабый, негромко сказал: «Хорошо, мы согласны». Он привык решать и за Каменева. Через два месяца их расстреляют.

Вот что рассказывал мне в сорок седьмом в Сибири один заключенный, которого звали Борисом Семеновичем. В селе, где жили мы с матерью, братом и сестрой, в тридцать седьмом быстро построили лагерь. Некоторые заключенные были «расконвоированы», т. е. им разрешалось иногда выходить из зоны. Борис Семенович сапожничал, два-три раза бывал у нас, латая старые кирзовые сапоги, мои и брата. Сам он, до того как сел в тридцать восьмом, работал в «органах», в той тюрьме, где сидели бывшие соратники Стали-

на. Он и сопровождал их на последнее свидание с «вождем». Когда пришли ночью за Зиновьевым и Каменевым, то вели себя они по-разному. Хотя оба (в который раз!) написали Сталину прошение о помиловании и, видимо, надеялись на милость (ведь обещал же!), почувствовали, что это – конец. Каменев молча шел по коридору, нервно пожимая ладони. Зиновьев забился в истерике, и его вынесли. Менее чем через час еще двое из бывшего ядра ЦК перешагнули роковую линию. В свое время они, как никто, укрепляли позиции Кобы. Плата за «услуги» – их жизнь.

Напомню читателю, что Каменева Сталин близко знал по ссылке в Туруханском крае. Именно там они встретили весть о Февральской революции. Сталин еще тогда отметил в нем хорошую эрудицию и какую-то импульсивность: способность быстро приходить к определенным решениям, но так же быстро и отказываться от них. На отношение Сталина к Каменеву сильно влияло то обстоятельство, что последний был заместителем Ленина в Совнаркоме и часто вел пленумы ЦК, заседания Совнаркома, неоднократно председательствовал на партийных съездах. Еще при Ленине Каменев, как правило, председательствовал на заседаниях Политбюро.

Хотя Зиновьев и Каменев были заметными ораторами и публицистами, оба были без твердого «стержня», могли в критическую минуту, в переломный момент, сделать зигзаг в своем поведении, осуществить маневр во имя прежде всего

личных целей, амбиций и престижности. К сожалению, свою борьбу со Сталиным они, хотели того или нет, перенесли в сферу партийного аппарата. Но уже тогда у них в этой области шансов на успех было мало. И не в последнюю очередь потому, что, хотя оба руководителя обладали незаурядными способностями, настойчивостью в достижении цели, Сталин их внутреннюю рыхлость и непоследовательность раскусил довольно быстро.

Ленин, зная о слабостях Зиновьева и Каменева, тем не менее активно на них опирался. Особенно это относится к Каменеву, который не раз выполнял многие личные поручения Ленина. Было известно, что Каменев умело вел переговоры, улаживал различные щекотливые дела в партийной среде. Он был менее популярен, чем Зиновьев, однако более основателен, более интеллигентен. У него были свои идеи, он был способен на достаточно глубокие теоретические обобщения, был смел и решителен. В историю войдут слова, которые Лев Борисович Каменев произнес 21 декабря 1925 года (как раз в день рождения Сталина), выступая на XIV съезде партии:

«Мы против того, чтобы создавать теорию «вождя», мы против того, чтобы делать «вождя». Мы против того, чтобы Секретариат, фактически объединяя и политику и организацию, стоял над политическим органом. Мы за то, чтобы внутри наша верхушка была организована таким образом, чтобы было действительно полномочное Политбюро, объединяющее всех политиков нашей партии, и вме-

сте с тем чтобы был подчиненный ему и технически выполняющий его постановления Секретариат... Лично я полагаю, что наш генеральный секретарь не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя старый большевистский штаб... Именно потому, что я неоднократно говорил это т. Сталину лично, именно потому, что я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба... Эту часть своей речи я начал словами: мы против теории единоличия, мы против того, чтобы создавать вождя!»

Это были мужественные слова. Более того, из публично сказанного против единовластия Сталина, которое тогда еще только-только начинало проглядываться, это были самые вещи слова предупреждения. За одно это Каменев заслуживает уважения. Урок мужества мысли, который преподал партии Ленин, Каменев усвоил, похоже, лучше других. Но почему же тогда «группа товарищей-ленинцев», как их назвал Каменев, не поддержала трезвые, пророческие предложения одного из членов руководящего ядра? В этом виноваты не только «товарищи-ленинцы», близоруко оценившие ситуацию, но и сам Каменев. Его беспринципные шараханья в борьбе со Сталиным то к Троцкому, то от него создали впечатление (недалекое от истины), что движущие мотивы его поведения были в значительной мере связаны с личными амбициями. Каменеву не суждено было стать той личностью,

которая «остановила» бы Сталина. Вместо ослабления Сталина произошло укрепление его позиций: ведь Каменев атаковал генсека с позиций «оппозиционера».

Между Троцким, Зиновьевым и Каменевым отношения были сложные. Несмотря на то что Каменев был мужем сестры Троцкого, близких связей между ними, по существу, не было. Все дело в том, что и Троцкий и Зиновьев претендовали на лидерство в партии. Особенно тогда, когда выяснилось, что состояние здоровья вождя критическое. Троцкий, написавший свои сенсационные «Уроки Октября», в самом неприглядном свете показал роль Зиновьева и Каменева в революции. Последние, как известно, потребовали выведения автора «Уроков» из Политбюро и исключения из партии. Но Сталин был еще не совсем тот, каким он станет в 30-е годы. На XIV съезде партии, когда ЦК ограничился снятием Троцкого с поста наркомвоена, он скажет по этому поводу: «Мы не согласились с Зиновьевым и Каменевым потому, что знали, что политика отсечения чревата большими опасностями для партии, что метод отсечения, метод пускания крови – а они требовали крови – опасен, заразителен: сегодня одного отсекли, завтра другого, послезавтра третьего, – что же у нас останется в партии?»

Эти слова Сталина съезд встретил аплодисментами. А через три-четыре минуты после этих фраз, продолжая свое заключительное слово, Сталин скажет, комментируя запрещение издания журнала «Большевик» в Ленинграде: «Мы не

либералы. Для нас интересы партии выше формального демократизма. Да, мы запретили выход фракционного органа и подобные вещи будем и впредь запрещать». Эти слова были встречены уже бурными аплодисментами. Делегатам нравилась твердость и решительность Сталина. Знали ли делегаты, что пройдет не так уж много времени и Сталин созреет для «метода отсечения», и на гильотину беззакония взойдут очень многие из них?

Забегим немного вперед... Когда Каменев, выброшенный из руководящей «обоймы», стал директором Института мировой литературы, Сталин во время очередного доклада Ягоды бросил:

– Посматривайте за Каменевым... Думаю, что он связан с Рютиным. Лев Борисович не из тех, кто быстро сдается. Я его знаю больше двадцати лет. Это враг...

И Ягода «посматривал». В 1934 году Каменева арестовали, в 1935 году судили, дали 5 лет. В этом же году – вновь судили: срок увеличили до 10 лет. В конце 1936 года поставили точку. Вечную.

Вскоре после расстрела Каменева Сталину попала в руки книжка «Н.Г. Чернышевский», написанная расстрелянным сотоварищем Кобы. Сталин долго листал томик (один из первых в серии «Жизнь замечательных людей»), внимательно читал оглавление, отдельные страницы. Вспомнил, как Каменев, когда они тряслись в феврале 1917 года в поезде от Ачинска к Петрограду, рассказывал о Плеханове, Мар-

тове, Аксельроде, меньшевистской эмиграции, их вражде к Ленину, делился планами, пребывая в настоящей эйфории от свершившегося. Положив книжку на стол, Сталин мог подумать: «Суета сует». Все проблемы для Каменева теперь отпали, а ему столько предстоит их решить!..

А пока Зиновьев и Каменев, полагал Сталин, были ему нужны для борьбы с Троцким, которого он считал главным противником, и своим, и партии.

Сталин быстро проявил себя неплохим администратором. Выполняя свои обязанности, он внимательно присматривался прежде всего к членам Политбюро, другим авторитетным товарищам из ЦК. Для себя он отметил, что самую влиятельную часть ядра составили те, кого он про себя называл «литераторами». Так он именовал бывших эмигрантов. Он не мог не признать для себя, что все они отличались высокой интеллектуальностью, теоретической подготовленностью, общей эрудицией. Это вызывало у Сталина внутреннее раздражение: «Пока мы тут готовили революцию, они там читали да писали...»

Однажды об этом он сказал почти открыто. При утверждении уполномоченного ЦК при одном из губкомов выяснилось, что товарищ едва умеет читать и писать. Но Сталин бросил на весы решения свое мнение:

– За границей не был, где же ему было выучиться... Справится.

В ленинском окружении было немало крупных лиц. Ста-

лин быстро заметил, что Бухарин, Рыков, Томский, хотя и не составляют какой-то особой группы, весьма тяготеют к решению экономических, хозяйственных, промышленных вопросов. Это были хорошие экономисты, «технократы». К сожалению, позже, в 30-е годы, да и целые десятилетия после Великой Отечественной войны настоящим экономистам, «технократам» практически не находилось места в верхних эшелонах власти. Их места, как правило, занимали администраторы-бюрократы типа Кагановича и Маленкова. Впрочем, при директивно-командном стиле работы крупные экономисты, такие, как Вознесенский, и не были нужны; ведь многое делалось не благодаря, а вопреки экономическим законам.

В этой троице (Бухарин, Рыков, Томский), конечно, выделялся Н.И. Бухарин. Уже в своей первой книге «Политическая экономия рантье», написанной им накануне Первой мировой войны, чувствовалась глубина проникновения в генезис хозяйственных отношений. В 1920 году появился первый том «Экономики», в которой Бухарин намеревался раскрыть процесс трансформации капиталистической экономики в экономику социалистическую. Захваченный вихрями борьбы, меняющихся обстоятельств, Бухарин так и не написал второго тома. В «Экономике» он утверждал, что «капитализм не строили, а он строился. Социализм, как организованную систему, мы строим. Самое главное для нас – найти равновесие между всеми элементами системы». Сталин,

обладавший лишь примитивными, начальными экономическими знаниями, внимательно присматривался к Бухарину.

Особых осложнений в отношениях между ними в то время не было; ведь Николай Иванович был покладистый, мягкий интеллигент. Порой складывалось впечатление, что Сталин и Бухарин близкие друзья. Да и жили они в Кремле в соседних квартирах. Вскоре будущий генсек понял, что у Бухарина нет амбициозных планов. Бухарину были непонятны и неприятны борьба за лидерство, трения, возникшие между отдельными членами Политбюро. Не случайно довольно долго он старался не занимать определенной позиции в борьбе между «триумvirатом» и Троцким. Его выступления в дискуссиях и речи Троцкий назвал впоследствии «странным миротворчеством». Думается, несостоявшийся лидер не прав: Бухарин превыше всего ценил авторитет Ленина (хотя часто и жарко с ним спорил) и коллективное мнение Политбюро.

К А.И. Рыкову Сталин всегда относился настороженно. Не только потому, что тот после смерти Ленина заменил его на посту Председателя Совнаркома. Рыков был исключительно прямой, откровенный человек. Именно поэтому Рыкову не всегда удавалось устанавливать с сослуживцами нормальные отношения. Например, известен случай, когда Смилга направил жалобу в ЦК РКП(б), в которой просил освободить его от должности заместителя Председателя ВСНХ и начальника Главтопа ввиду невозможности сработаться с

Рыковым... Ленин, ознакомившись с письмом Смилги, пишет записку Сталину, в которой рекомендует пока воздержаться от освобождения Смилги, полагая, видимо, что отношения между партийцами могут и должны быть улажены.

Рыков обычно говорил в лицо то, что думал. И писал так же. В 1922 году он написал работу «Хозяйственное положение страны и выводы о дальнейшей работе». По существу, Алексей Иванович выступил в поддержку нэпа, против попыток решить экономические проблемы путем директивных методов. С именем Рыкова связаны ГОЭЛРО, Днепрострой, Турксиб, рост кооперативного движения, первый пятилетний план, другие важные «заделы» социалистического государства. Именно Рыков пытался в последующем убедить Сталина и его сторонников, что социализм должен совершенствоваться, развивать товарно-денежные отношения, не ограничивать хозяйственную самостоятельность непосредственных производителей. Увы, разговор шел словно на разных языках...

Уже когда Сталин в конце 20-х приобрел большой политический вес, Рыков однажды, после обсуждения очередных директив по коллективизации, бросил ему в лицо: «Ваша политика экономикой и не пахнет!» Генсек остался невозмутимым, но реплики не забыл.

Сталин вообще ничего не забывал. Его холодная компьютерная память цепко держала в своих ячейках тысячи имен, фактов, событий. Он не забыл и того, что Ленин очень ценил

Рыкова. В сочинениях вождя фамилия Рыкова упоминается 198 раз, немногим меньше, чем Сталина. Будучи Предсовнаркома СССР, с 1926 года Рыков возглавляет Совет Труда и Оборона, Комитет по науке и содействию развитию научной мысли. Сталин не забыл, как Рыков, выступая в марте 1922 года на пленуме Моссовета, сказал, что недопустимо вновь скатываться к методам «военного коммунизма», подверг резкой критике тех, кто нападал на нэп, назвав эти наскоки «необычайно вредными и опасными», требовал отказаться от методов насилия в деревне, где нужно, по его словам, соблюдать «революционную законность». Спустя много лет А.И. Рыков в последний раз в своей жизни выступал на Пленуме ЦК, отвергая чудовищные обвинения в шпионаже, диверсиях, терроре. Рыков вошел в первое Советское правительство в качестве наркома внутренних дел, но через несколько дней подал в отставку в знак протеста против того, что все правительство было большевистским, а не коалиционным... Сталин злорадно усмехнулся: «Всегда такой был».

Бухарина и Рыкова как-то особенно волновала судьба русского крестьянства, в то время как Троцкий (да и Сталин в душе с ним соглашался) считал, что «это – материал для революционных преобразований». Нельзя было не видеть, сколь большой популярностью в народе пользовались Бухарин и Рыков. Они ходили без охраны, были очень доступны, отзывчивы. Простые люди всегда эти качества руководителей высоко ценят. Сталин же эту простоту и доступность на-

зывал «заигрыванием с народом». Даже естественное поведение порядочного человека для него было подозрительным.

Так же с недоверием Сталин всегда относился к М.П. Томскому (Ефремову). Участник трех революций, видный профсоюзный работник умел постоять за свою точку зрения. Сталин долго терпел этого «друга Рыкова», пока не ввел в Президиум ВЦСПС Кагановича и Шверника, которые вытеснили из Президиума его Председателя. Когда 22 августа 1936 года на даче в Болшево Томский покончил жизнь самоубийством, Сталин сказал:

– Его самоубийство – подтверждение вины перед партией...

Но мы сегодня знаем, что все было наоборот. Это была крайняя форма протеста против единовластия «вождя».

Заметное место в ядре партии занимал Ф.Э. Дзержинский. Бухарин называл его «пролетарским якобинцем». Это был один из старейших членов партии и организаторов Социал-демократии Польши и Литвы. К. Радек, оценивая позже роль Дзержинского, восхвалял его: «Враги наши создали целую легенду о всевидящих глазах ЧК, о всеслышающих ушах ЧК, о вездесущем Дзержинском. Они представляли ЧК в качестве какой-то громадной армии, охватывающей всю страну, просовывающей свои щупальца в их собственный стан. Они не понимали, в чем сила Дзержинского. А она была в том, в чем состояла сила большевистской партии – в полнейшем доверии рабочих масс и бедноты...» У Сталина

были неплохие отношения с Дзержинским, особенно после ряда совместных выездов с ним на фронты в годы гражданской войны. Скупой на возвышенные оценки, Сталин сказал после преждевременной кончины Дзержинского: «Он сгорел на бурной работе в пользу пролетариата». Но «в пользу» ли истории? Тогда этого не знали...

Не очень броским внешне, но чрезвычайно обаятельным был М.В. Фрунзе. Сталин, прошедший через тюрьмы и ссылки, с особым уважением относился к Арсению, так иногда и после революции называли Фрунзе старые товарищи. Все знали, что в 1907 году Михаил Васильевич был дважды приговорен к смертной казни, провел долгие недели в камере смертников, затем несколько лет на каторге. Мало кто тогда в деталях знал, сколь большую работу провел Фрунзе для достижения победы на Восточном, Туркестанском, Южном фронтах. Сталин, сам обладавший недюжинной решительностью, поражался спокойной манере руководства этого пролетарского полководца, способного на высшее проявление политической и военной воли. За короткое время пребывания на посту наркомвоенмора Фрунзе очаровал всех глубиной своего интеллекта, новизной подходов к вопросам военной доктрины, реформы вооруженных сил, оперативного искусства в современной войне.

Фрунзе страдал язвенной болезнью желудка, предпочитал консервативное лечение. Очередное обострение проходило. Но консилиум врачей вновь делает заключение: «Нужна опе-

рация». По ряду свидетельств (книга И.К. Гамбурга «Так это было», Б.А. Пильняка «Повесть непогашенной луны» и др.), Сталин с Микояном приезжали в больницу, говорили с профессором Розановым и настаивали на операции. Незадолго до операции Фрунзе написал записку жене: «Я сейчас чувствую себя абсолютно здоровым, и даже как-то смешно не только идти, а даже думать об операции. Тем не менее оба консилиума постановили ее делать».

Трудно судить о всех возникших после смерти Фрунзе догадках; была ли здесь чья-то «рука», или рок судьбы вынес свой приговор? После смерти Фрунзе многие медики высказывали мнение, что операция, простая даже по тем временам, не была необходимой. Сталин на похоронах М.В. Фрунзе скажет: «Может быть, это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и так просто спускались в могилу. К сожалению, не так легко и далеко не так просто поднимаются наши молодые товарищи на смену старым». Кое-кто увидел в этих словах сокровенный, известный лишь одному Сталину смысл. Гадать не стоит. У нас нет доказательств для каких-то категорических выводов. Ясно одно, не подстереги Фрунзе эта нелепая (или загадочная?) смерть, то этот самородок смог бы сыграть на политической сцене более видную роль. Сталин это почувствовал довольно давно по отношению Ленина к Фрунзе. Все, чем занимался Фрунзе, несло печать его незаурядного, оригинального ума.

Крупным организатором в ЦК был Я.М. Свердлов. Это

был классический, самоотверженный исполнитель. «У него были ортодоксальные идеи на все, он был только отражением общей воли и общих директив. Лично он их никогда не давал, он только их передавал, получая от ЦК, иногда лично от Ленина». Когда он говорил, вспоминал Луначарский, то его речи походили на передовицы официальной газеты. Но он обладал и тем, в чем сравниться с ним могут немногие, – знанием малейших нюансов положения в партии, хорошими организаторскими способностями. Можно даже сказать, что до момента, когда было принято решение иметь в Секретариате первое лицо – Генерального секретаря ЦК, эти обязанности уже выполнял Я.М. Свердлов. Но это был ярко выраженный якобинец, сторонник жестких силовых методов переустройства общества. Сталину нравилось, как деловито, немногословно Свердлов вел заседания ЦК. Запомнилось одно из заседаний ЦК в марте 1918 года. На повестке дня было много вопросов: положение на Украине, декларация «левых», эвакуация «Правды», организация контроля за военными, заявление Крыленко, дело Дыбенко... Страна бурлила. Свердлов достал черную клеенчатую тетрадь для ведения протокола заседания, посмотрел на присутствующих – в комнате были Ленин, Зиновьев, Артем (Сергеев), Сокольников, Дзержинский, Владимирский, Сталин – и буднично попросил говорить по существу... После кончины Свердлова Ленин дал ему блестящую оценку: такие люди незаменимы, их приходится заменять целой группой работников. Свердлов

был способен исполнить волю Ленина любой ценой. Иногда – страшной.

Робинзоны существуют только в романах. Те или иные качества человек формирует в себе, находясь в кругу товарищей, единомышленников, соперников. Сталин, входя в когорту ленинских соратников и учеников, должен был воспринять немало ценного, непреходяще важного от общения с вождем, его окружением. Однако далеко не все качества зрелого человека способны трансформироваться. Многое, заложенное в ранние годы, – скрытность, холодный расчет, ожесточенность, осторожность, бедность чувств – со временем не только не ослабло, но и усугубилось до предела. У Сталина уже давно начало просматриваться качество, которое Гегель называл пробабилизмом. Суть его заключается в том, что личность, совершающая какой-либо нравственно неблагоприятный проступок, старается для себя внутренне оправдать его и представить добрым. Сталин так и поступал. Убедившись в том, что общепризнанный вождь серьезно болен, он начал исподволь большую игру с целью максимального упрочения своего положения в руководстве. На первых порах он пытался доказать себе: это нужно в интересах «защиты ленинизма». Затем все, что он ни делал, считал нравственно оправданным во имя «построения социализма в одной стране». В конце концов принцип пробабилизма займет важное место в арсенале политических средств Сталина. Народ должен знать, полагал Сталин: все, что будет делать он, –

во имя народа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.